

ВЕСТНИК

**ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО № 20 (279)
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА 2012**

ISSN 1991-9778

СЕРИЯ

«ПРАВО»

Выпуск 30

Решением ВАК России включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий

**Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Южно-Уральский государственный
университет» (национальный исследовательский университет)**

Редакционная коллегия серии:

д.ю.н., профессор **А. В. Кудрявцева**
(*отв. редактор*),

д.ю.н., доцент **А. В. Петров**
(*зам. отв. редактора*),

к.ю.н., доцент **Л. Ф. Иванова**
(*отв. секретарь*),

д.ю.н., профессор **В. И. Майоров,**

д.ю.н., профессор **В. В. Кванина,**

д.ю.н., профессор **З. В. Макарова,**

к.ю.н., доцент **Г. С. Демидова,**

д.ю.н., профессор **Н. С. Нижник,**

к.ю.н., доцент **Г. Х. Шафикова.**

Серия основана в 2001 году.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-26455 выдано 13 декабря 2006 г. Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации от 19 февраля 2010 г. № 6/6 журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук».

Подписной индекс 29057 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность выхода – 4 номера в год.

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы и вопросы теории и истории государства и права

ЖАРОВ С. Н. Особенности нормативного регулирования правоприменения в политическом розыске Российской Империи в начале XX века	6
ЖАРОВ С. Н., СПРИШЕВСКИЙ Н. С. О создании системы правового регулирования политического и уголовного сыска России в XIX – начале XX веков	9
ОРЛОВ К. А. Средства массовой информации как элемент гражданского общества	13
ПЕТУХОВА Т. Н. Теоретико-методологический анализ понятия «толерантность» ..	18

Проблемы и вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики

АЗАРЕНКО Н. В., БАРАБАШ А. С. Состязательность: сравнительно-правовой аспект	24
БУТОВ В. Н. Осуществление защиты интересов участников процесса по УПК Швейцарии	27
ВОРОНИН Ю. А., ДАРОВСКИХ С. М. Проблемы выявления и разрешения конкуренции правовых позиций судов различных уровней	29
ИЛЬЮХОВ А. А. Актуальные вопросы возбуждения уголовных дел, рассмотренных судами с участием присяжных заседателей	35
ЗИГАНШИН С. Р. Уголовно-правовой аспект применения миграционного законодательства в области нелегальной миграции	40
ЗУЕВ С. В. Реализация ч. 1 ст. 45 Конституции РФ в уголовно-процессуальном и оперативно-розыском законодательстве в противодействии организованной преступности	44
КУДРЯВЦЕВА А. В., ВОРОНИН Ю. А. Уголовно-процессуальные аспекты изменения категории преступлений в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ	49
НАЛБАНДЯН П. С. Принципы международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства	52
ОВЧИННИКОВ Ю. Г. Влияние экономических гарантий на досудебное производство в уголовном процесс	55
ПЕТРОВ П. К. Квалификация действий соучастников при похищении человека	60
ПЬЯНЗИНА Е. В. Оценка доказательств с точки зрения надлежащего порядка проведения и оформления следственных действий	63
РУСМАН Г. С. Развитие медиации в уголовном судопроизводстве	66
СИВОЛОВА А. А. К вопросу о соотношении требования справедливости приговора суда и категории «истина» в уголовном процессе	70
ТАРНАВСКИЙ О. А. Определение понятия принципа уголовного судопроизводства	75

Проблемы и вопросы конституционного и административного права

ВЕТОШКИН Д. С. Правовые проблемы привлечения родителей несовершеннолетних к административной ответственности	78
--	----

Содержание

ИОГОЛЕВИЧ Н. И., САГАНДЫКОВ М. С. К вопросу о реформировании системы управления государственной гражданской службой	81
КВАНИНА В. В. Проблемы ответственности за несоблюдение требований безопасности и качества продукции в сфере технического регулирования	84
КОСТИНА Г. С. Административная ответственность банков и иных кредитных организаций за неисполнение требований судебного пристава-исполнителя: анализ ошибок при применении ч. 2 ст. 17.14 КоАП РФ	89
МАКАРОВА З. В., КОНЕВА Н. С. Категория «иммунитет» в конституционном праве России	94
ПЛОТНИКОВ Р. В. Миграционные правоотношения: социальный и юридический аспекты	100
Отзывы	
ДАРОВСКИХ С. М., ТЕТЮЕВ С. В. Отзыв ведущей организации о диссертации Ю. А. Масловой «Инициативная деятельность суда первой инстанции в условиях состязательного уголовного судопроизводства»	106
Abstracts and keywords	111
Сведения об авторах	115

CONTENTS

Problems and Questions on Theory and History of Law

ZHAROV S. N. Peculiar features of statutory regulations of law enforcement in political retrieval in the Russian Empire of the beginning of the 20th century	6
ZHAROV S. N., SPRISHEVSKIY N. S. On the establishment of the legal regulation system of political and criminal investigation in Russia in the 19th and the beginning of the 20th centuries	9
ORLOV K. A. Mass media as the element of civil society	13
PETUKHOVA T. N. Theoretical and methodological analysis of the notion «tolerance»	18

Problems and Questions of Criminal Law, Criminal Justice

and Criminalistics

AZARENOK N. V., BARABASH A. S. Adversarial character: a comparative legal aspect	24
BUTOV V. N. Protection of participants' interests in the trial of the criminal procedure code of Switzerland	27
VORONIN Y. A., DAROVSKIY S. M. Problems of identifying and arrangement of competition of legal views of courts at various levels	29
ILYUKHOV A. A. Topical issues of initiation of criminal cases, dealt with by the courts with the participation of the juries	35
ZIGANSHIN S. R. Criminal and legal aspect of the application of migration legislation in the sphere of illegal migration	40
ZUEV S. V. Implementation of Section 1 of Article 45 of the Constitution of the Russian Federation in procedural criminal and investigative legislation in combating organized crime	44
KUDRYAVTSEVA A. V., VORONIN Y. A. Procedural criminal aspects of the change of crime grade in accordance with Section 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation	49
NALBANDYAN P. S. International cooperation principles in the sphere of criminal procedure	52
OVCHINNIKOV Y. G. The influence of economic guarantees on pre-trial procedure in criminal proceeding	55
PETROV P. K. Characterization of accomplice actions at kidnapping	60
PYANZINA E. V. Evidence evaluation in terms of regular order and execution of investigatory actions	63
RUSMAN G. S. Mediation development in criminal procedure	66
SIVOLOVA A. A. To the question of interrelation of requirements of justice of court sentence and the category of truth in the criminal procedure	70
TARNAVSKY O. A. The content of criminal procedure theory determination	75

Contents

Problems and Questions on Constitutional and Administrative Law

VETOSHKIN D. S. Legal issues of involvement of the minors' parents to administrative responsibility	78
IOGOLEVICH N. I., SAGANDYKOV M. S. To the issue of reforming the system of state civil service management	81
KVANINA V. V. Issues of responsibility for non-observance of safety requirements and product quality in the sphere of technical regulation	84
KOSTINA G. S. Administrative responsibility of banks and other depository institutions for non-observance of requirements of bailiffs: analysis of mistakes at the use of Section 2 Article 17.14 of the Administrative Offences Code of the Russian Federation	89
MAKAROVA Z. V., KONEVA N. S. The category of «immunity» in the constitutional law of Russia	94
PLOTNIKOV R. V. Legal migration relations: social and juridical aspects	100

Reviews

DAROVSKIY S. M., TETYUEV S. V. Review of the leading organization of the thesis «Initiative of the court of first appearance in the context of contentiousness of criminal procedure» by Y. A. Maslova	106
--	-----

Abstracts and keywords	111
-------------------------------------	-----

Authors	115
----------------------	-----

Проблемы и вопросы теории и истории государства и права

УДК 343.301 (470) (09)

ОСОБЕННОСТИ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ РОЗЫСКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

С. Н. Жаров,

доктор юридических наук, доцент кафедры государственного правового дисциплин, Южно-Уральский государственный университет

В статье анализируются причины, правовое регулирование и эффективность применения трех основных методов реализации оперативно-розыскной информации о деятельности революционеров и их организаций.

Ключевые слова: *политический розыск, секретные сотрудники, агентура, следственные действия, ликвидация, уголовная и административная репрессия.*

Деятельность органов политического розыска в Российской Империи конца XIX – начала XX вв. заключалась в выявлении оппозиционных, в первую очередь революционных, организаций и их членов, и их «ликвидации», что подразумевало не просто арест, но и получение доказательств преступной деятельности, достаточных для применения уголовной или административной (полицейской) репрессии. В системе обеспечения государственной безопасности действовала трехчленная структура: сведения о противоправной деятельности добывали чины охранных отделений в ходе оперативно-розыскных мероприятий, на основе этих сведений чины территориальных жандармских учреждений (как правило, губернских жандармских управлений) осуществляли следственные действия, предусмотренные Уставом уголовного судопроизводства, а реализовывали полученные доказательства в своих решениях и приговорах суды различных инстанций и администраторы – губернаторы и градоначальники.

Задачей охранных отделений было добираться через отдельных известных революционеров до самого центра их организации, выяснить весь ее руководящий состав для того, чтобы затем «одним ударом вырвать ее всю, с корнем»¹, т.е. единовременными или последовательными арестами прекратить деятельность организации в данной местности. Именно так, и вполне успешно, действовало московское охранное отделение под руко-

дством С. В. Зубатова, и такую схему действий он насаждал по всей Империи, возглавив Особый отдел Департамента полиции. Летом 1902 года она была закреплена в нормах ст. 9–13 Положения о начальниках розыскных отделений, утвержденного министром внутренних дел В. К. Плеве².

Однако с течением времени и особенно вследствие революционных событий 1905–1907 гг. революционные партии из небольших групп превратились в крупные, массовые организации, пользовавшиеся поддержкой значительной части населения. Соответственно и арест какой-либо организации приводил лишь к ослаблению осведомленности розыскного отделения, поскольку внедренный в эту организацию секретный агент либо лишался возможности давать сведения вследствие ареста, либо, оставшись на свободе, возбуждал подозрение в сотрудничестве с охранкой. Тем временем революционеры создавали новую организацию. Одним из наиболее дальновидных руководителей розыска, понявшим эти изменения, был А. В. Герасимов, назначенный в 1905 году начальником Петербургского охранного отделения, написавший впоследствии: «В соответствии с этим изменившимся характером деятельности революционных партий изменялись и задачи политической полиции. Особенно необходимым стало добиться такого положения, при котором я был бы осведомлен о тайных планах всех руководящих революционных организаций и потому

имел бы возможность расстраивать те из этих планов, которые были наиболее опасны для государства»³. Эти идеи были не только одобрены министром внутренних дел П. А. Столыпиным, но и закреплены в § 7 Положения о районных охранных отделениях, утвержденного в декабре 1906 года: «Одной из главнейших задач начальников районных охранных отделений является учреждение центральной внутренней агентуры, могущей освещать деятельность революционных сообществ вверенной его надзору области. Указания этой агентуры должны быть использованы для направления деятельности входящих в районы розыскных органов и в особенности тех, которые проявляют недостаточно успешную деятельность»⁴. Еще более подробно зафиксировал новую ситуацию § 29 Положения об охранных отделениях от 9 февраля 1907 г.: «Если произведенное негласное дознание приведет к положительным результатам, то начальник охранного отделения руководствуется в дальнейшем нижеследующим: а) если расследование обнаружило основательные указания на готовящееся преступление (покушение на чью-либо жизнь, ограбление с политической целью, приготовление к демонстрациям и т.п.), то начальник охранного отделения принимает меры к предупреждению такового, путем задержания заподозренных лиц и отобрания орудий преступления и б) если негласное расследование установило совершающееся преступление (существование революционного сообщества (ст. 102, 124, 126 Уголовного Уложения), тайной типографии (ст. 132 того же Улож.), лаборатории взрывчатых веществ (закон 9 февраля 1906 г.), склада преступной литературы (ст. 132 Угол. Улож.) и т.д.), то начальник охранного отделения, на основании ст. 257 и 258 Уст. Угол. Суд., если на месте не находятся судебный следователь, начальник жандармского управления или его помощник, принимает все не терпящие отлагательства меры, как то: осмотры, освидетельствования, обыски и аресты, руководствуясь в этом отношении Уст. Угол. Судопр.»⁵.

Этим достигалась и еще одна важная цель политического розыска: полученные доказательства позволяли судам применить более суровую уголовную санкцию и тем самым удалить активных партийных функционеров от революционной деятельности на значительный срок, и уж как минимум не допустить их оправдания в обстановке, когда луч-

шие силы отечественной адвокатуры почитали своим долгом выступать защитниками на политических процессах.

Такая схема организации и правового регулирования работы охранных отделений, позволявшая им не только добывать, проверять, анализировать и хранить информацию о противоправной деятельности, но и реализовывать эту информацию, осуществляя в исключительных случаях следственные действия, оказалась весьма результативной, поэтому сохранилась даже после отставки Герасимова, что в условиях Российской Империи происходило не часто. Более того, руководители политического розыска рекомендовали всем жандармским офицерам-розыскникам приобретать секретных сотрудников в центральных органах революционных партий, а при невозможности – помогать своим агентам делать партийную карьеру. Инструкция по организации и ведению внутренней агентуры, составленная при Московском охранном отделении в 1911 году, гласила, что «сотрудник, стоящий в «низах» организации, постепенно может быть продвинут выше, путем последовательных арестов более сильных, окружающих его, работников»⁶.

Решительно изменил эту вполне эффективную схему свитский генерал-адъютант В. Ф. Джунковский, назначенный в начале 1913 года товарищем министра внутренних дел, заведующим полицией. В своем циркуляре от 26 октября 1913 г. он категорически потребовал от начальников розыскных учреждений «ликвидировать революционные группы, как скоро агентура даст Вам определенные и достоверные сведения о наличии преступной деятельности, а наружное наблюдение осветит связи и взаимоотношения заподозренных лиц»⁷. Не обладавший розыскным опытом руководитель тем самым существенно усложнил работу офицеров охранки, лишив их возможности получать полную и точную информацию из руководящих органов революционных партий. Руководство Департамента полиции пыталось оправдать перед подчиненными действия своего начальника, представив его требование как некий новый, «предупредительный» метод. В предписании от 26 ноября того же года было указано, что «обстоятельства настоящего момента вызывают настоятельную необходимость подавления всяких преступных замыслов в области революционного движения в самом их зародыше, не ожидая развития преступного наме-

рения»⁸. Однако всем сотрудникам охраны было ясно, что в отсутствие должных сил и средств, при оппозиционном настроении значительной части работников прокуратуры и суда идея «предупреждения» не сработает. Собственно это в результате и произошло. В преддверии грядущего обострения политического кризиса органы политического розыска оказались обезоружены собственным руководством.

Мотивы действий В. Ф. Джунковского рассматривались неоднократно, главным образом с либеральных позиций. Автор одной из последних работ, посвященных этой неоднозначной фигуре, утверждает, что идея могучего государства и его ответственности за соблюдение прав человека осталась основополагающей в сознании Джунковского до конца его жизни, а концепция его реформ в политическом розыске объединила в себе безусловный авторитет права и христианский идеал милосердия⁹. Не оспаривая этих выводов, заметим, что подобные принципы и концепции свидетельствуют о крайней некомпетентности, несоответствии занимаемой долж-

ности. Это, в сущности, традиционная беда российской государственности. Но в данном случае разрушительные последствия некомпетентности должностного лица были столь велики, что существенно приблизили крах имперской государственности.

¹ Кошель П. А. История российского сыска. М., 2005. С. 189–190.

² См.: Жаров С. Н. История правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в России (IX – начало XX вв.). Документы и материалы: учебное пособие. Челябинск, 2007. С. 53–54.

³ «Охранка»: воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. М., 2004. С. 197.

⁴ Жаров С. Н. Указ. соч. С. 64.

⁵ Там же. С. 75–76.

⁶ Там же. С. 126.

⁷ ГАРФ. Ф. 58. Оп. 5. Д. 4. Л. 294.

⁸ Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917. М., 2006. С. 339.

⁹ Дунаева А. Ю., Джунковский В. Ф. Политические взгляды и государственная деятельность (конец XIX – начало XX в.): автореферат дис. ... канд. истор. наук. М., 2010. С. 23–24.

Статья поступила в редакцию 5 марта 2012 г.

О СОЗДАНИИ СИСТЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО И УГОЛОВНОГО СЫСКА РОССИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

С. Н. Жаров,

доктор юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Южно-Уральский государственный университет

Н. С. Спришевский,

сотрудник Управления уголовного розыска ГУ МВД России по Челябинской области

В статье рассмотрены процесс систематизации оперативно-розыскных норм, объективные и субъективные факторы, повлиявшие на него, показано место структуры этих норм в системе права Российской Империи.

Ключевые слова: *система права, правовое регулирование, оперативно-розыскная деятельность, политический розыск, уголовный сыск, Российская Империя.*

Первая половина XIX столетия – период общей систематизации и кодификации как действующего законодательства, так и законодательного процесса. Именно в эти годы «сложилась система законодательной деятельности, встроенная в достаточно согласованные, организационно и процедурно обеспеченные стадии издания узаконений...: 1) законодательная инициатива, 2) обсуждение законопроектов в законосовещательных учреждениях, 3) санкционирование императором законопроекта, который становился законом, 4) обнародование законодательных актов, которое выступало особой, связующей власть и подданных стадией законотворчества»¹.

Однако для нормативных актов, регулировавших деятельность розыскных и разведывательных органов, эта система имела свои особенности. Причин тому было несколько. Первая из них заключалась в том, что нормативная база оперативно-розыскной деятельности в рассматриваемый период только формировалась, единичные акты и пакеты документов регулировали лишь отдельные стороны оперативно-розыскной практики. Вторая причина вытекала из самой сути оперативно-розыскной деятельности – ее секретности, которая не допускала обнародования нормативных актов во всеобщее сведение. Секретными были не только методы розыска, но подчас и само существование розыскных органов. К примеру, в Инструкции Начальнику Главного Штаба по управлению высшей воинской полиции» 1812 года было записано

требование к военной разведке: «Система высшей полиции тогда полезна и хороша, когда она так сокрыта, что неприятель думает, что ее нет и что противная ему армия не может получать никаких благоустроенных известий»². К третьей причине следует отнести субъективный фактор отношения монархов к регулированию этой деятельности. Если Александр I собственноручно утвердил весь пакет документов об организации и деятельности военной разведки и контрразведки в 1812 году, то уже его преемник Николай I, создав законодательным порядком III отделение собственной канцелярии, отказал ее первому руководителю А. Х. Бенкендорфу в инструкции, заменив ее платком для утирания слез обиженным. Так была создана традиция, согласно которой высочайшего утверждения удостоивались лишь нормативные акты о создании либо изменении руководящих оперативно-розыскных органов империи. Акты, регулировавшие формы и методы оперативно-розыскной деятельности, подлежали утверждению либо соответствующих министров, либо подчиненных им лиц.

Таким образом, к началу XX века стала складываться система нормативного регулирования политического розыска, в которой первый уровень был представлен законодательными актами: Уставом уголовного судопроизводства 1864 года с продолжениями³, Уставом о предупреждении и пресечении преступлений 1890 года⁴, Положением о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа

1881 г.⁵, Уголовным уложением 1903 года⁶, содержащими наиболее общие нормы о понятии политического преступления, видах таковых преступлений и их составах, а также санкциях, предусмотренных за их совершение, и особенностях организации розыска политических преступников. Эти правовые акты были приняты в общем законодательном порядке и прошли процедуру обнародования.

Второй уровень названной системы включил утвержденные императором правовые акты о создании центральных органов политического розыска – Департамента полиции и Отделений по охране общественного спокойствия и порядка в Санкт-Петербурге, Москве и Варшаве. Сюда же следует отнести также высочайше утвержденные Положение об устройстве секретной полиции в Империи 1882 года и секретный доклад о перлюстрации 1895 года⁷. Причем доклад о перлюстрации отнесен сюда по формальному признаку: одобрению императором, что в соответствии со ст. 53 Основных законов Российской Империи придавало ему законодательный характер.

К третьему уровню следует отнести нормативные акты, утвержденные министрами внутренних дел и их товарищами – командирами Отдельного корпуса жандармов: Положение о негласном полицейском надзоре 1882 года, Инструкцию инспектору секретной полиции 1883 года, Положение о начальниках розыскных отделений 1902 года, Положение о районных охранных отделениях 1906 года, Положение об охранных отделениях 1907 года, Инструкция чинам отряда секретной охраны по охране ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЕЛИЧЕСТВ во время ВЫСОЧАЙШИХ путешествий и пребываний вне мест постоянных резиденций 1913 года и некоторые другие. Сюда же относятся и утвержденные министрами внутренних дел акты о создании охранных и районных охранных отделений.

Четвертый уровень системы нормативного регулирования политического розыска составляли документы инструктивно-го характера, составленные в Департаменте полиции и утвержденные его директором – различного характера своды правил, положения, инструкции, циркулярные распоряжения, содержавшие нормы, непосредственно регулировавшие формы и методы оперативно-розыскной деятельности как штатных чинов

охранных отделений, так и нештатных секретных сотрудников.

Созданная система была вполне стройной и логичной, но не вполне работоспособной, поскольку свободно ориентироваться в ней могли единицы из чинов Отдельного корпуса жандармов. Розыскные офицеры в провинции далеко не всегда имели в своем распоряжении даже основополагающие нормативные акты по ведению политического розыска. В других направлениях деятельности своих подразделений жандармы нашли выход в систематизации нормативных актов и издании тематических сборников⁸. Но систематизацию актов, регулировавших оперативно-розыскную деятельность, до определенного времени сдерживали соображения секретности.

Однако наступил момент, когда отсутствие систематизации в этой отрасли жандармской деятельности стало серьезным препятствием не только к дальнейшему совершенствованию политического розыска, но и к его эффективности в целом. Это наглядно продемонстрировали результаты ревизии розыскных органов, проведенной в октябре 1911 года под руководством вице-директора Департамента полиции действительного статского советника С. Е. Виссарионова⁹. Его доклад, озаглавленный «Об упадке агентуры и о способах к поднятию политического сыска», представленный министру внутренних дел А. А. Макарову, повлек за собой принятие мер по совершенствованию политического розыска, хотя и весьма неспешное. Однако никаких реальных шагов по подготовке новых руководящих документов сделано не было.

Возглавивший с января 1913 года руководство политическим розыском в стране генерал-адъютант В. Ф. Джунковский провел целый ряд реорганизаций как в системе розыскных органов, так и в практике розыска, в первую очередь в осуществлении внутреннего и наружного наблюдения. Выявив ряд серьезных недостатков и упущений, в особенности в системе охраны высочайших особ, он добился создания ряда инструкций и положений, в которых подробнейшим образом урегулированы были обязанности всех должностных лиц и тщательно определена была ответственность каждого. Рядом подписанных новым командиром Отдельного корпуса жандармов циркуляров были внесены серьезные изменения и в действующие акты. Потребность в пересмотре нормативной основы политического розыска

стала насущной, и в течение года сотрудник Особого отдела подполковник В. Э. Энгбрехт трудился над систематизацией актов политического розыска, создавая цельный и непротиворечивый свод норм, позволявших любому жандармскому офицеру быть в полной мере вооруженным опытом своих предшественников, положенным на правовую основу. К декабрю 1914 года работа по составлению проекта, получившего название «Наказ по ведению политического розыска», была завершена. Однако законченный проект этого акта увидел свет лишь в октябре 1916 года, подписанный П. К. Поповым, опытным жандармским офицером, который почти весь 1914 год (с февраля по декабрь) возглавлял Петербургское охранное отделение, после чего переведен штаб-офицером для поручений в распоряжение министра внутренних дел, а в 1916 году произведен в генерал-майоры.

Лишь начавшаяся революция не позволила новому систематизированному документу стать основополагающим руководством для всех розыскных офицеров империи¹⁰.

Система правового регулирования форм и методов уголовного сыска складывалась несколько иным путем. Коренное отличие заключалось в том, что уже с начала XVIII столетия в издаваемых императорской властью законодательных актах предусматривались методы тайного сыска, в том числе привлечение к секретному сотрудничеству населения за плату. Например, Инструкция полевым и гарнизонным командам офицерам, отправляемым для сыску беглых драгун, солдат, матросов и рекрут и для искоренения воров, разбойников и пристанодержателей их от 24 декабря 1719 г. требовала «сыскивать таких людей, через которых можно б их (разбойников и пристанодержателей) изымать и посылать для проведения о их воровских пристанищах, сыскав из тамошних жителей угодных людей, которым за то обещать и давать вознаграждения»¹¹. Аналогичная норма содержалась и в Инструкции определенному для сыску и искоренения воров и разбойников Главному Сыщику 1756 года. Удивительно, но эти нормы не подвергались изменениям более ста лет. Новых же правовых норм, регулировавших негласные методы уголовного сыска, в законодательстве не появилось, хотя сыскные органы применяли их в массовых масштабах. Подлинным асом применения таких методов был штатный сыщик Московского Сыскаго приказа Иван Осипов – Ванька Каин, который

за два неполных года – с 28 декабря 1741 г. по ноябрь 1743 года – поймал и представил 298 преступников и беглых¹².

Но и законодательство, и ведомственное нормотворчество обходили молчанием применяемые на практике формы и методы оперативно-розыскной деятельности. Тем не менее она подразумевалась. Параграф 10 Инструкции полицейским урядникам 1878 года гласил, что «при производстве дознаний полицейские урядники... собирают необходимые сведения негласно, пользуясь близким знанием жителей своего участка и местности, стараясь не возбудить никакого подозрения или недоверия»¹³. Инструкция околоточным надзирателям 1867 года, включив аналогичную норму, содержала также требование «собирать негласным образом самые подробные сведения об образе жизни и поведении проживающих в околотке лиц, состоящих под надзором Полиции...»¹⁴.

Наконец, Общее учреждение губерний в редакции 1892 года предоставило полиции возможность в борьбе с уголовной преступностью использовать наряду с известными методами сыска и любые иные, введя единственный критерий – эффективность сыска: «Исправник и подчиненные ему Становые Приставы стараются узнать с достоверностью, где скрываются или имеют пристань появившиеся разбойники или воры, употребляя для сего как разведывание чрез служителей уездной полиции и достойных доверия обывателей, так и допросы, хотя не формальные, людей подозрительных, или неприметное за ними наблюдение, и вообще все те средства, кои по обстоятельствам будут признаны действительнейшими и удобнейшими»¹⁵. Это отнюдь не означало узаконенной вседозволенности полиции, напротив, речь шла о широчайшей возможности чинов полиции, на которых возлагались обязанности уголовного сыска, проявлять инициативу в борьбе с преступностью, раскрытии уголовных преступлений. Успехи первых столичных сыскных отделений прямо связаны с выдающимися качествами их начальников – И. Д. Путилина, В. Г. Филиппова, А. Ф. Кошко. В первую очередь сами они лично применяли лучшее из сыскаго опыта отечественных и зарубежных предшественников, изобретали новые формы и методы сыска, обучали своих сотрудников. К примеру, анализ мемуаров А. Ф. Кошко показывает, что этот выдающийся руководитель сыска в своей дея-

тельности применял практически все предусмотренные ныне Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ оперативно-розыскные мероприятия – естественно, принимая во внимание уровень технического прогресса¹⁶.

Создание в 1908 году системы имперского уголовного сыска на основании Закона об организации сыскной части неизбежно потребовало систематизации существовавших к тому времени норм регулирования оперативно-розыскной деятельности и фиксации в нормативном акте еще не закрепленных форм и методов сыска. Это было сделано при подготовке основополагающего нормативного акта уголовного сыска – Инструкции чинам сыскных отделений, утвержденной министром внутренних дел П. А. Столыпиным 9 августа 1910 г. В сущности, сама инструкция лишь обязала чинов сыскных отделений производить «систематический надзор за преступными и порочными элементами путем негласной агентуры и наружного наблюдения» (§ 2), а также перечислила негласные источники сведений: «а) слухи, доносы, безымянные (анонимные) сообщения и письма, б) сведения и справки, доставляемые лицами всевозможных профессий как за вознаграждение, так и в силу их постоянного общения с чинами сыскной полиции, в) сообщения секретных агентов из разных классов населения, в особенности же из преступной среды и г) заявления находящихся на свободе и в местах заключения преступников» (§ 59). Подробно же методика работы с секретными агентами была урегулирована Совершенно секретным приложением к Инструкции чинам сыскных отделений и циркулярами Департамента полиции № 26314 от 9 февраля 1910 г. и № 37469 от 4 октября 1911 г.

Как видим, в систематизации норм, регулировавших оперативно-розыскную деятельность сыскной полиции, прослеживается та же тенденция к многоуровневой структуре, что и в нормативных актах политического розыска.

Система сыскных отделений не была обособлена от прочих оперативно-розыскных органов. Параграф 11 Инструкции чинам сыскных отделений предусмотрел, что «все сведения, касающиеся дел политического

характера, начальники сыскных отделений обязаны беззамедлительно сообщать начальникам губернских жандармских управлений или охранных отделений, где таковые имеются и отнюдь не принимать каких-либо мер по означенным делам».

Таким образом, анализ нормативно-правовой базы оперативно-розыскной деятельности в России XIX – начала XX вв. указывает не только на высокий уровень ее развития, но и на наличие определенной систематизации норм, регулировавших эту деятельность. Логичная и непротиворечивая структура законодательных и ведомственных актов, соединившая в единый комплекс различные по своему составу и решаемым задачам оперативно-розыскные органы, формы и методы их деятельности, доказывает наличие высокой культуры нормотворчества в Российской Империи, опытом которой не пренебрегают и современные законодатели.

¹ Кодан С. В. Юридическая политика Российского государства в 1800–1850 гг. Ч. 2. Екатеринбург, 2004. С. 5.

² Жаров С. Н. История правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в России (XI – начало XX вв.). Документы и материалы. Челябинск, 2007. С. 228.

³ Озерецковский Н. Е. Судебные уставы императора Александра II. СПб., 1914.

⁴ Свод законов Российской Империи. Т. XIV. СПб, 1890.

⁵ Там же. Приложение 1 к ст.1 примечания 2.

⁶ Российское законодательство X–XX веков. Т. 9. М., 1994. С. 271–320.

⁷ Эти и прочие нижепоименованные акты см.: Жаров С. Н. Указ. соч.

⁸ См., например: Систематический сборник Циркуляров Департамента Полиции и Штаба Отдельного корпуса Жандармов, относящихся к обязанностям чинов Корпуса по производству дознаний. СПб., 1908.

⁹ См.: Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000. С. 210.

¹⁰ Подробнее о создании и судьбе Наказа, а также его содержание см.: Жаров С. Н. Последняя попытка реформы политического розыска в Российской империи: монография. Челябинск, 2007.

¹¹ ПСЗ. Собр. I. Т. 5. № 3477.

¹² Есипов Г. Ванька Каин. Оснадацкий век: исторический сборник. Кн. III. М., 1869. С. 308.

¹³ Жаров С. Н. Указ. соч. С. 182.

¹⁴ Там же. С. 187.

¹⁵ СЗ РИ. 1892. Т. 2. Ч. 1. Ст. 728.

¹⁶ Подробнее см.: Жаров С. Н. Оперативно-розыскная деятельность уголовного сыска Российской Империи // Юристы-Правоведы. 2007. № 4. С. 56–61.

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ЭЛЕМЕНТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

К. А. Орлов,

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Уральский юридический институт МВД России

На современном этапе развития в России все в большей мере назревает проблема объективного и своевременного информирования граждан о происходящих процессах в обществе, а также проблема формирования действительно информационно открытого гражданского общества. Сегодня необходимо добиться признания того, что СМИ – это способ информационного воздействия, образующий самостоятельное образование, способное с помощью современных технологий оказывать как целенаправленное, так и спонтанное воздействие на граждан, формировать их ценности, установки и мотивы поведения, в том числе и в правовой сфере.

Ключевые слова: *средства массовой информации, средство воздействия, социальный институт, гражданское общество.*

В современном российском обществе в самом общем виде существует три основных способа информационной коммуникации: неформальные контакты; общественно-политические организации (политико-правовые институты и др.); средства массовой информации. В настоящее время из способов информационной коммуникации особенно динамично развиваются именно средства массовой информации.

Вообще при анализе средств массовой информации следует остерегаться их понимания лишь как продукта коммуникации. Такой формально-догматический (узкий) подход к их сущности может сориентировать на одностороннее и неполное осознание их роли в жизни общества, он поощряет консервативные воззрения, игнорируя особенности современного развития и формирования публичной сферы гражданского общества. При таком подходе отрицается многоаспектность средств массовой информации как обособленного социального института, являющегося элементом гражданского общества, его взаимосвязь и обусловленность социальными отношениями.

В рамках общей концепции данной статьи обосновывается, что СМИ – это способ информационного воздействия, образующий самостоятельное образование, способное с помощью современных технологий оказывать как целенаправленное, так и спонтанное воздействие на граждан, формировать их ценно-

сти, установки и мотивы поведения, в том числе и в правовой сфере.

Средства массовой информации в публичной сфере на сегодняшний день являются важной частью гражданского общества, осуществляя диалог граждан, общества и государства, а также рассматриваются как инструмент гласности, открытости, публичной сферы, гражданского общества.

Проблемы открытого общества являются важной стороной развития демократических устоев. Важнейшие инструменты гражданского общества – общественно-правовые или публичные структуры телевидения, радиовещания и интернета, дающие гражданам возможность участвовать в диалоге в той самой публичной сфере, которую необходимо иметь демократическому обществу.

Средства информации можно представить как организатора и управляющего различными процессами в обществе, это отражается в использовании их для построения гражданского общества и создании публично-правовой сферы в условиях современного Российского государства.

Кардинально новое соотношение социально-политических сил в конце XX века, стремительный поворот к новым ценностям нашли свое адекватное закрепление в Конституции РФ. Представляется, что идеологический и политический плюрализм, многопартийность, свободные состязательные периодические выборы выступают объективной потребностью общества и государства, обу-

словленной всем течением отечественной истории.

В связи с этим важно подчеркнуть – получили распространение средства массовой информации, цель которых не политическое подавление масс, а их широкое информационное обеспечение во всех сферах жизни. Они стараются осуществить право граждан на информацию, не всегда подают сообщения без идеологического нажима, без четко выраженной идеологической позиции. Появились также еженедельники, журналы, которые вообще стараются обходить стороной политические проблемы.

Значительные изменения произошли в политической жизни страны – произошла смена советской политической системы на демократическую, в связи с чем появилось большое количество разнообразных СМИ политического характера. Данные изменения можно связать с тем, что при смене советской политической системы на демократическую происходит смена способов, методов и типов правового регулирования. Появляется новый тип правового регулирования – общедозволительный, в основе которого находится общее дозволение и которое строится по принципу «дозволено все, кроме того, что прямо запрещено законом», а также новый диспозитивный метод правового регулирования, который основан на учете инициативы, самостоятельности в выборе того или иного поведения участниками отношений. Данный метод предоставляет возможность политическим партиям, объединениям и движениям вносить существенный вклад в политобразование и социализацию масс, в их информированность и вовлечение в политические процессы, ведь для успешного функционирования демократической системы важно, чтобы среди граждан существовал интерес к формам управления, составу и работе политического аппарата¹. В связи с этим и появилось множество изданий демократической, коммунистической, национально-патриотической направленности.

В первую очередь, говоря о печатных изданиях, хотелось бы отметить, что с помощью данных средств массовой информации формируется правосознание граждан, определяется и формируется поведение в сфере права, экономики и бизнеса, вообще в различных отраслях жизнедеятельности. Данные цели в основном достигаются с помощью деловой и правовой прессы, целями которой являются

формирование информационной инфраструктуры, обеспечивающей потребности предпринимателей, пропаганда идей и принципов рыночной экономики, распространение законодательной и нормативной информации, создание положительного имиджа отечественного бизнесмена, широкое информирование читателей о мире бизнеса и права.

Сегодняшняя пресса служит целям правового воспитания, свободному обмену мнениями в кругу единомышленников, где возникает особая морально-психологическая атмосфера содружества и солидарности, внутренней организации, согласованию действий, координации усилий.

Вторым по времени появления средством массовой коммуникации после печати является радиовещание. Характеристика сложившейся ныне структуры российского радиовещания включает типологию радиоканалов по их содержательно-тематической направленности, характеру предлагаемой информации, функциональным характеристикам, адресату сообщений. Среди многообразия вещателей можно выделить радиостанции универсального или общего характера, программы которых включают широкий спектр информационных, аналитических, общественно-политических, научно-популярных, художественных, музыкальных, просветительских, развлекательных и других передач, предназначенных для всех категорий слушателей, включая молодежную и детскую аудитории. Особый сегмент эфира составляют информационные радиостанции. Главным компонентом программ этих станций являются выпуски новостей, идущие в интенсивном режиме, оперативные комментарии, интервью, репортажи, обозрения.

Особое место занимает радиостанция «Эхо Москвы», в программах которой оперативной информации и аналитике отведена важнейшая роль, выделены утренний, дневной и вечерний информационные каналы, которые в интерактивном режиме обсуждают со слушателями наиболее актуальные темы.

Развитие радиовещания в стране не остановилось в связи с переходом к новым политической и экономической системам, в связи с формированием и становлением нового Российского государства.

Радио по-прежнему играет важную роль, а подчас и ключевую, в системе средств массовой информации страны. Ведь в стране за долгие годы сложилась особая культура слушания радиопередач, появился прочный ин-

интерес аудитории к радиовещанию, помимо этого, исторически радио было и остается одним из главных источников информации, особенно в регионах России.

Анализ структуры современного отечественного радиовещания на примере «Эха Москвы» позволяет выделить ряд важных тенденций в его развитии и наиболее четко определить его роль в жизни общества:

- сформировался стабильный интерес аудитории к радиопрограммам и радиовещанию в условиях широкого выбора каналов;

- определилась и консолидировалась аудитория слушателей;

- специализация канала, поиск своей вещательной ниши, своего формата программ, своей аудитории – важные направления развития вещания;

- новый импульс получило развитие информационного радиовещания, возросла его оперативность, достоверность, динамичность благодаря использованию постоянно расширяющегося спектра источников информации, новейших технологий;

- особенно заметно движение радиовещания в сторону обсуждения различных общегражданских позиций, правовых аспектов, что в значительной степени объясняется интересом аудитории к этим проблемам;

- прямой эфир и одновременная интерактивная трансляция радиопередач в сети Интернет стали повседневной вещательной практикой.

Радиослушатель непосредственно включается в процесс создания передачи как его участник.

Телевидение, в отличие от текстовой информации, «помогает мгновенно перенестись в любую точку земного шара, дает большую свободу выбора информации: предоставляет зрителю эрзац переживаний и впечатлений, которых он не имеет в реальной жизни; становится источником совета и помощи; облегчает общение с другими людьми, компенсирует чувство одиночества; помогает зрителю ощутить свою «включенность» в мир более престижных групп (элиты); дает возможность «подсмотреть чужую жизнь», расслабиться и забыть о тяготах и заботах»².

Именно с позиции манипуляции хотелось бы остановиться на роли телевидения в жизни граждан, а также его месте в системе СМИ, так как манипуляция – это одна из форм воздействия на поведение людей.

Методы пагубного воздействия СМИ для неподготовленных читателей, слушателей и телезрителей так же не видимы, как и радиация. Обыденное сознание открыто и доверчиво впитывает все, что говорят и показывают умные и профессиональные журналисты. Люди не подозревают, что ими целенаправленно управляют. Приемы и методы воздействия на общественное сознание через СМИ многочисленны. Некоторые из них так закамуфлированы, что журналисты легко обходят существующие нормы права в этой сфере. Умолчание о каких-либо важных явлениях в жизни, искажение масштаба событий, акцентирование внимания на второстепенных деталях, обращение к отрицательным уровням сознания, примитивизация оппонентов журналистами ведут к разжиганию межгрупповых, межэтнических, межнациональных конфликтов, к появлению чувства обмана, унижения, незащитности, неуверенности, утомленности, наконец, апатии у читателей, слушателей, зрителей³. Возможно, это одна из целей нынешних СМИ – сформировать у населения комплекс его неполноценности, социальной пассивности.

И в то же время сама по себе манипуляция не может быть оценена как положительное или отрицательное явление. Необходимо рассматривать ее с точки зрения социальной и правовой полезности. Если манипуляция наносит вред, если она разрушает социальные и правовые связи, необходимо избегать таких манипуляций. Если же манипуляция служит на благо обществу, если она является инструментом грамотного управления обществом, правового воспитания, правового регулирования, правового просвещения, то она, несомненно, имеет право на существование.

Сегодня телевидение занимает ведущее место среди СМИ по предоставлению информации, оно является доступным и хорошо развитым, а в связи с глобальными процессами развития приобретает поистине всеобъемлющий характер охвата населения не только отдельной страны, но и всего мира. Появляется возможность увидеть и почувствовать себя в качестве как телезрителя определенного события, так и его участника, а это во многом вызывает доверие и интерес, а также эффект сотворчества у телевизионной аудитории, что весьма характерно для гражданского общества. Появляется самая непосредственная возможность управления и влияния на аудиторию, так как создается своеобразный диалог

между аудиторией и СМИ, а это уже и воплощение идей, целей, и в то же время – инструменты и технологии осуществления этих целей.

Сказанное позволяет говорить о созидательном значении диалогового взаимодействия, которое возникает между аудиторией и телевидением и вообще СМИ. Ведь диалог – это не только способ усвоения информации, а прежде всего условие жизнеспособности системы массово-коммуникационного обмена информацией в истинно демократическом обществе, к которому мы все стремимся.

В данной связи верным является следующее наблюдение – использование СМИ в качестве канала прямой, а также представительной демократии средств массовой информации. Чтобы наиболее рационально обустроить жизнь собственной страны, вести переустройство общества в настоящее гражданское, в котором для каждого члена существуют свобода информационного выбора, реальное обеспечение в производстве, потреблении и владении информацией, необходимо коренным образом преобразовать СМИ. В гражданском, самоуправляющемся обществе всеобщая компьютеризация даст возможность участвовать в обсуждении и голосовании по важнейшим государственным и общественным проблемам. Как заметил О. Тоффлер, компьютер может быть самым большим другом демократии после урны⁴.

Печать, радио и телевидение представляют собой основные средства массовой информации, каждое из которых обладает рядом особенностей, проявляющихся в характере и способах донесения информации до аудитории.

К рассмотренным ранее средствам в последние десятилетия присоединяется и активно развивающийся четвертый тип каналов массовой информации – всемирная компьютерная сеть, представленная в наше время интернетом. Интернет включил Россию в глобальную информационную среду. В повестку дня поставлена в качестве важнейшей стратегической задачи развития страны и ее будущего проблема информационного общества и новых средств массовой информации⁵.

При этом для России Интернет – важнейшая часть, основа развития информационного и гражданского общества, а также ключевой элемент будущих прорывов в современную элиту государств. Ситуации, когда любой гражданин способен написать в «жи-

вой журнал» президенту или депутату, – уже не редкость, как и ситуации, когда сторонники тех или иных идей способны найти себя в сети Интернет (например, информация о предстоящем митинге «несогласных» после выборов в Государственную Думу РФ в декабре 2011 года).

В мире происходят три важных процесса в обмене информацией. Во-первых, глобализация, т.е. быстрый обмен информацией со всем миром. Во-вторых, благодаря тому же Интернету возможно развитие малых местных структур – современные информационно-коммуникационные сети дают возможность, как уже говорилось, малым группам, в том числе и этническим, присутствовать в виртуальном пространстве, объединяя своих представителей вне зависимости от государственных границ и географических расстояний. Наконец, в-третьих, особенность современного развития – это технологизм, переходящий в сфере массовых средств в технологический детерминизм; развитие мобильной телефонии, sms-сообщений открывает новые подходы к Интернету, минуя проводную связь⁶.

В современной России считается верным следующее наблюдение – Интернет и связанные с ним информационные структуры сегодня по существу создают и развивают общероссийское информационное пространство. И это невзирая на то, что интернет доступен относительно небольшому числу людей. В этом смысле сегодня интернет в российском информационном пространстве играет жизненно важную роль – он является не какой-то частной структурой, а одной из интегрирующих и формообразующих структур нашего информационного пространства в плане доступа к информации, к новостям, знаниям, различного рода документам и разным СМИ.

На основании вышеизложенного с учетом исследований ведущих специалистов в области средств информации можно сказать, что в целом средства массовой информации как сложно организованный субъект и объект гражданского общества отвечают следующим требованиям:

– сохраняют целостный характер, несмотря на существование разнообразных, отличающихся друг от друга СМИ, формируя единое информационное пространство для всех членов общества, постоянное информационное взаимодействие в общественной системе;

– располагают совокупностью компонентов, каждый из которых активно взаимодействует со своей средой и друг с другом на основе присущих СМИ закономерностей;

– имеют необходимый набор функций и их реализовывают, удовлетворяя информационные потребности личности, различных групп населения, общества в целом;

– для СМИ характерен непостоянный и рассредоточенный тип аудитории, которая образуется от случая к случаю в результате концентрации общего внимания на том или ином сообщении (статья, радио- или телепередача и пр.)⁷;

– СМИ являются организованной системой, действующей в соответствии с развитием условий жизни общества, имеют для этого необходимые организационные отношения между участниками массово-информационной деятельности.

Помимо системного подхода, характеризующего положение СМИ в обществе в качестве элемента гражданского общества, можно сказать, что средства массовой информации:

– удовлетворяют информационные потребности личности, различных общественных групп и организаций, содействуя их активному участию в процессах экономической, политической, правовой и культурной жизни общества;

– обеспечивают взаимодействие, сотрудничество, координацию и разделение труда между ними на основе совместно формируемых моделей поведения каждого социального субъекта;

– отражают реалии общественной жизни;

– собирают, производят и распространяют информацию в соответствии с динамикой общественного развития;

– привлекают к производству информации все творчески активные силы, которые служат общественному прогрессу, создают и обогащают духовный потенциал общества;

– используют для массового информационного прогресса современные информационные и коммуникационные технологии;

– обеспечивают реализацию многообразных функций СМИ в соответствии с процессами актуализации, ростом информационных потребностей членов общества;

– служат средством правового воспитания и правового просвещения;

– выполняют роль правового регулятора.

Рассмотрев данный элемент гражданского общества с позиций различных категорий, небезосновательно будет предположить, что СМИ в институциональном контексте есть социальное образование, учреждение, осуществляющее сбор, накопление, систематизацию, стереотипизацию и распространение массовой информации в интересах общества на основе имеющихся технологий и тем самым оказывающее как целенаправленное, так и спонтанное воздействие на все стороны социальной жизни, на сознание и поведение человека в условиях плюрализма и конкуренции мнений.

¹ Байчоров А. М. Введение в политологию. Минск, 1991.

² Храмцова Н. Г. Психология информационного воздействия. Курган, 2003.

³ Грабельников А. А. Русская журналистика на рубеже тысячелетий. Итоги и перспективы: монография. М., 2001. С. 54.

⁴ Toffler A. Previews & premises. N. Y., 1983. P. 120.

⁵ Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики. М., 2003. С. 55.

⁶ Засурский Я. Н. Система средств массовой информации России. М., 2003. С. 219.

⁷ McLuhan M. Understanding media: The Extensions of Man. N. Y., 1965; Система средств массовой информации России. М., 2003. С. 259.

Статья поступила в редакцию 10 февраля 2012 г.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «ТОЛЕРАНТНОСТЬ»

Т. Н. Петухова,

преподаватель, Уральский финансово-юридический институт

Обосновывается актуальность проблемы правового обеспечения межэтнической толерантности и рассматривается понятие «толерантность» с позиций различных наук.

Ключевые слова: *толерантность, терпимость, личность, доброжелательность, диалог.*

В процессе исследования проблемы правового обеспечения межэтнической толерантности, актуальность которой очевидна в условиях кризиса межнациональных отношений на современном этапе развития Российской Федерации, возникает необходимость в единых ключевых понятиях, таких, как толерантность и ксенофобия, поскольку в условиях методологического плюрализма эти понятия являются полисемантическими: в современных дискурсивных практиках им приписывают различные значения и смыслы.

Так, понятие «толерантность», прочно вошедшее в современный лексикон самых разных наук, и его содержание формировалось на протяжении не одного столетия и корректировалось в связи с социальными, политическими и идеологическими изменениями. В. М. Золотухин отмечает, что на каждом этапе истории толерантность виделась своеобразно: обуздание страстей посредством воспитания и знания (Сократ); стремление к «золотой середине» (Аристотель); воздержанность (Пиррон); спасение и покаяние (Тертуллиан); преодоление страданий (Ф. Аквинский); симпатия (Д. Юм); сострадание (Ж.-Ж. Руссо); всеобщий человеческий долг (И. Кант); идея всеобщего равенства (Г. Спенсер); внутренний регулятор моего отношения к другому (Ж.-П. Сартр)¹.

Толерантность как право другого на существование осмысливалась и разрабатывалась в рамках философской науки в связи с проблемой преодоления конфессиональной нетерпимости, как реакция на последствия мировоззренческого конфликта в сфере религиозных отношений. К этой проблеме обращались Дж. Локк², Фр. Вольтер³, Б. Спиноза⁴. Такие исследователи, как В. А. Васильев⁵, В. А. Лекторский⁶, М. Б. Скворцов⁷, М. Б. Хомяков⁸, также считают, что толерантность оформилась как социальная ценность

еще в недрах мировых религий. В связи с этим исследователи предлагают определять религию ведущим источником утверждения за толерантностью общественного статуса. В данном случае толерантность рассматривается большинством ученых в едином семантическом поле с категорией терпимости, а большинство исследователей эти категории отождествляют.

Так, М. Уолцер отмечает, что религиозная терпимость как социальная ценность раннего периода развития цивилизации демонстрирует «отстраненно-смирненное отношение к различиям во имя сохранения мира»⁹. В данном контексте в семантическое поле категории толерантности попадают такие утверждаемые почти всеми мировыми религиями нормы, как ненасилие, прощение, милосердие, миролюбие, гуманность, составляющие основу сознания человека, воспринимаемые как абсолютные ценности общества.

Между тем, несмотря на заявленные религией идеи терпимости, отражение на практике идей толерантности в силу общественных событий носило в обществе декларативный характер. Так, период ранних религиозных войн обострил проблему веротерпимости. С периода античности латинские *tolerance*, *toleration* входят в словарный запас человека, обозначая ограничения, страдания, лишения, так как нет ничего более трудного, чем быть терпимым по отношению к людям иной веры.

В современной России термин «толерантность» стал широко употребляться сравнительно недавно, при этом «толерантность» также известна как проблема терпимости: «искусственно отысканная середина» (И. В. Киреевский, Н. Я. Данилевский); допущение чужой свободы (В. С. Соловьев); политическая умеренность и гражданское мужество (С. Л. Франк).

Новизну проблемы для России доказывает и то, что в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (изд. 1901 года)¹⁰ не содержится сведений о толерантности. В малом словаре тех же издателей (изд. 1903 года) появляются сведения о существительном «толерантность» как о терпимости к иного рода религиозным воззрениям. По своей сути, понятия «толерантность» и «терпимость» представлены как синонимы. Согласно толковому словарю Д. Н. Ушакова (изд. 1940 года)¹¹ толерантность – производное от французского *tolerant* – терпимый. В словаре В. И. Даля (изд. 1880–1882 гг.)¹² слово «терпимость» трактуется как свойство или качество, способность что- или кого-либо терпеть «только по милосердию, снисхождению». Аналогичным образом трактует данное понятие и большинство современных словарей. Например, в «Словаре иностранных слов и выражений» понятие «толерантность» определяется как «терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению, снисходительность к чему-либо или кому-либо»¹³.

Более широкое определение толерантности содержится в Краткой философской энциклопедии: «Толерантность (от лат. *tolerantia* – терпение) – терпимость к иного рода взглядам, нравам, привычкам. Толерантность необходима по отношению к особенностям различных народов, наций и религий. Она является признаком уверенности в себе и сознания надежности своих собственных позиций, признаком открытого для всех идейного течения, которое не боится сравнения с другими точками зрения и не избегает духовной конкуренции»¹⁴.

Кроме того, во многих культурах понятие «толерантность» также является своеобразным синонимом слова «терпимость»: латинское – *tolerantia*; английское – *tolerantion*; немецкое – *toleranz*; французское – *tolerance*.

Большинство исследователей, указывая на сложности смыслового перевода термина, предпочитают связывать его с терпимостью, поэтому в философских, педагогических и других науках, что отражено в современных словарях, нет достаточно четкого разделения границ между ними, более того, «толерантность» и «терпимость» считаются синонимичными¹⁵ и взаимозаменяемыми¹⁶.

Примером употребления слова «толерантность» в официальных документах и научной литературе как синонима слову «терпимость» могут быть опубликованные на рус-

ском языке международные правовые документы (ООН, Совета Европы, ОБСЕ, СНГ) в области прав и основных свобод человека, где в тексте используются не термин «толерантность», а термины «терпимость» и «нетерпимость». Характеристика определения толерантности в Преамбуле Устава ООН звучит следующим образом: «...проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи»¹⁷. Здесь лексема получает не только действенную, социально активную окраску, но и рассматривается как условие успешной социализации (интеграции в систему общественных отношений), заключающееся в умении жить в гармонии как с самим собой, так и с миром людей (микро- и макро-средой).

Такова практика официальных публикаций ООН – Всеобщей декларации прав человека (1948 год), Международного пакта о гражданских и политических правах (1966 год), Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений (1981 год) и др.; Совета Европы – Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств (1995 год); Европейского парламента – Постановления о сектах в Европе (1996 год); Рекомендации Парламентской ассамблеи Совета Европы «Религия и перемены в Центральной и Восточной Европе» (2002 год); Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе – Итогового документа Венской встречи (1989 год), Копенгагенского совещания по человеческому измерению (1990 год) и др.; СНГ – Конвенции о правах и основных свободах человека (1998 год). Аналогичная позиция отображена и в Федеральном законе «О свободе совести и религиозных объединениях»¹⁸.

Кроме того, анализ современных исследований толерантности показывает, что она может быть рассмотрена с различных позиций, причем все они актуальны для российского общества:

- понимание толерантности как нормы взаимоотношений между людьми (А. Г. Асмолов – «социальная норма, определяющая устойчивость к конфликтам в полиэтническом межкультурном обществе»¹⁹; В. К. Малькова – «норма общественного сознания и поведения людей»²⁰);

- понимание толерантности как метода социально-политических решений, как средства, способного разрешить противоречия,

примирить враждующие стороны, как «необходимого условия оптимизации межэтнических отношений, как формы разрешения межэтнических противоречий»²¹. Толерантность в таком понимании выступает как инструмент предотвращения напряженности, нетерпимости в отношениях. Н. Н. Федотова отмечает, что среди отдельных исследователей бытует подобное отношение к толерантности как к святыне, палочке-выручалочке, происходит ее фетишизация²². Понимание толерантности в таком ракурсе приводит к потере ее ценностного смысла, на первый план выступает практическая полезность;

– понимание толерантности как свойства личности; при этом определения, как правило, характеризуют саму личность, а не раскрывают содержание понятия. Например, личность, «актуализирующаяся в ситуациях несовпадения взглядов, мнений, оценок, верований, поведения людей...»²³, терпимость к «другому при отсутствии враждебности или отрицательного отношения к «чужому»²⁴, допущение личностью других взглядов, мнений, норм, ценностей²⁵; отказ от доминирования и насилия, признание многомерности и многообразия человеческой культуры, норм, верований, отказ от сведения этого многообразия к единообразию или к преобладанию какой-то одной точки зрения»; свойство личности, основанное на уважении к интересам, привычкам, верованиям других людей²⁶; «уважение к другому именно как к другому и чуждому»²⁷; «уважение к непохожести»²⁸;

– определение толерантности как права «на сохранение своих особых этнических черт» (ни одна этническая группа не имеет оснований считать себя лучше или выше остальных)²⁹, как «правового долга»³⁰, что также не раскрывает полностью содержание анализируемого явления;

– толкование толерантности как нравственной ценности: «Моральное качество личности, характеризующее терпимое отношение к другим людям, независимо от их этнической, национальной или культурной принадлежности...»³¹, «проявление нравственным субъектом сдержанности в ситуации, когда он негативно реагирует на нравственно значимые для него события», однако понимание значимости толерантности недостаточно для формирования толерантных отношений.

Исследователи подходят к раскрытию сущности толерантности с разных сторон, но в большинстве случаев, на наш взгляд, не

достигают точности и глубины. Примером может быть следующее определение толерантности: «Отсутствие негативного отношения к иной этнической культуре, а точнее наличие позитивного образа иной культуры при сохранении позитивного восприятия своей собственной»³²; «степень уравнивания слабого и сильного на основе нейтрального и равноправного их существования» (В. М. Золотухин).

Тема межэтнических отношений междисциплинарна, касается не только правовой науки, но и социальной философии, этнологии, культурологии, этики, политологии, общей и социальной психологии, конфликтологии и других социальных и гуманитарных дисциплин, следовательно, каждая из дисциплин вносит в изучение толерантности свои акценты и свою постановку вопроса, что отражается на попытках дать определения этого понятия. Анализ его эволюции достаточно емко представлен В. М. Золотухиным, Й. Подгорецким, О. А. Михайловой, Д. А. Малышевым³³.

Понятие «толерантность», как и большинство понятий гуманитарных и социальных наук, не является однозначным: относительную строгость ему сообщает сознательное ограничение выдвинутой проблемы. Только в определенном смысловом контексте понятие приобретает конкретность. Так, представители педагогической науки рассматривали ее в свете формирования установок толерантного сознания у школьников. М. И. Рожков, Л. В. Байбородова, М. А. Ковальчук предложили определение толерантности как «реализуемой готовности к осознанным личностным действиям, направленным на достижение гуманистических отношений между людьми и группами людей, имеющими различное мировоззрение, разные ценностные ориентации, стереотипы поведения»³⁴. Подход к толерантности как социальному феномену, ее влиянию на преодоление различных видов напряженности и роли в поддержании социальной стабильности разрабатывается в философии и социологии. Так, философы, по общему правилу, рассматривают толерантность как «терпимость к иного рода взглядам, нравам, привычкам, необходимая по отношению к особенностям различных народов, наций и религий»³⁵.

В культурологии толерантность – это терпимость, снисходительность к чужим мнениям, верованиям, поведению, обычаям, куль-

туре, чувствам, идеям, один из основных демократических принципов, неразрывно связанный с концепциями плюрализма, свободы и прав человека³⁶. Несомненно, акцент в определении сделан на снисхождение, которое близко в данном контексте к высокомерию.

В политологии толерантность – это терпимость по отношению к иному мнению, поступку, позиции, одна из базовых ценностей демократии³⁷. Акцент в определении сделан на политико-правовое закрепление данного понятия при демократии.

В социальной психологии толерантность – это способность личности или общества относиться непредвзято к мнению группы, отличающемуся от распространенных стереотипов³⁸. Акцент в определении сделан на общественные и межгрупповые отношения.

До недавних пор такое понятие, как толерантность, не встречалось ни в одной из отраслей российского права. В российском законодательстве применялись лишь понятия, очень схожие с толерантностью по своему смыслу, такие, например, как понятия о правах и свободах граждан. Впервые данное понятие появилось в 1995 году в международном законодательстве, когда была принята Декларация принципов толерантности ЮНЕСКО³⁹. В соответствии с этой декларацией в юриспруденции понятие «толерантность» определяется как ценность и социальная норма гражданского общества, проявляющаяся в праве всех индивидов гражданского общества быть различными, обеспечении устойчивой гармонии между различными конфессиями, политическими, этническими и другими социальными группами, уважении к разнообразию различных мировых культур, цивилизаций и народов, готовности к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям.

На современном этапе развития Российского государства в юриспруденции толерантность рассматривается как требование построения общества не на общеобязательной идеологии, а на минимуме общеобязательных правил общежития (на праве); причем ясно, что лишь возможностью общежития для всех и могут определиться ограничения в проявлениях любой идеологии. Это «отделение идеологии от государства» – операция, при которой любая идеология становится и получает гарантированную законом возможность оставаться частным взглядом каждого; признание

государством суверенности сферы частного – суверенности личности; свобода совести⁴⁰.

Следует заметить, что акцент на определенную область, в том числе этническую, не способствует однозначному толкованию термина: каждый исследователь, как правило, выводит собственную дефиницию толерантности.

Итак, можно сделать вывод, что в качестве синонима толерантности, как правило, используется термин «терпимость», хотя, на наш взгляд, толерантность – понятие более широкое, лишено снисходительного окраса термина «терпеть», предполагает «доброжелательность, готовность к уважительному диалогу и сотрудничеству»⁴¹. Терпимость не отражает всей полноты содержания исследуемого феномена, и, несмотря на то что семантические поля этих понятий близки, они не синонимичны. Терпимость дает возможность приспособиться к неблагоприятным факторам, имеет адаптивный характер, а толерантность в большей степени созидательна, терпимость может ограничиваться и внешней реакцией, а для толерантности требуется более глубокий, осознанный, духовный план. Слово «терпимость» в отечественной культуре ассоциируется с пассивным реагированием на окружающую действительность (терпят лишения и крайнюю нужду, бедствия и поражения, терпят кого-либо из жалости и сострадания, поневоле допускают, мирятся с существованием кого-либо, чего-либо). Понятие толерантности не имеет такого окраса, фона, обусловленного нашим культурным наследием.

Однако толерантность – не абсолютная, всеми признанная ценность. Например, понятие и идея толерантности не признаются многими общественными организациями и деятелями: так, среди постоянных критиков – священники православной церкви. Исполняющий обязанности секретаря по взаимоотношениям церкви и общества Отдела внешних церковных связей священник Г. Рябых указывает, что «заимствованный у Запада термин «толерантность» имеет много значений, свои плюсы и минусы. Но не может не беспокоить, что зачастую под ним понимается нравственный нигилизм, индифферентность к различным порокам, религиозной истине, к тем ценностям, которые веками формировались в стране»⁴², что сродни толстовству, главными принципами которого являются непротивление злу насилем, всепрощение, всеобщая

любовь и нравственное самоусовершенствование личности⁴³.

Придерживаясь аналогичного мнения, некоторые священники выступают с инициативой бойкота уроков толерантности в школах. Так, термин «толерантность» был подвергнут критике и со стороны епископа Пермского и Соликамского Иринарха (Грезина).

Кроме того, декларирование толерантности как необходимой нормы во взаимоотношениях, в том числе и межэтнических, не только не способствует осознанию и принятию толерантных установок, но и не приводит к толерантной модели поведения. Поэтому следует обратиться к исследованиям ученых-практиков, разрабатывающих методики, технологии, программы, средства, которые при системном их использовании должны в перспективе обеспечить формирование установок толерантного сознания и поведения в обществе, ослабленном социальными, конфессиональными, этническими и иными конфликтами⁴⁴.

Таким образом, определение толерантности, на наш взгляд, многочисленны и размыты. При определении толерантности, как мы полагаем, необходимо исходить, во-первых, из отечественного (русского, славянского) лексического значения слова «толерантность», которое означает добродушие, миролюбие; во-вторых, при этом необходимо подчеркнуть сознательное активное отношение к другому, не похожему на тебя; в-третьих, толерантность имеет юридические пределы – гарантированное законом пресечение противоправного поведения этнического характера.

Обобщая вышесказанное, учитывая различные толкования термина, сформулируем определение толерантности следующим образом: толерантность – это сознательно сформированная модель поведения, направленная на миролюбивое восприятие иного человека, если его действия не противоправны. В этом случае этническую толерантность можно определить как сознательно формируемую готовность представителей различных национальных групп к взаимоуважительному диалогу и сотрудничеству на основе общечеловеческих ценностей в целях утверждения согласия и взаимопонимания. Данные определения не претендуют на уникальность, однако включают в себя необходимые, на наш взгляд, признаки:

– активное формирование правил поведения (комплексная государственная политика, самосовершенствование);

– отечественная лексическая основа (миролюбие, добровольность, широта души русского человека, добродушие), что привлекает, не вызывая отторжения;

– необходимость следовать законам.

¹ Золотухин В. М. Толерантность: монография. Кемерово, 2001.

² Локк Дж. Опыт о веротерпимости. М., 1998. Т. 3. С. 668.

³ Вольтер Фр. Трактат о веротерпимости в связи со смертью Жана Каласа. Бог и люди. Статьи, памфлеты, письма: в 2 т. М., 1961. Т. 2.

⁴ Спиноза Б. Богословско-политический трактат. Минск, 1998.

⁵ Васильев В. А. К вопросу о толерантности в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 3. С. 249–262.

⁶ Лекторский В. А. О толерантности, плюрализме и критическом мышлении // Вопросы философии. 1997. № 11.

⁷ Скворцов М. Б. Толерантность: иллюзия или средство спасения? // Октябрь. 1997. № 2.

⁸ Хомяков М. Б. Проблема толерантности в современной англоязычной политической философии: основные концептуальные подходы // Толерантность в современной цивилизации: материалы Международной конференции. Екатеринбург, 2001.

⁹ Уолцер М. О терпимости. М., 2000.

¹⁰ URL: <http://www.rubicon.com/biel.asp>.

¹¹ URL: <http://ushdict.narod.ru>.

¹² URL: <http://vidahl.aqava.ru>.

¹³ Словарь иностранных слов и выражений. М., 1998.

¹⁴ Краткая философская энциклопедия. М., 1994.

¹⁵ Российская социологическая энциклопедия / под ред. Г. В. Осипова. М., 1998.

¹⁶ Бачинин В. А. Философия. Энциклопедический словарь. СПб., 2005.

¹⁷ URL: <http://www.un.org/ru/documents/charter/>.

¹⁸ Толерантность / под ред. М. П. Мчедлова. М., 2004.

¹⁹ На пути к толерантному сознанию / отв. ред. А. Г. Асмолов. М., 2002.

²⁰ Малькова В. К. Этничность и толерантность в современных российских СМИ // Этническое обозрение. 2003. № 5.

²¹ Бызова В. М. Психология этнических различий: проблемы менталитета, отношений, понимания: автореферат дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 1996.

²² Федотова Н. Н. Толерантность как мировоззренческая и инструментальная ценность // Философские науки. 2004. № 4.

²³ Клепцова Е. Ю. Психология и педагогика толерантности: учебное пособие. М., 2004.

²⁴ Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности / отв. ред. Н. А. Купина, М. Б. Хомяков. Екатеринбург, 2003. С. 105.

²⁵ Meyers grosses Taschenlexikon. Bibliographisches Institut. Mannheim. 2003; Meyers neues Lexikon. VEB Bibli-

graphisches Institut Leipzig. 1976.

²⁶ Язык мой. Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ / сост. А. М. Верховский. М., 2002.

²⁷ Толерантность: сб. науч. статей / под ред. М. Б. Хомякова. Екатеринбург, 2000.

²⁸ Толерантность как основа социальной безопасности / под ред. Н. П. Медведева. М., Ставрополь, 2002.

²⁹ Подгорецкий Й. Толерантность: понятие и концепция // Вестник ТГПУ. Серия: гуманитарные науки. 2004. № 2.

³⁰ Хёффе О. Плюрализм и толерантность: к легитимности в современном мире // Философские науки. 1991. № 2.

³¹ Зиновьев Д. В. Формирование социокультурной толерантности как фактор повышения педагогического мастерства будущего педагога: монография. Красноярск, 2001.

³² Этническая толерантность в поликультурных регионах России / отв. ред. Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко. М., 2002.

³³ Молодежь XXI века: толерантность как способ миротворения / под ред. З. Х. Саралиевой. Н. Новгород, 2001.

³⁴ Рожков М. И., Байбородова Л. В., Ковальчук М. А. Воспитание толерантности у школьников: учебно-методическое пособие. Ярославль, 2003.

³⁵ Философский энциклопедический словарь. М., 2002.

³⁶ Хоруженко К. М. Культурология. Энциклопедический словарь. Ростов-на-Дону, 1997.

³⁷ Введение в политологию. Словарь-справочник / под ред. В. П. Пугачева. М., 1996.

³⁸ Социальная психология. Словарь-справочник. М., 2001.

³⁹ URL: <http://sch125-snz.edusite.ru/svayzil.htm>.

⁴⁰ Круглов А. И. Словарь. М., 1994.

⁴¹ Установление культуры мира: универсальные ценности и гражданское общество. Тверь, 2001.

⁴² В Русской церкви призывают прививать детям в школах вместо западного понятия толерантности традиционные ценности страны. URL: http://www.interfax-russia.ru/r/B/povoljjeObw/432.html?menu=4&id_issue=12218282.

⁴³ Толстой Л. Н. «В чем моя вера?». URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.

⁴⁴ Аксельрод А. Мир различий: сборник упражнений для учащихся общеобразовательных школ. URL: http://antirasizm.ru/publ_015.doc.

Статья поступила в редакцию 17 февраля 2012 г.

Проблемы и вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики

УДК 343.1.03+343.131.4

СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Н. В. Азаренок,

*кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса,
Уральская государственная юридическая академия*

А. С. Барабаш,

*преподаватель кафедры уголовного процесса,
Уральский юридический институт МВД РФ*

Исследуется правовая природа состязательности. Выявлены факторы, лежащие в ее основе. Проведен сравнительно-правовой анализ содержания состязательности в Англии, на основе которого сделан вывод о путях и способах закрепления состязательности в России.

Ключевые слова: *состязательность, диспозитивность, равноправие, сторона обвинения и защиты.*

Тема состязательного построения отечественного уголовного судопроизводства является одной из актуальнейших в современной уголовно-процессуальной доктрине¹. Повышенное к ней внимание обусловлено высокой практической и теоретической значимостью вопроса. Ученые до сих пор не могут определиться с содержанием состязательности и пределами ее реализации в уголовно-процессуальной деятельности. Отсутствие ясности обусловило то, что эти моменты четко не определены в УПК РФ.

В целях систематизации и углубления знаний в исследуемой области следует провести сравнительно-правовой анализ рассматриваемого правового явления.

Общеизвестно, что состязательной форме уголовного процесса мы обязаны Англии, где она впервые появилась. На сегодняшний день данный тип судопроизводства признан наиболее демократичным, поскольку в ходе него учитываются интересы обеих спорящих сторон и в равной степени обеспечиваются их права. При этом следует учитывать, что состязательное судопроизводство является историческим продуктом конкретной страны – Англии, впитавшей в себя особенности ее правовой культуры (такие, как система источников, отсутствие рецепции римского права, преобладание процессуального права над материальным, профессиональная подготовка юристов и т.д.). Остальные европейские страны заимствовали данную процессуальную форму, имплантируя ее в национальную пра-

вовую систему. В результате некоторые характерные признаки состязательности видоизменялись, соприкасаясь с другими правовыми институтами и подстраиваясь под конкретные правовые реалии. Например, в Германии и Франции суд занимает активную позицию при производстве по уголовному делу, самостоятельно истребует и исследует доказательства².

Таким образом, содержание состязательности в Англии и в других европейских странах нетождественно. Это связано с национально-правовыми особенностями каждой из стран. Вследствие этого при заимствовании процессуальных форм можно столкнуться с тем, что перенос содержания того или иного института в другие условия (исторические, социально-экономические и т.д.) может оказаться неэффективным.

Для понимания исследуемой категории необходимо учитывать, что формированию состязательности в Англии способствовал целый ряд факторов, который и обусловил ее многогранную специфику как процессуального института. Так, особенностями правовой системы Англии, обусловившими в конечном счете появление и закрепление состязательного уголовного судопроизводства, являются как минимум три положения. Обратимся к их анализу.

1. Принцип верховенства права, в соответствии с которым английская правовая система не признает деления права на частное и публичное.

Принцип верховенства права – это фундаментальный конституционный принцип. Согласно его требованиям все равны перед правом, поскольку закон не является единственным (или преимущественным) источником правовых норм, наряду с ним существует судебный прецедент, обычай. Государство выступает на правовом поле лишь как один из субъектов права наряду с частными лицами (в английском праве подразделение права на частное и публичное, пожалуй, отрицается с особым пафосом, поскольку это различие всегда рассматривалось как «реализация идеи о том, что государство и правительство могут праву не подчиняться»). Тем самым и государству, которое должно преследовать публичный интерес, и отдельным людям, которые должны иметь возможность преследовать частные интересы, приходится доказывать в суде свою правоту всякий раз, когда они обращаются за правосудием. Согласно принципу верховенства права английский суд не выступает на стороне государства, занимая независимую от него позицию.

2. Из этого следует второе положение, согласно которому в Англии существуют достаточно высокий уровень независимости судебной власти по отношению ко всем другим ветвям государственной власти, ее реальная, разносторонне гарантированная самостоятельность как в вопросах организации своей внутренней жизни, так и в отправлении правосудия.

Суды в Англии, по мнению Р. Давида, – это настоящая власть. Именно им Англия обязана созданием общего права и права справедливости; именно они сформировали действующее ныне английское право, так как законодательная и исполнительная власти в этом отношении играли до XX века второстепенную роль³.

Действенность и самостоятельность судебной власти в Англии проявляется в том, что эта власть обладает несомненной прерогативой в процессе не только создания материального права, но и судебных процедур – важнейшей составной части процессуального права. Суды обладают неоспоримым правом на отправку правосудия.

3. Преобладание процессуальных норм над материальными в плане как значимости, так и степени разработанности. После норманнского завоевания Англия представляла собой разрозненное общество, где в разных частях страны жили люди с устоявшимися

традициями и обычаями. Первостепенными задачами новой власти были преодоление центробежных сил и создание единого централизованного государства. Это могло быть достигнуто двумя путями: первый – издание единого нормативно-правового акта (кодекса, закона) регламентирующего основные правовые вопросы (процессуальные и материальные), как было сделано на континенте. Второй – деятельность уполномоченных Королем судей по разрешению любых правовых споров в единой процессуальной форме на территории всего Королевства. В данном случае при многообразии различных представлений о правах, обязанностях, наказании и т.д. в разных частях Англии все они должны были быть решены в одинаковой процессуальной форме, создание которой отдавалось на откуп самим судьям.

В итоге именно этот вариант и оказался предпочтительней. Объяснением этому служат следующие обстоятельства. Во-первых, издание единого закона без учета местных обычаев настроило бы против новой власти большинство населения. Во-вторых, для складывающейся английской правовой системы было характерно отсутствие рецепции римского права, в связи с чем такой метод творчества, как издание законов и их кодификация, был чужд. В-третьих, издание единого нормативного акта в области правосудия было более трудоемким, чем создание единой процессуальной формы разрешения судебных споров.

В результате деятельности судов, разрешавших правовые споры на основе местных обычаев и руководствовавшихся при этом совестью в единой процессуальной форме (процедуре), и складывалось будущее материальное право Англии. При этом относительно слабое развитие законодательства – статутного права в Англии – давало возможность судьям формировать в процессе повседневной деятельности нормы не только материального, но и процессуального права, уделять повышенное внимание не столько судебному решению, сколько в силу сложившихся традиций порядку, процедуре принятия этого решения⁴.

Процессуальная форма разрешения конфликтов в конечном счете определилась как состязательная, поскольку судьи, разрешавшие споры, были поставлены в такие условия, что должны были учесть и специфику местных обычаев, и слабость государственных

органов на местах, и их неспособность к уголовному преследованию и выдвижению обвинения. Р. Давид, изучая английскую правовую систему, отмечает, что «это не право, изученное в университете, не право принципов. Наоборот, это право процессуалистов и практиков»⁵.

При отправлении правосудия судьи в большинстве случаев имели дело с простыми гражданами. В результате этого процессуальная процедура должна была эффективно гарантировать реализацию интересов участвующих в деле сторон. При таком положении именно состязательная форма оказалась оптимальной.

Во многом благодаря данным факторам Англия и стала «родиной» состязательного судопроизводства. При заимствовании данного типа судопроизводства другими странами, особенно входящими в романо-германскую правовую семью, эти обстоятельства должны быть учтены. Необходимо отдавать себе отчет в том, что содержание и реализация состязательной формы уголовного судопроизводства в Англии и, например, в России априори имеют ряд различий.

Так, для того чтобы уголовное судопроизводство стало состязательным в самом общем виде, необходимо наличие независимого суда, а также двух равноправных сторон. «Независимый» означает обособленность от сторон, в первую очередь от обвинения в лице государственных органов исполнительной власти. Термин «равноправные стороны» подразумевает, что обвинение и защита равны в процессуальных возможностях по отстаиванию своих интересов перед судом. Данные признаки являются своего рода внешними атрибутами состязательности. По ним можно судить о форме любого судопроизводства. Для этого достаточно лишь взгляда на сам процесс в суде. Наполнение же рассмотренных признаков может быть разным. Например, независимый суд может занимать как активную позицию по делу, так и выступать в роли стороннего наблюдателя, фиксирующего лишь набранные сторонами баллы. В принципе это не противоречит состязательной модели судопроизводства.

В романо-германской правовой семье в целом, и в России в частности, невозможно создание состязательного уголовного судопроизводства по подобию Англии, поскольку отсутствуют необходимые для этого предпосылки. Во-первых, судебная власть является властью государственной (наряду с исполнительной и законодательной). А это означает, что суд стоит на одном уровне с органами исполнительной власти (обвинением). В основе их деятельности лежит общий интерес – государственный (публичный). Во-вторых, государство, в лице законодательной власти издающее законы и их же исполняющее, не может быть равнозначным (имеющим равные права и обязанности) субъектом наряду с человеком. Особенно это касается публичных отраслей права (уголовный процесс). Данные факторы должны быть учтены при построении состязательного судопроизводства в России.

¹ Смирнов А. В. Состязательный процесс. СПб., 2001; Семухина О. Б. Типология уголовного процесса и деятельность суда в рамках обвинительного и состязательного типов уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2002; Лукичев Н. Состязательность и равноправие сторон в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003; Шестакова С. Д. Состязательность уголовного процесса. СПб., 2001.

² Стойко Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем. СПб., 2006; Рерихт А. А., Жалинский А. Э. Введение в немецкое право. М., 2001; Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. М., 2001.

³ Давид Р. Основные правовые системы современности (Сравнительное право). М., 1967. С. 311.

⁴ См.: Уолкер Р. Английская судебная система. М., 1980; Филиппов С. В. Судебная система США. М., 1980; Марченко М. Н. О понятии «общее право» // Правоведение. 1999. № 4. С. 258–259.

⁵ Давид Р. Указ. соч. С. 296.

Статья поступила в редакцию 1 февраля 2012 г.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ ПРОЦЕССА ПО УПК ШВЕЙЦАРИИ

В. Н. Бутков,

*доктор юридических наук, профессор,
Южно-Уральский государственный университет*

В статье на основании современного действующего законодательства Швейцарской Конфедерации излагаются основные положения осуществления защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса; коротко характеризуются свободная, необходимая (обязательная) и официальная защита, а также безвозмездная правовая помощь.

Ключевые слова: *участник уголовного процесса, правовая помощь.*

В соответствии со ст. 127 УПК Швейцарии обвиняемый, частный обвинитель и другие участники уголовного процесса для защиты своих интересов могут пригласить адвоката. При этом стороны могут приглашать двух и более лиц в качестве адвокатов, поскольку это не препятствует уголовному процессу. В этом случае они назначают главного адвоката-представителя, который участвует в проведении следственных действий органами уголовной юстиции и в судебном разбирательстве или место жительства которого является адресом для доставки соответствующих документов. Стороны могут приглашать в качестве адвоката любое дееспособное, имеющее хорошую репутацию и достойное доверия лицо, оставляя при этом за собой право на ограничение его прав (абз. 4 ст. 127 УПК Швейцарии).

Обвиняемый имеет право либо выбрать себе защитника, либо защищать себя сам, за исключением случаев необходимой защиты по ст. 130 УПК. Осуществление права выбора защитника производится на основании письменной доверенности или протокольного заявления обвиняемого (абз. 2 ст. 129 УПК Швейцарии).

Защитником обвиняемого может быть адвокат, имеющий право по Закону от 23 июня 2000 г. осуществлять эту деятельность. Защитник обязан в рамках закона и установленных правил выполнять свои обязанности в интересах обвиняемого.

По УПК Швейцарии защита подразделяется на свободную (по желанию и по выбору обвиняемого или иного участника процесса), необходимую и официальную. В ст. 130 УПК называются случаи необходимой (обязательной) защиты, в частности, обвиняемый должен иметь защиту, если:

а) следственный арест продолжается более 10 дней;

в) обвиняемому угрожает наказание в виде лишения свободы на срок более одного года или иные меры, связанные с лишением свободы;

с) обвиняемый по своему физическому или духовному состоянию или по другим основаниям недостаточно гарантирован в своих процессуальных правах и не обеспечено его законное представительство;

д) в суде первой инстанции или в апелляционном суде принимает участие прокурор;

е) проводится сокращенный процесс по ст. 358–362 УПК.

В случае необходимой защиты руководитель процесса обязан немедленно ее предоставить. Если основания для необходимой защиты появились в досудебном производстве, то такая защита обеспечивается через прокуратуру до начала расследования.

В процессе доказывания при исследовании доказательств защитника приглашают во всех случаях, а доказательство считается действительным, если обвиняемый отказывается от повторения следственного действия в присутствии защитника (ст. 131 УПК).

Официальная защита осуществляется руководителем процесса. Руководитель процесса в соответствии со ст. 132 УПК назначает официальную защиту, если:

а) при необходимой защите:

– обвиняемый, несмотря на требования руководителя процесса, не определяется с выбором защитника;

– у избранного защитника отобран мандат или он (мандат) прекращен или приостановлен, а обвиняемый в течение отведенного срока не определился с выбором нового защитника;

б) обвиняемый не располагает необходимыми средствами, а защитник необходим для защиты его интересов.

Официальная защита назначается также в случаях, когда для защиты интересов обвиняемого, в том числе по делам о малозначительных уголовно наказуемых деяниях, необходим указанный защитник, а деяние является по фактическим и правовым моментам достаточно сложным (затруднительным), в связи с чем обвиняемый сам не в состоянии в достаточной мере обеспечить свою защиту.

Официальный защитник в каждой процессуальной стадии приглашается компетентным руководителем процесса. При определении его статуса по возможности учитываются пожелания обвиняемого.

По малозначительным деяниям также предписывается обеспечить обвиняемого официальной защитой, если его ожидает наказание свыше четырех месяцев лишения свободы либо денежный штраф более 120 дневных ставок, либо общественно необходимые работы в объеме более 480 часов.

В необходимых случаях руководитель процесса может отменить мандат официального защитника и назначить другого защитника. Если между обвиняемым и официальным защитником не установлены (разрушены) доверительные отношения или действенная защита по другим основаниям больше не гарантируется, то руководитель процесса заменяет официального защитника другим лицом (ст. 134 УПК).

Официальная защита компенсируется по адвокатскому тарифу союза или соответствующего кантона, в котором проводится процесс. Компенсация устанавливается прокуратурой или судом в конце процесса. Против решения о компенсации официальный защитник может принести жалобу в двух случаях:

а) если его не удовлетворяет их решение – в апелляционную инстанцию;

б) если не удовлетворяет решение апелляционной или кассационной инстанций кантона – в федеральный уголовный суд.

Если обвиняемый осужден с возложением

на него судебных издержек, то, насколько позволяет его экономическое (материальное) положение, он обязан:

а) союзу или кантону возместить выплаченную компенсацию;

б) защитнику выплатить разницу между оплатой официальной защиты и полным гонораром (ст. 135 УПК).

Требование союза или кантона о возмещении выплаченной компенсации утрачивает силу по истечении 10 лет со дня вступления в силу решения.

Законом (ст. 136 УПК) устанавливается также безвозмездная правовая помощь для частного обвинителя при осуществлении его гражданско-правовых требований полностью или частично, если частный обвинитель не имеет необходимых средств и его иск является обоснованным. Такая безвозмездная правовая помощь обеспечивается руководителем процесса. Она охватывает:

а) освобождение от уплаты задатка и гарантии;

б) освобождение от судебных издержек;

в) статус адвоката (оплату его труда), если это необходимо для защиты прав частного обвинителя.

Назначение, отмена или замена защитника при безвозмездной правовой помощи осуществляются руководителем процесса по правилам ст. 133–134 УПК Швейцарии.

Компенсация адвокату производится по правилам ст. 135 УПК, устанавливающей порядок вынесения решений о расходах адвоката в целом и по каждому процессуальному действию в отдельности; этот порядок действует также и для задатка.

Если частному обвинителю полагается процессуальная компенсация в случае осуждения обвиняемого, то сумма расходов по компенсации при безвозмездной правовой помощи ложится на союз или соответственно кантон.

Содержание и порядок возмещения судебных издержек определяются в гл. 10 УПК Швейцарии (ст. 422–428).

Статья поступила в редакцию 25 февраля 2012 г.

ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ КОНКУРЕНЦИИ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ СУДОВ РАЗЛИЧНЫХ УРОВНЕЙ

Ю. А. Воронин,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права, Южно-Уральский государственный университет

С. М. Даровских,

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики, Южно-Уральский государственный университет

Проанализированы проблемы выявления и разрешения конкуренции правовых позиций судов, касающихся уголовного судопроизводства. Авторы исследуют противоречия, встречающиеся в результате взаимоотношений органов представительной (законодательной) власти и Конституционного и Верховного судов РФ по вопросам принятия новых нормативных правовых актов, рассматривают проблемы, связанные с правовыми позициями Верховного Суда РФ, и противоречия, встречающиеся в решениях Конституционного Суда РФ по одним и тем же вопросам.

Ключевые слова: *правовые позиции судов, уголовное судопроизводство.*

В русском языке термин «коллизия» означает столкновение каких-либо противоположных интересов, сил, стремлений¹. Под юридическими коллизиями в правовой науке понимают расхождение или противоречия между отдельными нормативно-правовыми актами, регулирующими одни и те же либо смежные общественные отношения, а также противоречия, возникающие в процессе правоприменения и осуществления компетентными органами и должностными лицами своих полномочий². Исследуя вопросы, связанные с юридическими коллизиями, ученые предлагают различные варианты их классификации. Выделяют, например, четыре вида противоречий: коллизии между нормативно-правовыми актами либо отдельными правовыми нормами, коллизии в правотворчестве, коллизии в правоприменении и коллизии полномочий и статусов органов, должностных лиц и др.³ Другие авторы выделяют шесть групп юридических коллизий, добавляя к названным еще коллизии целей и коллизии между национальным и международным правом⁴.

Поскольку правовые позиции представляют собой продукт деятельности судов, то ограничить предмет нашего исследования какой-либо отдельной группой юридических коллизий не представляется возможным. Исследование показывает, что формулирование правовых позиций судами способно создавать определенные противоречия как между сами-

ми правовыми позициями, так и в процессе правотворчества путем дублирования либо бессистемного создания взаимоисключающих позиций. Исследование выявило коллизии и в применении правовых позиций, а также противоречия в полномочиях государственных органов, призванных заниматься законотворческой деятельностью, и судов, вынужденных в рамках своей деятельности опираться на создаваемые ими же источники права.

1. В первую очередь следует отметить противоречия, встречающиеся в результате взаимоотношений органов представительной (законодательной) власти и судов (Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ) по вопросам принятия новых нормативных правовых актов, соответствующих правовым позициям, выработанным указанными судами.

Решения Конституционного Суда РФ считаются окончательными, вступают в законную силу немедленно после провозглашения, обжалованию не подлежат (ст. 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ»). Законодатель в ст. 79 данного закона указал, что в случае, если решением Конституционного Суда РФ нормативный акт признан не соответствующим Конституции РФ полностью или частично либо из решения Конституционного Суда РФ вытекает необходимость устранения пробела в правовом регулировании, государственный орган или должностное лицо, принявшие этот нормативный акт, рассматривают

вопрос о принятии нового нормативного акта, который должен, в частности, содержать положения об отмене нормативного акта, признанного не соответствующим Конституции РФ полностью, либо о внесении необходимых изменений и (или) дополнений в нормативный акт, признанный неконституционным в отдельной его части. До принятия нового нормативного акта непосредственно применяется Конституция РФ. Сроки рассмотрения и устранения пробелов и нарушений государственными органами установлены в ст. 80 данного федерального конституционного закона.

Однако данные положения закона о Конституционном Суде РФ не выполняются. Законодатель не спешит восполнять пробелы, созданные признанием Конституционным Судом РФ норм уголовно-процессуального закона неконституционными. По имеющимся данным, решения Конституционного Суда РФ Федеральным Собранием исполняются не ранее чем через год – полтора⁵, а иногда и дольше. Можно привести следующий пример. Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что ст. 405 УПК РФ не соответствует Конституции РФ⁶. В своем Постановлении от 11 мая 2005 г. № 5-П он подчеркнул необходимость законодательного установления точных и четких оснований, условий и порядка пересмотра вступивших в законную силу судебных решений и указал, что законодателю надлежит внести соответствующие изменения и дополнения в УПК РФ, с тем чтобы не допустить произвольный, не ограниченный по времени и основаниям пересмотр вступивших в законную силу судебных решений, влекущий ухудшение положения осужденного или оправданного. Изменения были внесены в УПК РФ только через четыре года – в 2009 году. Это не единичный случай подобной «расторопности» отечественного законодателя. На данное обстоятельство неоднократно указывали как практические работники, так и ученые-правоведы. Причину этого мы видим в том, что ответственность, установленная в ст. 81 закона о Конституционном Суде РФ за неисполнение, ненадлежащее исполнение либо воспрепятствование исполнению решения Конституционного Суда РФ, в данном случае носит чисто декларативный характер и на законодателя не распространяется. В настоящее время не существуют такие рычаги, которые могли бы заставить законодателя поступать определенным образом, даже в отношении выполнения им своих непосредственных пол-

номочий: законотворческой деятельности. Мы полагаем, что данная ситуация требует своего разрешения возможно путем создания специальной комиссии из представителей органов законодательной власти и судебной власти (представителей Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, а возможно и Высшего Арбитражного Суда РФ), которая смогла бы решать все возникающие конфликтные ситуации и в том числе определять приоритеты в отношении разработки и принятия требуемых законопроектов.

2. Законодатель игнорирует не только правовые позиции, сформулированные Конституционным Судом РФ, но и правовые позиции Верховного Суда РФ. В частности это касается вопроса возврата уголовного дела прокурору со стадии надзорного производства. В УПК РФ отсутствует норма, позволяющая суду надзорной инстанции в случае выявления нарушений, допущенных в стадии предварительного расследования и исключающих постановление законного, обоснованного и справедливого приговора, если это не связано с восполнением неполноты произведенного дознания или предварительного следствия, по своей инициативе либо по ходатайству сторон в случае отмены судебного решения возвратить уголовное дело соответствующему прокурору, миновав суд первой инстанции и стадию предварительного слушания.

Данную проблему пытался решить Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 8 декабря 2003 г. № 18-П⁷, но в связи с тем, что он не конкретизировал наличие данной возможности у всех судов, в том числе и судов надзорной инстанции, данные суды возвращали уголовные дела в суды первой инстанции, которые в рамках предварительного слушания возвращали дело прокурору.

Правовую позицию, разрешающую данную ситуацию и развивающую правовую позицию Конституционного Суда РФ, сформулировал Верховный Суд РФ, который в п. 15 своего Постановления от 11 января 2007 г. № 1 указал, что суд надзорной инстанции по ходатайству стороны либо по своей инициативе, руководствуясь положениями п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, вправе отменить состоявшиеся судебные решения и возвратить уголовное дело соответствующему прокурору.

Однако ученые обращают внимание на то, что указанный разработанный Верховным Судом РФ порядок возвращения уголовного

дела прокурору необходимо закрепить в законе путем внесения соответствующих дополнений в УПК РФ.

3. При изучении правовых позиций также выявляются и противоречия, встречающиеся в решениях Конституционного Суда РФ по одним и тем же вопросам. На этот факт указывали сами судьи Конституционного Суда РФ⁸. Пример можно привести такой: Конституционный Суд РФ в своих правовых позициях достаточно часто обращался к вопросу о положении суда в состязательном уголовном судопроизводстве. Все правовые позиции Суда по этому вопросу можно разделить на две группы. В первую следует отнести позиции, согласно которым суд как орган правосудия должен придерживаться таких полномочий, которые бы не противоречили его природе как органу правосудия, обеспечивали его независимость, объективность и беспристрастность. Вторая группа позиций позволяет некоторые отступления от этой установки, в частности избрание, продление меры пресечения по инициативе суда, но при этом мотивируется это необходимостью обеспечения условий дальнейшего производства по уголовному делу. Предполагая возможное непонимание данной позиции и учитывая явную ее непоследовательность, Конституционный Суд РФ в постановлении, опережая возможные вопросы, сам оговаривает, что, по его мнению, данные полномочия суда не следует рассматривать как выполнение функции обвинения⁹.

4. Определенная непоследовательность присутствует и в правовых позициях, которые Конституционный Суд РФ сформулировал применимо к возврату уголовного дела прокурору. В первоначальных правовых позициях Конституционного Суда РФ по данному вопросу суд, рассматривающий дело по существу, не мог сам по своей инициативе возвращать уголовные дела прокурору по любым основаниям, в этом Конституционный Суд РФ усматривал выполнение им функции обвинения¹⁰. В последующем вопрос был пересмотрен кардинально, в настоящее время позиция Конституционного Суда РФ такова: суд по ходатайству сторон либо по собственной инициативе может вернуть уголовное дело прокурору для устранения любых нарушений, исправить которые в судебном заседании невозможно¹¹.

5. Следует констатировать не только возможность, но и существование взаимоисключающих

правовых позиций высших судов по конкретным делам, что создает положение неопределенности и противоречивости и, по нашему мнению, не должно присутствовать в правовой действительности. Примером является дело Т. Р. Суринова. Верховный Суд РФ по данному делу признал судебные решения, согласно которым гр-н Т. Р. Суринов признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» и «б» ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 171.1 и ч. 2 ст. 330 УК РФ, законными и обоснованными. Он указал, что выводы суда, содержащиеся в приговоре, соответствуют фактическим обстоятельствам дела и мотивированы достаточно убедительно, наказание назначено в соответствии с законом, с учетом характера и степени тяжести совершенных преступлений, данных о личности осужденного и конкретных обстоятельств дела¹².

Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в свою очередь оставил все судебные решения по данному делу, суть которых заключается в том, что сделка купли-продажи аэронавигационного оборудования фирмы «Томсон» является законной, без изменения, также посчитав их законными и обоснованными¹³.

Конституционный Суд РФ в Определении от 5 февраля 2009 г. № 366-О-Р «Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства гр-на Т. Р. Суринова о разъяснении определения Конституционного Суда РФ от 15 января 2008 года № 193-О-П» на предмет того, сохраняют ли силу два не опровергнутых в законном порядке судебных акта, квалифицирующих одни и те же, по сути, деяния, совершенные одним и тем же лицом, и как правомерные, и как преступные, указал, что проверка законности и обоснованности правоприменительных решений, вынесенных по уголовным и арбитражным делам, в том числе с точки зрения обоснованности применения в них тех или иных процессуальных норм, не входит в компетенцию Конституционного Суда РФ.

Безусловно, существование противоречивых решений двух судов недопустимо, впрочем, как и ставить вопрос, решение какого суда обладает большей юридической силой. Это суды различной юрисдикции, что предполагает исключение пересечения их компетенции. В этой связи еще раз следовало бы подчеркнуть, что наша позиция соотносится с положением о недопустимости наложения обязательств на суды без проверки принимать

в качестве доказательств обстоятельства, установленные в результате судебного разбирательства в рамках иных судопроизводств.

6. Нам представляется, что сформулированное законодателем понимание преюдиции порождает коллизию, т.е. противоречия между правовыми нормами, изложенными в ст. 17 и ст. 90 УПК РФ.

В ст. 17 УПК РФ изложен принцип уголовного судопроизводства «Свобода оценки доказательств», в соответствии с которым любое должностное лицо, в том числе судья, прокурор, следователь, оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств и никакие доказательства не имеют заранее установленной силы.

Поскольку в соответствии с требованиями ст. 90 УПК РФ установленные ранее постановленным приговором либо судебным решением обстоятельства должны приниматься без дополнительной проверки, судье при вынесении приговора уже нет смысла их оценивать, он обязан принять их в таком значении, как это сделало предыдущее должностное лицо, и это правило, безусловно, ограничивает свободу формирования внутреннего убеждения судьи.

Юридические коллизии обычно мешают и нередко препятствуют нормальной работе правовой системы, ущемляют права граждан и юридических лиц, серьезно сказываются на эффективности правового регулирования, состоянии законности и правопорядка, правосознании и правовой культуре общества. Они создают сложности в правоприменительной практике, в пользовании законодательством рядовых граждан, культивируют правовой нигилизм. Поэтому специалисты подчеркивают, что предупреждение, выявление и устранение юридических коллизий в законодательстве и правоприменении является важнейшей задачей юридической науки и практики¹⁴. Изменение сложившейся в настоящее время ситуации возможно, если у суда появится возможность по своему усмотрению, при возникновении сомнений в правильности оценки в предыдущем судебном разбирательстве доказательств, исследовать обстоятельства дела и оценивать полученный результат самостоятельно.

7. Некоторые противоречия встречаются в постановлениях Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ. Это касается,

например, вопросов внесения повторных надзорных жалоб и представлений. В соответствии с ч. 1 ст. 412 УПК РФ установлен запрет на повторные обращения в суд надзорной инстанции с ходатайствами о пересмотре судебных актов, вступивших в законную силу. Однако при применении данной нормы сразу выявились проблемы, поскольку законодатель не конкретизировал, кто (судья либо президиум) своим постановлением оставил надзорную жалобу или надзорное представление без удовлетворения. Выявившаяся правовая неопределенность потребовала урегулирования данной проблемы.

В Определении от 8 ноября 2005 г. № 399-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зиминова Михаила Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью 1 ст. 412 УПК РФ» и в ряде иных определений Конституционный Суд РФ сформулировал правовую позицию, согласно которой положения ч. 1 ст. 412 УПК РФ не препятствуют реализации права на судебную защиту для граждан, чьи права нарушены в результате судебной ошибки; в случае ее обнаружения она подлежит исправлению, в том числе и в тех случаях, когда жалоба является повторной. Наряду с этим Конституционный Суд РФ отметил, что жалоба (представление), принесенная по иным правовым основаниям, не является повторной, а потому может быть вновь подана в ту же надзорную инстанцию.

В свою очередь Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 11 января 2007 г. № 1 предпринял свою попытку снять указанную неопределенность и в п. 23 указал судам, что понимается под повторными жалобами или представлениями – это жалобы или представления, принесенные по тому же делу, в отношении того же лица, в ту же надзорную инстанцию, тем же субъектом обжалования, если ранее в отношении этого лица состоялось судебное решение (постановление, определение) этого же суда надзорной инстанции либо жалоба или представление были оставлены без удовлетворения постановлением судьи, с которым согласился председатель верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения или иных судов субъектов РФ или его заместитель.

Пленум Верховного Суда РФ не затронул вопрос о возможности внесения жалоб по иным правовым основаниям, но от тех же субъектов и по тем же делам, и по сути про-

игнорировал в этой части Постановление Конституционного Суда РФ. Но в то же время он расширил содержание данной статьи, в отличие от мнения законодателя, указав, что если из повторных жалоб или представлений усматриваются основания для отмены или изменения судебного решения, то лица, указанные в ч. 4 ст. 406 УПК РФ, в пределах своей компетенции могут отменить постановление судьи, возбудить надзорное производство и передать жалобу или представление на рассмотрение суда надзорной инстанции.

8. В целях обеспечения состязательности уголовного процесса Конституционный Суд РФ существенно развил положения о допуске участников процесса к информации. Особое значение в связи с этим приобретает допуск стороны защиты к информации, которой располагают органы предварительного расследования. Важно отметить, что в обобщении судебной практики в судах общей юрисдикции Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в 2003 году, разъясняя особенности применении нового Уголовно-процессуального кодекса РФ, указывала, что в соответствии с «п. 12 ч. 4 ст. 47 и п. 7 ч. 1 ст. 53 УПК РФ право знакомиться со всеми материалами дела возникает у обвиняемого и его защитника по окончании предварительного расследования. Ознакомление с материалами, представленными с ходатайством об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, законом не предусмотрено. Данное толкование породило массовые нарушения прав задержанных и заключенных под стражу обвиняемых (подозреваемых), и лишь принятие по жалобе гражданина Ковалева Определения Конституционного Суда РФ от 12 мая 2003 г. № 173-О изменило данную порочную практику. Конституционный Суд РФ отметил, что подобное ущемление прав человека является неконституционным: «Отказ защитнику в ознакомлении с документами, которые подтверждают законность и обоснованность применения к подозреваемому или обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу, не может быть оправдан интересами следствия или иными конституционно значимыми целями, допускающими соразмерные ограничения прав и свобод». В результате Пленум Верховного Суда РФ был вынужден отступить от принятой ранее позиции. В п. 11 Постановления от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федера-

ции» он формулирует совершенно иную позицию: «Суд не вправе отказать подозреваемому или обвиняемому, а также их защитникам в удовлетворении... ходатайства об ознакомлении с материалами, на основании которых принимается решение по вопросу об избрании подозреваемому или обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу». Однако этот же пункт далее вводит ограничение, умаляющее значение данной гарантии: «Ознакомление с указанными материалами производится в разумные сроки, но в пределах установленного законом срока для рассмотрения судом соответствующего ходатайства...», т.е. речь идет о восьми часах согласно ч. 3 ст. 108 УПК РФ.

Таким образом, коллизии, противоречия и разночтения в правовых позициях судов различных уровней объективно существуют и создают определенные трудности для правоприменителей. В целях устранения возникающей правовой неопределенности необходимо вести систематический учет правовых позиций всех судов, в том числе и Европейского Суда по правам человека, в целях обеспечения их реализации при осуществлении правосудия.

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. 70000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1989. С. 284.

² Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2004. С. 203.

³ Тихомиров Ю. А. Коллизионное право. М., 2003. С. 29–30.

⁴ Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. М., 2004. С. 198.

⁵ Гуревич Г. С. Роль решений Конституционного Суда РФ в совершенствовании законодательства // Актуальные проблемы реформирования экономики и законодательства России и стран СНГ: материалы Международной научно-практической конференции. Челябинск, 2001. С. 11.

⁶ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», Общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан» // СЗ РФ. 2005. № 22. Ст. 2194.

⁷ СЗ РФ. 2003. № 51. Ст. 5026.

⁸ Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Н. В. Витрука к Постановлению Конституционного Суда РФ от 14 января 2000 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений УПК РСФСР,

регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела в связи с жалобой гр. И. П. Смирновой и запросом Верховного Суда РФ» // СЗ РФ. 2000. № 5. Ст. 611.

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений УПК РФ, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан // СЗ РФ. 2005. № 22. Ст. 2236.

¹⁰ Постановление Конституционного Суда 20 апреля 1999 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части 1 ст. 232, ч. 4 ст. 248 и ч. 1 ст. 258 УПК РСФСР в связи с запросами Иркутского

районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород» // СЗ РФ. 1999. № 17. Ст. 2205.

¹¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 4 марта 2003 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений п. 2 ч. 1 и ч. 3 ст. 232 УПК РСФСР в связи с жалобами гр-н Л. И. Батищева, Ю. А. Евграфова, О. В. Фролова и А. В. Шмелева» // СЗ РФ. 2003. № 12. Ст. 1176.

¹² Постановление судьи Верховного Суда РФ об отказе в возбуждении надзорного производства от 25 июня 2008 г. № 5-УО8-1175 // Архив Верховного Суда РФ.

¹³ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ № 11122/05 от 7 октября 2008 г.

¹⁴ Скобликов П. А. Арбитражный и уголовный процессы: коллизии в сфере доказывания и пути их преодоления. М., 2006. С. 6.

Статья поступила в редакцию 1 марта 2012 г.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ, РАССМОТРЕННЫХ СУДАМИ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

А. А. Ильюхов,

кандидат юридических наук, подполковник полиции, докторант кафедры управления органами расследования преступлений, Академия управления МВД России

Раскрывается процессуальный порядок возбуждения уголовных дел, рассмотренных судами с участием присяжных заседателей. Анализируются ошибки, допускаемые следователем при приеме, регистрации и проверке сообщений о совершенном либо готовящемся преступлении. Формулируются предложения по совершенствованию деятельности следователя в стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: *уголовный процесс, присяжные заседатели, возбуждение уголовного дела, проверка сообщений о преступлениях.*

Традиционно считается, что уголовный процесс состоит из ряда последовательных, взаимосвязанных между собой и детально урегулированных законом стадий производства по уголовному делу, в каждой из которых осуществляется уголовное преследование, в том числе и на стадии возбуждения уголовного дела. По своему содержанию стадия возбуждения уголовного дела включает в себя всю регламентированную уголовно-процессуальным законом деятельность по приему, регистрации, рассмотрению и разрешению сообщений о преступлениях органами, осуществляющими в соответствии с законом функцию уголовного преследования (следователем, руководителем следственного органа, дознавателем, органом дознания, прокурором). В их задачи входит оперативное реагирование на поступающую информацию о совершенном либо готовящемся преступлении, а также создание необходимых предпосылок для успешного расследования уголовного дела.

От того, насколько своевременно и обоснованно принято решение о возбуждении уголовного дела, во многом зависят быстрое и полное раскрытие и расследование преступлений, изобличение виновных и вынесение законного и обоснованного приговора суда. Следственная практика свидетельствует о том, что чем меньше времени проходит с момента совершения преступления до начала активного расследования, тем больше возможностей для раскрытия преступления¹.

Сказанное подтверждается данными исследований, проведенных В. Е. Сидоровым в Московской области. По изученным им

552 уголовным делам, возбужденным в первый день поступления информации, было раскрыто «по горячим следам» почти 60 % преступлений, делам, возбужденным на второй день раскрыто около 16 %, на третий день – лишь 5 %², что позволяет указывать на наличие связей между своевременным возбуждением уголовного дела, качеством проведенного расследования и в целом эффективностью отправления правосудия.

Исследуя стадию возбуждения уголовного дела, стоит отметить, что весь накопленный опыт по изучению уголовных дел, рассмотренных судом с участием присяжных заседателей, выявил ряд проблем, связанных с допущенными ошибками и нарушениями закона органами расследования как на стадии предварительного расследования, так и на первоначальной стадии уголовного процесса – возбуждение уголовного дела, на которой осуществляются прием, регистрация и рассмотрение сообщений и заявлений о преступлениях.

В большинстве своем нарушения, допущенные органами расследования при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений и заявлений о преступлениях, связаны с несоблюдением установленного порядка и сроков регистрации сообщений о преступлениях, процессуального порядка и сроков их проверки, а также с законностью и обоснованностью принимаемых решений по результатам проведенной проверки.

При этом следует отметить, что порядок приема и проверки сообщений и заявлений о преступлениях и принятие по ним решений определяются положениями глав 19 и 20 УПК

РФ, а их непосредственная реализация осуществляется посредством применения ведомственных подзаконных нормативных правовых актов, призванных укреплять учетно-регистрационную дисциплину и законность при рассмотрении сообщений о совершенных либо готовящихся преступлениях³.

В то же время подзаконные нормативные правовые акты являются лишь частью той правовой базы, которая придает стадии возбуждения уголовного дела статус механизма правового регулирования. Специальный же закон, регламентирующий указанный механизм, в настоящее время отсутствует, что порождает противоречия между ведомственными инструкциями и уголовно-процессуальным законом, мешая тем самым единообразно разрешать вопросы в данной сфере процессуальной деятельности.

С. И. Гирько, обосновывая свою позицию относительно отсутствия единого правового механизма в стадии возбуждения уголовного дела, констатирует следующее: «Неоправданно широкий разброс законоположений, регламентирующих, по сути, одну и ту же деятельность и правоотношения, препятствует составлению целостного и единообразного представления о содержании первого этапа уголовного судопроизводства. Несогласованности, противоречия и даже взаимоисключения норм снижают их регулятивную способность и в конечном итоге отрицательно сказываются на эффективности их правоприменения»⁴.

Похожего мнения придерживается и Р. Чупахин: «Закрепление в ст. 144, 146 УПК РФ порядка проверки сообщения о преступлении объективно обуславливает необходимость законодательного определения и процессуальных средств ее осуществления. В противном случае обнаруживаются пробелы в правовом регулировании возбуждения уголовного дела, так как предусмотренная ст. 144, 146 УПК РФ проверка сообщения о преступлениях не имеет соответствующих юридических форм выражения, и поэтому речь может идти только о внепроцессуальных и, следовательно, незаконных способах доследственной проверки, результаты которых не имеют доказательственного значения, в связи с чем является проблематичным включение ее в систему российского уголовного судопроизводства»⁵.

Мнения указанных авторов указывают на то, что мероприятия, средства и способы

предварительной проверки сообщений о преступлениях должны иметь единую уголовно-процессуальную природу и регламентацию, а результаты их производства – доказательственное значение. По крайней мере, необходимо выработать единый ведомственный нормативный правовой акт, призванный унифицировать механизм порядка приема, регистрации, проверки заявлений и сообщений о совершенных либо готовящихся преступлениях для всех органов, которым предоставлено право осуществлять производство по уголовному делу.

Таким образом, возбуждение уголовного дела – это стадия уголовного процесса, в которой механизм и процессуальные средства деятельности ее участников при определяющей роли дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и начальника подразделения органа дознания по установлению наличия или отсутствия основания для начала производства по уголовному делу должны определяться законодательным путем. А основой эффективной деятельности по регистрации первичной информации о совершенном либо готовящемся преступлении, принятию решения о возбуждении либо отказе в возбуждении уголовного дела является исключение ошибок и нарушений действующего уголовно-процессуального законодательства.

Распространенными нарушениями закона при регистрации и рассмотрении заявлений и сообщений о совершенном либо готовящемся преступлении являются следующие.

1. Несвоевременная регистрация сообщений о преступлении.
2. Необоснованное продление сроков проведения проверки.

Сказанное также подтверждается примерами из следственной практики. Так, 7 июля 2003 г. в ОВД г. Новокуйбышевска Самарской области обратилась гражданка К. с заявлением о краже из ее квартиры. В результате осмотра места происшествия каких-либо признаков повреждения входных дверей и окон обнаружено не было. По заявлению была назначена предварительная проверка. Срок указанной проверки был продлен до 10 суток, а затем до 15 суток. После этого было отказано в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления. Через две недели после отказа в возбуждении уголовного дела гражданка К. обратилась с жалобой на данное решение в прокуратуру. Прокурор отменил

постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, а материал направил на дополнительную проверку. Дополнительная проверка длилась пять дней, после чего было возбуждено уголовное дело. Таким образом, решение о возбуждении уголовного дела было принято через месяц после приема и регистрации заявления, чем были нарушены предусмотренные уголовно-процессуальным законом сроки и конституционное право потерпевшей⁶.

3. Неуведомление заявителя о результатах рассмотрения его сообщения о преступлении.

4. Укрывательство заявлений и сообщений о преступлениях, перспективность раскрытия которых вызывает сомнения у правоприменителя, с целью улучшения показателей в работе.

Опросы сотрудников правоохранительных органов показывают, что причиной совершения преступлений против правосудия должностными лицами в 60,2 % случаев являются мотивы улучшения показателей работы, увеличения процента раскрываемости преступлений⁷.

5. Списание сообщения о преступлении в номенклатурное дело без принятия по нему процессуального решения.

6. Принятие незаконного решения о направлении материала по подследственности либо подсудности.

7. Отказ в приеме сообщения о преступлении, фальсификация материала путем вынесения заведомо ложных сведений о существенных обстоятельствах, о характере и размере причиненного ущерба посредством изготовления заведомо подложных документов.

Так, нередко со стороны сотрудников правоохранительных органов на этапе предварительной проверки в стадии возбуждения уголовного дела допускаются нарушения, выразившиеся в склонении заявителей к отказу от своего заявления, к подаче так называемого «встречного» заявления либо в укрывательстве заявления на этапе принятия заявления, а также уничтожении материалов проверки. Анализ показывает, что не более 7 % всех заявлений о преступлениях подаются в дежурную часть или поступают по почте. Основная их масса делается в момент вызова (выезда) на место преступления. Именно тогда сотрудники правоохранительных органов убеждают потерпевших в неспособности раскрыть преступление, его небольшой общественной опасности и малозначительности, дают под-

писать незаполненные бланки объяснений, протоколов осмотров и встречных заявлений о якобы обнаружении имущества. Порой бывают и подделки проверочных материалов, когда не удалось уговорить заявителя или получить его подпись на чистых бланках процессуальных документах⁸.

Указанные виды нарушений являются основанием для проведения проверки как со стороны руководителя следственного органа, так и надзирающего прокурора, что в свою очередь ведет к затягиванию решения вопроса о возбуждении уголовного дела и, как следствие, приводит к утрате следов преступления, нужных свидетелей, возможности раскрытия преступления «по горячим следам». В конечном итоге это препятствует реализации права граждан на доступ к правосудию.

Как нам представляется, допущенные нарушения при приеме, регистрации и проверки сообщений о преступлениях объясняются различными факторами, в том числе:

- слабым владением следователем, дознавателем информацией о необходимых проверочных действиях, требуемых для возбуждения уголовного дела по конкретным составам преступлений;

- низким качеством подготовки документов по материалам проверки;

- допущением сотрудниками следственных органов ошибок и просчетов при рассмотрении сообщений о преступлении;

- несвоевременным обсуждением на оперативных совещаниях при руководителе следственного органа ошибок, допускаемых следователями при рассмотрении сообщений о преступлении;

- недостаточным контролем со стороны руководителей следственных органов за деятельностью их подчиненных по рассмотрению сообщений о преступлениях и принятию по ним обоснованного решения.

В то же время, учитывая, что проблемы исполнительной дисциплины и законности при разрешении вопросов возбуждения уголовного дела во многом обусловлены недостатками в работе органов предварительного расследования, Генеральная прокуратура РФ 6 сентября 2007 г. издала Приказ № 136, который обязал прокуроров: «При наличии предусмотренных законом оснований, в том числе в связи с выявлением фактов фальсификации материалов доследственных проверок, выносить мотивированное постановление о направлении в органы предварительного

следствия соответствующих материалов для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений». «При выявлении нарушений порядка приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях, проведения доследственных проверок требовать их устранения и привлечения виновных лиц к уголовной ответственности, используя в полном объеме предусмотренные законом меры прокурорского реагирования при наличии предусмотренных законом оснований. В том числе в связи с выявлением фактов фальсификации материалов доследственных проверок выносить мотивированное постановление о направлении в органы предварительного следствия соответствующих материалов для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений»⁹.

Результаты от издания указанного приказа не заставили себя долго ждать. Так, за период с 2007 по 2010 гг. в одной только Курганской области привлечены к дисциплинарной ответственности 945 сотрудников правоохранительных органов, в том числе 180 руководителей отделов и подразделений, возбуждено 54 уголовных дела за преступные злоупотребления и превышение должностных полномочий в сфере учетно-регистрационной деятельности.

Не стоит забывать и про низкий профессиональный уровень подготовки и отсутствие морально-нравственных установок на качественное выполнение своих профессиональных обязанностей со стороны следователя, дознавателя.

По мнению А. П. Гуляева, причины нарушений, допускаемых следователем, дознавателем при рассмотрении сообщений о преступлении кроются еще и в том, что нередко ими недооценивается значение своевременного решения вопроса о возбуждении производства по уголовному делу¹⁰.

Перечисленные выше факторы, оказывающие влияние на допущенные следователем и дознавателем нарушения при приеме, регистрации и проверке сообщений о преступлениях, по нашему мнению, возможно устранить в случае, если их деятельность будет строиться на принципах беспристрастности, справедливости и эффективности.

Беспристрастность должна проявляться в том, что каждый пострадавший от преступления заслуживает равного к нему отношения со

стороны органов расследования. Справедливость заключается в проведении соответствующих эффективных проверочных мероприятий для выявления и расследования преступлений. Эффективность гарантируется средствами и методами, данными следователю, дознавателю для реализации целей уголовного судопроизводства.

Представляется, что указанные принципы могут быть включены в УПК РФ для оказания положительного воздействия на правоприменительную практику в сфере порядка рассмотрения сообщений и заявлений о совершенных либо готовящихся преступлениях и принятия решения о возбуждении уголовного дела.

¹ См.: Гуляев А. П. Процессуальные сроки в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. М., 1976. С. 28.

² См.: Сидоров В. Е. Начальный этап расследования: организация, взаимодействие, тактика. М., 1992. С. 34.

³ См.: Инструкция «О едином порядке приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях в системе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации», утвержденная приказом первого заместителя Генерального прокурора Российской Федерации – Председателя Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации от 7 сентября 2007 г. № 14; Инструкция «О приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях», утвержденная Приказом Минюста России от 11 июля 2006 г. № 250; Инструкция «О порядке организации приема, регистрации и проверки в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ сообщений о преступлениях», утвержденная Приказом ФСКН России от 9 марта 2006 г. № 75; Инструкция «О едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях в Федеральной службе судебных приставов», учрежденная Приказом Минюста России от 2 мая 2006 г. № 139; Приказ МВД РФ от 4 мая 2010 г. № 333 «Об утверждении инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в органах внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений и иной информации о происшествиях».

⁴ Гирько С. И. Правовые и организационные основы деятельности милиции на первоначальном этапе уголовного судопроизводства: монография. М., 2004. С. 29.

⁵ Чулахин Р. Проверка заявлений и сообщений о преступлениях в свете УПК РФ: понятие, основные направления совершенствования правового института // Российский следователь. 2004. № 8. С. 23–24.

⁶ Петрухин И. Л. Возбуждение уголовного дела по действующему УПК РФ // Государство и право. 2005. № 1. С. 42.

⁷ Идрисов К. Р. Особенности мотивации преступлений против правосудия, совершаемых должностными лицами // Российский следователь. 2007. № 12. С. 24.

⁸ Багаутдинов Ф. Н. Возбуждение уголовного дела: проблемы публичных и личных интересов // Прокурорская и следственная практика. 2002. № 3–4. С. 159.

⁹ Пункт 1.2 Приказа Генерального прокурора РФ от 6 сентября 2007 г. № 136 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов

предварительного следствия» // Законность. 2007. № 11. С. 48; пункт 3 Приказа Генерального прокурора РФ от 6 сентября 2007 г. № 137 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» // Законность. 2007. № 11. С. 54.

¹⁰ См.: Гуляев А. П. Указ. соч. С. 30–31.

Статья поступила в редакцию 11 февраля 2012 г.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПРИМЕНЕНИЯ МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ НЕЛЕГАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ

С. Р. Зиганшин,

аспирант кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права, Южно-Уральский государственный университет

Рассматриваются проблемы применения уголовного законодательства в области нелегальной миграции. При этом сделан акцент на несовершенство правовых норм, предусматривающих ответственность за незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации и организацию незаконной миграции.

Ключевые слова: *миграция, безопасность, незаконное пересечение Государственной границы, организация незаконной миграции.*

В настоящее время Российская Федерация находится в состоянии глубокого демографического кризиса. Естественный прирост населения не покрывает его естественную убыль. По данным Росстата, в период с 1994 по 2009 гг. население России постоянно сокращалось¹. Этот фактор в свою очередь служит препятствием для благополучного развития страны. Правительство РФ в настоящее время с целью увеличения численности населения вынуждено предпринимать следующие меры: снижение уровня смертности, увеличение рождаемости и привлечение мигрантов в Российскую Федерацию. Последнее требует особого внимания, поскольку наряду с законной миграцией существует незаконная, которая может нанести существенный вред, в том числе и конституционным основам государства.

Незаконная миграция является прибыльным криминальным бизнесом и одновременно стоит в одном ряду с незаконным оборотом оружия и наркотиков. Уголовная ответственность за незаконную миграцию в России, по общему мнению, предусмотрена в ст. 322 и 322.1 УК РФ. Однако миграция является сложным по своему содержанию процессом, требующим всестороннего и подробного изучения. В указанных статьях УК РФ предусмотрена лишь частичная ответственность за незаконную миграцию, при этом формулировка составов преступлений вызывает немало вопросов.

Статья 322 УК РФ предусматривает ответственность за незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации. Данная норма ставит под охрану режим

государственной границы, в то время как нелегальная миграция подвергает угрозе национальную безопасность. Статья 322.1 УК РФ предусматривает наказание за организацию незаконной миграции, в результате чего лишь организаторская деятельность подлежит ответственности, в то время как сама незаконная миграция остается, видимо, не наказуема.

Одной из проблем применения уголовных норм относительно организации незаконной миграции является отсутствие четко сформулированной диспозиции соответствующей нормы. Так, ст. 322.1 УК РФ под организацией незаконной миграции понимает организацию незаконного въезда, незаконного пребывания и незаконного транзита через территорию России. При этом необходимо заметить, что проникнуть на территорию страны можно не только путем въезда (при помощи транспортного средства), но также пешим способом, при помощи летательных средств и т.д. Главной характеристикой здесь является криминальная составляющая незаконного пересечения границы другого государства. Но исходя из буквального толкования указанной нормы получается, что лишь организация незаконного въезда будет иметь уголовно-правовые последствия. В подтверждение этому следует сказать, что применение уголовного закона по аналогии недопустимо, что собственно и происходит, когда к ответственности привлекаются лица, совершившие проникновение на территорию России способом, отличным от въезда.

Далее конструкция статьи предусматривает ответственность за организацию незаконного пребывания. Под незаконным пребы-

ванием на территории иностранного государства, видимо, следует понимать нахождение лица, отличного от гражданина этого государства и отличного от лица без гражданства, постоянно проживающего на территории этого государства, не имеющего или утратившего права на законное присутствие в границах данного государства. Примерами незаконного пребывания могут служить несоблюдение правил миграционного учета либо отказ выезда за пределы страны после истечения срока действия визы. Следовательно, организация незаконного пребывания подразумевает под собой активные действия виновного по поддержанию лица, находящегося в пределах данной страны на нелегальном положении. Это может, в частности, выражаться в предоставлении питания, жилья, одежды и других условий для жизни. И соответственно не подлежит ответственности руководитель организации, на территории которой расположились нелегальные мигранты без его ведома. В то же время такие случаи привлечения к уголовной ответственности встречаются – об этом упоминает С. А. Щигарев, говоря об организации незаконного пребывания как об активном процессе по планированию и руководству заселением иностранцев на территории юридического лица².

Третий признак организации незаконной миграции – это организация незаконного транзитного проезда. Проблема возникает в связи с разграничением въезда и транзита. Поскольку невозможно следовать транзитом, при этом не въехав в транзитное государство. Под транзитным проездом следует понимать, как правило, безостановочное (за исключением временных и вынужденных остановок) передвижение через территорию России любым видом транспорта. В свою очередь под въездом подразумевается пересечение границы с целью последующего пребывания. Но тогда возникает вопрос о целесообразности криминализации незаконного транзита, поскольку мигрант следует через транзитную страну без остановок, не имеет возможности контактировать с населением, не способен причинить вред конституционным основам, не уклоняется от уплаты налогов, не занимается трудовой деятельностью и т.п.

В результате можно сделать вывод: во-первых, о наличии лишь частичной ответственности за нелегальную миграцию и, во-вторых, о несовершенстве норм УК РФ, пре-

дусматривающих ответственность за организацию незаконной миграции.

Изложенное выше свидетельствует о том, что отсутствие достаточного количества теоретических наработок и, как следствие, несовершенство правовой базы, регламентирующей вопросы миграции, влекут за собой неоднозначное применение закона в правоприменительной деятельности. Доказательством этого служит анализ судебной практики, по результатам которого выявлено наличие ошибок, допускаемых при квалификации действий виновных судьями. Обе статьи, предусматривающие ответственность за незаконную миграцию (ст. 322 и 322.1 УК РФ), носят бланкетный характер, поскольку для решения вопроса о законности пересечения государственной границы и постановки проблемы организации незаконной миграции необходимо руководствоваться существующим в этой области законодательством. Однако установлено, что не все судьи применяют соответствующие федеральные законы и иные нормативные акты, регулирующие порядок пересечения Государственной границы РФ, процедуру въезда, выезда и транзита через территорию России. В ст. 322 УК РФ под незаконным пересечением Государственной границы РФ понимается фактическое перемещение лица через Государственную границу РФ в любом направлении и любыми способами:

– без действительных документов на право въезда в Российскую Федерацию или выезда из нее;

– без надлежащего разрешения, полученного в порядке, установленном законодательством РФ.

При этом достаточно одного из перечисленных признаков, однако при формулировке обвинения и назначении наказания необходимо точно указывать противоправные действия, которые совершил виновный. Анализ правоприменительной практики показал, что имеют место случаи, когда указываются оба признака, независимо от их наличия. К примеру, в Курской области³ по ряду уголовных дел вынесены (ст. 322 УК РФ) обвинительные приговоры в отношении граждан Украины, где указаны оба вышеупомянутых признака⁴, хотя в соответствии с Соглашением между Правительством РФ и Правительством Украины, вступившим в силу 10 марта 1997 г. между Россией и Украиной действует безвизовый режим, и соответственно надлежащее

разрешение не требуется.

В соответствии со ст. 1, 3, 6 Закона РФ «О порядке выезда из Российской Федерации и порядке въезда в Российскую Федерацию» порядок пересечения Государственной границы РФ при осуществлении въезда и выезда из России регулируется законом «О Государственной границе Российской Федерации». Данный закон закрепляет положение о том, что иностранные граждане при въезде в Российскую Федерацию должны предъявить действительные документы, удостоверяющие их личность и визу. Но если международным договором предусмотрены иные правила, то действуют правила международного договора. В настоящее время безвизовый режим действует со всеми странами СНГ, за исключением Грузии и Туркменистана.

Также анализ уголовных дел показал, что суды неоднозначно квалифицируют действия виновных при совершении последними преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 322 УК РФ. Это касается въезда и выезда с территории России. К примеру, Беловский районный суд Курской области квалифицировал действия гражданина России Г. в части выезда и въезда по одной статье (ч. 1 ст. 322 УК РФ). Суд свою позицию обосновал следующим образом: «Поскольку действия Г. направлены на незаконное пересечение Государственной границы РФ без действительных документов (не было паспорта гражданина России) на право въезда в РФ и выезда из РФ, объединены единым умыслом, совершены одно за другим, без разрыва во времени, то они составляют в своей совокупности единое преступление, предусмотренное ст. 322 ч. 1 УК РФ, как пересечение Государственной границы Российской Федерации без действительных документов на право въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации». Однако с этим обоснованием можно не согласиться. Дело в том, что уголовный закон предусматривает самостоятельную ответственность как за незаконный въезд, так и за незаконный выезд. Это вытекает из конструкции диспозиции статьи, предусматривающей альтернативность деяний. Соответственно, если в материалах дела содержатся доказательства как въезда, так и выезда, то содеянное виновным следует квалифицировать по совокупности ст. 322 ч. 1, 322 ч. 1 УК РФ. Если же событие в части незаконного въезда доказано, а в отношении выезда нет, то квалификация преступления должна предусмат-

ривать ответственность только за незаконный въезд. Проблема заключается в следующем: диспозиция предусматривает ответственность не только за пересечение границы без действительных документов, но и за отсутствие надлежащего разрешения на право въезда и выезда. Разрешение выдается на право въезда и выезда, т.е. пересечение границы в обе стороны (лицо пересекает границу при въезде и выезде). В этом случае квалифицирующим признаком является отсутствие разрешения на право въезда и выезда. Соответственно квалифицировать эти действия необходимо только один раз по ст. 322 УК РФ. В итоге, суд может поступать по собственному усмотрению – поскольку законодательного акта или соответствующего разъяснения нет, то оба вышеприведенных сценария развития ситуации являются верными. Налицо неоднозначное понимание и толкование уголовного закона, что недопустимо.

Исследование миграционной ситуации на территории Челябинской области позволяет сделать вывод, что 86 % зарегистрированных преступлений, касающихся незаконного пересечения государственной границы в 2011 году, были совершены на территории Троицкого района Челябинской области.

Анализ практики применения ст. 322 УК РФ в Челябинской области за 2011 год показал, что правоприменитель игнорирует положение о безвизовом режиме со странами бывшего СССР – данное нарушение имело место в четырех рассмотренных уголовных делах. Также в трех уголовных делах в описательной части делается акцент на административный состав правонарушения, что наводит на мысль о сложности разграничения уголовной и административной ответственности. Немаловажной ошибкой также следует считать применение норм Закона РФ «О порядке выезда из Российской Федерации и порядке въезда в Российскую Федерацию» к гражданам России, так как данный закон относится к сфере регулирования отношений применительно к иностранным гражданам и лицам без гражданства. Кроме того, имеют место случаи отсутствия указания на вид альтернативного действия совершенного преступления.

В заключение можно сделать вывод, что для создания единой практики применения уголовного законодательства необходимо более детальное исследование вопросов нелегальной миграции, в том числе с упором на правоприменительную практику, с целью бо-

лее точного и обоснованного закрепления норм, касающихся нелегальной миграции, в уголовном законе. Также встает вопрос подробной детализации миграционного законодательства, что в свою очередь может вылиться в создание закона о миграции.

¹ URL: www.gks.ru.

² Щигарев С. А. Об уголовной ответственности за «предоставление жилья» нелегалам // Главная книга. Конференц-зал. 2008. № 9.

³ Практика рассмотрения уголовных дел в области нелегальной миграции Курской области выбрана неслучайно, поскольку именно этот регион в России занимает первое место по плотности потока мигрантов.

⁴ URL: <http://www.oblsud.krs.sudrf.ru>.

Статья поступила в редакцию 13 марта 2012 г.

РЕАЛИЗАЦИЯ ч. 1 ст. 45 КОНСТИТУЦИИ РФ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

С. В. Зувев,

доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Южно-Уральский государственный университет

Проанализированы основные направления применения уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных средств противодействия организованной преступности.

Ключевые слова: конституция, государственная защита, противодействие организованной преступности, уголовный процесс.

Согласно ч. 1 ст. 45 Конституции РФ государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется. Данное положение относительно противодействия организованной преступности реализуется преимущественно в уголовно-процессуальном и оперативно-розыскном законодательстве. В результате изучения практики работы следственных и оперативно-розыскных подразделений и юридической литературы по данному вопросу выявлены основные направления применения уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных средств противодействия указанному негативному явлению. При этом наблюдается большая продуктивность комплексного использования имеющихся средств. Комплексность проявляется в совместном применении различных средств в разном соотношении, например: 1) совместное проведение одного оперативно-розыскного мероприятия (далее – ОРМ) различными правоохранительными органами; 2) проведение нескольких ОРМ¹; 3) согласованное проведение ОРМ и следственных действий (в том числе путем создания следственно-оперативных групп); 4) осуществление производства по уголовным делам следственными группами (бригадами), в том числе с привлечением следователей, специализирующихся на расследовании преступлений, совершаемых организованными преступными формированиями (далее – ОПФ).

На необходимость комплексного применения сил и средств указывают многие исследователи². При этом его эффективность во многом определяется уровнем информационного обеспечения, аналитической работы и правильности формулирования на этой основе

стратегических и тактических направлений деятельности правоохранительных органов³.

Анализ теории и практики уголовного судопроизводства позволяет выделить три стратегически важных направления организации комплексного применения уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных средств: 1) выявление преступлений ОПФ и лиц, их совершивших; 2) доказывание существования ОПФ и участия каждого из его членов в организованной преступной деятельности; 3) защита от вмешательства в раскрытие преступлений ОПФ и производство по уголовным делам, связанным с организованной преступной деятельностью.

Первое направление характеризуется в большей степени разведывательной деятельностью, второе обеспечивает наступательность уголовного судопроизводства, третье позволяет сохранить имеющиеся силы и средства и носит правозащитный характер. Каждое направление характеризуется своей целью, задачами и проблемами, возникающими в практике правоприменения.

1. Выявление преступлений ОПФ и лиц, их совершивших.

Целью данного направления является выявление преступления ОПФ, установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, в том числе скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения наказания и без вести пропавших.

В соответствии с указанной целью решаются следующие задачи:

– выявление, предупреждение и пресечение организованной преступной деятельности;

– проведение ОРМ, направленных на установление признаков преступлений, совершаемых ОПФ, а также характера связей между соучастниками данных преступлений;

– привлечение результатов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) в уголовный процесс в стадии возбуждения уголовного дела;

– применение процессуальных средств фиксации повода и оснований для возбуждения уголовного дела;

– принятие окончательного решения по результатам проверки информации о преступлениях, совершаемых ОПФ;

– осуществление розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения наказания и без вести пропавших.

По общему правилу, выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, – задача ОРД (ст. 2 Федерального закона «Об ОРД» от 12 августа 1995 г.).

Вместе с тем выявление, предупреждение и пресечение преступлений, совершаемых ОПФ, имеют свои особенности. Уголовный закон (ч. 3 и 4 ст. 35 УК РФ) требует установить и в дальнейшем доказать устойчивость организованной преступной группы, сплоченность преступного сообщества (преступной организации), что является достаточно сложным и трудоемким процессом, требующим документирования преступных действий, отражающих характер отношений между соучастниками преступлений. Поэтому преступления, совершаемые ОПФ, под наблюдением (контролем) оперативных служб и подразделений, как правило, не предупреждаются и не пресекаются, а тщательно документируются. В данном случае более правильно говорить о выявлении, предупреждении и пресечении организованной преступной деятельности, а не конкретного преступления. Такую особенность осуществления ОРД в адрес организованной преступности следовало бы законодательно закрепить⁴.

По ряду преступлений без результатов ОРД невозможно или нецелесообразно возбуждать уголовные дела. Это касается преступлений, связанных с бандитизмом, экономических преступлений. По мнению Н. А. Подольного, расследование компьютерных преступлений невозможно без проведения до возбуждения уголовного дела опера-

тивно-розыскной разведывательной деятельности⁵. Поэтому применение средств ОРД чаще всего предшествует возникновению уголовно-процессуальных отношений. В то же время по рассматриваемой категории преступлений в ходе оперативной проверки могут проводиться любые ОРМ, перечисленные в ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об ОРД», которые, как правило, сопровождаются применением различных технических средств.

Деятельность следователя, призванного руководить процедурой применения средств противодействия организованной преступности, в ходе оперативной проверки информации о преступлениях ОПФ практически отсутствует. При этом практическая необходимость включения его в работу задолго до появления официального повода к возбуждению уголовного дела довольно ощутима. Следователь способен оказать помощь в правовой оценке имеющихся материалов, содержащих информацию о противоправной деятельности субъектов оперативных разработок. Такая работа позволит своевременно и правильно определить перспективу реализации материалов, момент возбуждения уголовного дела, возможность их использования в процессе доказывания виновности разрабатываемых лиц в совершении того или иного вида преступления, выбрать дальнейшее направление проверки, наметить проведение ОРМ, необходимых для сбора информации, предметов и документов, которые впоследствии могли бы иметь доказательственное значение.

2. Доказывание существования ОПФ и участие каждого из его членов в организованной преступной деятельности.

Целью данного направления противодействия организованной преступности являются возбуждение уголовного дела о преступлении, совершенном ОПФ, раскрытие его преступлений и установление всех членов преступного формирования, обеспечение доказанности их участия в организованной преступной деятельности.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

– возбуждение уголовного дела о преступлении, совершенном ОПФ;

– задержание лиц по подозрению в совершении преступления ОПФ;

– оперативно-розыскное обеспечение производства следственных и судебных действий;

– использование результатов ОРД в доказывании.

Возбуждение уголовного дела является важным этапом уголовного процесса и порой предопределяет судебную перспективу уголовного дела. Анализ практики организации применения уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных средств обеспечения производства по делам о преступлениях, совершаемых ОПФ, в период проверки информации о преступлении выявил ряд недостатков в этом направлении:

– следователи преждевременно возбуждают уголовные дела на основе оперативных материалов;

– действия сотрудников правоохранительных органов по выявлению и документированию организованной преступной деятельности носят разобщенный характер;

– не налажен взаимный обмен информацией между членами следственно-оперативных групп (далее – СОГ);

– руководители СОГ безынициативны, не налаживают работу группы как единого коллектива, не уделяют должного внимания координации, контролю, организационному и материально-техническому обеспечению деятельности всех участников СОГ;

– планирование работы СОГ носит формальный характер.

Раскрываемость преступлений, совершаемых ОПФ, во многом зависит от своевременного и качественного проведения проверочных действий и ОРМ в стадии возбуждения уголовного дела. Создания СОГ по делам, связанным с организованной преступностью, явно недостаточно.

Часть 1 ст. 145 УПК РФ сегодня предоставляет следователю возможность обратиться к органу дознания с письменным поручением о проведении ОРМ. Такая необходимость может возникнуть в следующих случаях:

– поручения направляются в другие территориальные органы и регионы страны;

– адресуются не членам СОГ;

– у оперативного работника при выполнении поручения могут возникнуть серьезные затруднения (например, при противодействии со стороны должностных лиц)⁶.

Кроме того, учитывая масштабы организованной преступной деятельности, в некоторых случаях требуется привлечение дополнительных оперативно-розыскных сил и средств (в том числе технических) для проведения крупных операций по горячим следам. По-

скольку некоторые мероприятия могут иметь длительный характер⁷, в УПК РФ следует предусмотреть возможность продления срока проверки информации о преступлении до 30 суток при необходимости проведения ОРМ.

Задержание лиц по подозрению в совершении преступления ОПФ направлено на выяснение причастности задержанного к совершению преступления в составе ОПФ. Решение данной задачи предполагает реализацию таких ее компонентов, как:

– проведение подготовительных (оперативно-розыскных и организационных) мероприятий по осуществлению задержания лица (лиц) по подозрению в совершении преступления ОПФ;

– производство задержания, оформление процессуальных документов;

– доказывание причастности задержанного к совершению преступления (преступлений) ОПФ.

При этом обращает на себя внимание обязательность согласованности проведения всех указанных мероприятий, которая включает в себя достижение поставленной цели в обстановке постоянного обмена информацией и недопущения препятствий для проведения других действий⁸.

Анализ практики свидетельствует о некоторых существенных недостатках в организации задержания лиц по подозрению в совершении преступления ОПФ:

– в актах наблюдения не в полном объеме находят отражение наблюдаемые события и иная известная из оперативных источников информация (например, суммы передаваемых денег, наименование материальных ценностей);

– при применении видеосъемки на видеодонограммах не фиксируется предварительная запись о месте, времени, цели оперативного мероприятия, составе присутствующих лиц, отсутствует аудиозапись разговора подозреваемых, или эта запись выполнена некачественно;

– допускаются ошибки при проведении задержания с поличным;

– имеют место ошибки в выборе методики и тактики реализации оперативных материалов.

Указанные недостатки в большинстве своем перекликаются с данными обзора, подготовленного авторским коллективом Следственного комитета при МВД России⁹, что тре-

бует учета при планировании и осуществлении данного комплекса применяемых средств.

Оперативно-розыскное обеспечение производства следственных и судебных действий осуществляется для доказывания виновности лица в совершении преступления (преступлений) ОПФ. Оно включает в себя такие направления деятельности, как:

- оперативно-розыскное обеспечение сбора информации, устанавливающей обстоятельства, указывающие на виновность лица в совершении преступлений ОПФ;

- оперативно-розыскное сопровождение проверки доказательств на соответствие их достоверности и допустимости;

- оперативно-розыскное содействие в оценке доказательств (как каждого в отдельности, так и всех в совокупности);

- использование результатов ОРД в доказывании.

Доказывание представляет собой совокупность таких элементов, как собирание, проверка и оценка доказательств. Надлежит добавить к этому еще использование доказательств. Если по делам об общеуголовных преступлениях вопрос об использовании результатов ОРД в качестве доказательств является спорным, то по делам, связанным с организованной преступностью, такое средство становится реальной необходимостью.

«Доказательство представляет собой единство процессуальной формы и фактического содержания. Но фактическое содержание может быть получено и из негласных источников»¹⁰.

Законодатель предоставляет возможность уравнивать результаты ОРД с доказательствами, полученными уголовно-процессуальным путем при соблюдении требований, предъявляемых УПК РФ.

Один из основных недостатков оперативно-розыскного содействия производству предварительного расследования – снижение активности в осуществлении ОРД после установления лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности. На это указывают и другие авторы. Так, А. Козусев отмечает, что ОРМ по установлению возможных свидетелей, мест хранения похищенного проводятся далеко не всегда, когда это необходимо. При этом он в качестве причин называет следующее:

- полное или частичное несовпадение интересов поименованных участников взаимодействия;

- формальное составление поручений (типа «активизировать работу по раскрытию преступлений»);

- слабое профессиональное взаимопонимание¹¹.

3. Защита от вмешательства в раскрытие преступлений ОПФ и производство по уголовным делам, связанным с организованной преступностью, проводится с целью пресечь любые попытки, а также намерения воспрепятствовать осуществлению уголовного судопроизводства по делам о преступлениях, совершаемых ОПФ. Организация деятельности в рамках данного направления включает в себя решение следующих задач:

- выявление предпринимаемых и замышляемых действий по воспрепятствованию раскрытию преступлений и производству по уголовным делам ОПФ;

- определение круга лиц, осуществляющих воспрепятствование (защитники, обвиняемые, их родственники, друзья, знакомые, коррумпированные должностные лица и т.д.);

- установление участников уголовного процесса и субъектов ОРД, на которых предполагается противоправное воздействие и принятие мер по их защите;

- нейтрализация влияния коррумпированных связей;

- осуществление беспрепятственного хода раскрытия преступлений и производства по уголовным делам.

Решение указанных задач следует рассматривать в контексте применения конкретных способов воспрепятствования раскрытию преступлений, совершаемых ОПФ, и производству по уголовным делам. Типичными здесь являются следующие ситуации.

1. Потерпевшие и свидетели меняют свои показания в пользу членов ОПФ, граждане отказываются участвовать в уголовном судопроизводстве.

2. Коррумпированные должностные лица оказывают влияние на ход расследования и рассмотрения уголовных дел.

3. Защитник всячески препятствует расследованию¹².

4. Сговор членов ОПФ по воспрепятствованию расследованию.

5. Применение насилия или угроз, совершение актов терроризма, похищения людей, убийств и других тяжких преступлений в отношении следователей, сотрудников оперативных подразделений, государственных обвинителей и судей, а также создание любых

препятствий для нормального производства по уголовным делам рассматриваемой категории.

Подводя итог, следует отметить, что правильная организация применения уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных средств обеспечения уголовного судопроизводства по делам о преступлениях, совершаемых ОПФ, позволяет подойти к решению рассматриваемой проблемы комплексно и наиболее результативно.

¹ Торбин Ю. Особенности использования результатов ОРД при возбуждении уголовного дела по ст. 210 УК РФ // Уголовное право. 2006. № 4. С. 89; Шумилов А. Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности: учебник. М., 2006. С. 192.

² Каминский В. В. Особенности методики расследования организованной преступной деятельности // Организованная преступность. Законодательные, уголовно-процессуальные, криминалистические аспекты. СПб., 2002. С. 107; Мазунин Я. М. Роль тактической операции «задержание» в расследовании деятельности организованных преступных формирований // Российский следователь. 2004. № 11. С. 2–4.

³ Каминский В. В. Указ. соч. С. 108.

⁴ Бессонов А. Доказывание по уголовным делам о браконьерстве, совершенном организованной преступной группой // Уголовное право. 2007. № 6. С. 114.

⁵ Подольный Н. А. Некоторые особенности выявления, раскрытия и расследования компьютерных преступлений // Российский следователь. 2004. № 1. С. 12.

⁶ Кокурин Г. А. Криминалистические и оперативно-розыскные основы поисковой деятельности в процессе раскрытия и расследования преступлений: монография. Екатеринбург, 1999. С. 114.

⁷ Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. А. Ю. Шумилова. М., 2003. С. 66.

⁸ Подольный Н. А., Малышкин П. В. Значение операции «задержание с поличным» при расследовании взяточничества // Следователь. 2002. № 12. С. 30.

⁹ Информационный бюллетень. 2004. № 3. С. 65–66.

¹⁰ Овчинский С. С. Основы ОРД в борьбе с организованной преступностью // Основы борьбы с организованной преступностью. М., 1996. С. 323.

¹¹ Козусев А. Надзор за исполнением поручения следователя и указаний прокурора о производстве оперативно-розыскных мероприятий // Законность. 2005. № 3. С. 20.

¹² Гармаев Ю. П. Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве: учебник. М., 2005. С. 471.

Статья поступила в редакцию 5 марта 2012 г.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗМЕНЕНИЯ КАТЕГОРИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СООТВЕТСТВИИ с ч. 6 ст. 15 УК РФ

А. В. Кудрявцева,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Южно-Уральский государственный университет

Ю. А. Воронин,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права, Южно-Уральский государственный университет

Рассмотрены изменения, внесенные в ст. 15 УК РФ Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ, в соответствии с которыми суд может изменить категорию преступлений, с точки зрения уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: *категория преступлений, фактические обстоятельства дела, вид и размер наказания.*

Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ ст. 15 УК РФ была дополнена ч. 6 следующего содержания: «С учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности суд вправе при наличии смягчающих обстоятельств и при отсутствии отягчающих обстоятельств изменить категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на одну категорию преступления при условии, что за совершение преступления, указанного в части третьей настоящей статьи, осужденному назначено наказание, не превышающее трех лет лишения свободы, или другое более мягкое наказание; за совершение преступления, указанного в части четвертой настоящей статьи, осужденному назначено наказание, не превышающее пяти лет лишения свободы, или другое более мягкое наказание; за совершение преступления, указанного в части пятой настоящей статьи, осужденному назначено наказание, не превышающее семи лет лишения свободы».

Данная норма еще в период своего обсуждения в виде проекта и после вступления ее в законную силу подверглась критике со стороны ученых и практических работников. В частности, эту норму называют «миной замедленного действия», которая подрывает объективную категорию классификации преступлений в зависимости от их тяжести¹.

Критерием классификации преступлений, закрепленной в ст. 15 УК РФ, является характер и степень общественной опасности деяний, а средствами индивидуализации наказания являются открытый перечень смягчаю-

щих обстоятельств, отягчающие обстоятельства, перечисленные в законе, назначение наказания по правилам ст. 62, 63-1, 64, 65, 66, 67, 68 УК РФ. Основания для применения ст. 62, 64, 74 УК РФ те же, что и для изменения категории преступлений: совершение преступления при наличии смягчающих обстоятельств, отсутствие отягчающих обстоятельств, фактические обстоятельства дела, существенным образом влияющие на назначение наказания.

В. В. Дорошков полагает, что данное «новшество было не до конца продумано»².

Анализируемая норма расширяет пределы судейского усмотрения, что многими учеными расценивается как возможность расширения и коррупционной составляющей. Полагаем, что следует привести слова С. А. Пашина, одного из авторов судебной реформы, которая длится в России уже более 20 лет: «Думаю, бояться тут нечего, так как в суде есть устоявшаяся практика и какое-то время, наверняка, изменений в ней не произойдет»³.

А. В. Елинский справедливо указывает на то, что «отнесение преступления к той или иной категории должно определяться исходя из санкции, предусмотренной за данное преступление нормой Особенной части УК РФ, не может и не должно зависеть от срока или размера наказания, назначаемого виновному лицу приговором суда»⁴.

Надо сказать, что не все ученые отрицательно относятся к определению категории преступлений в зависимости от фактически назначенного наказания. Так, А. Э. Жалинский высказывает позицию, в соответствии с

которой несправедливым является распределение преступлений по категориям, когда тяжесть деяния зависит от размера санкции конкретной статьи, а не от реально назначенного наказания⁵.

Следует привести решения Конституционного Суда РФ, которые касаются классификации преступлений по степени общественной опасности в зависимости от размера и вида наказания, предусмотренного санкцией статьи Особенной части УК РФ. Так, в определениях от 21 октября 2008 г. № 489-О⁶, от 20 ноября 2008 г. № 779-О⁷, от 19 февраля 2009 г. № 90-О⁸ Конституционный Суд РФ констатировал, что установленные ст. 15 УК РФ критерии определения степени тяжести преступления в зависимости от предусмотренной конкретной статьей максимальной границы санкции, а не от реально назначенного наказания, не нарушают конституционные права заявителей.

Обосновывая данное решение, Конституционный Суд РФ указал следующее: «Статья 15 УК РФ относит преступление к той или иной категории преступлений исходя из их характера и степени их общественной опасности. При этом в качестве формального критерия для отнесения преступления к конкретной категории используется размер максимального наказания, указанный в соответствующих статьях особенной части кодекса (а не размер наказания, фактически назначенного подсудимому). В соответствии с принципом справедливости (ст. 6 УК РФ) ч. 3 ст. 30 УК РФ относит к покушению на преступление умышленные действия (бездействия) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам, а ч. 3 ст. 66 УК РФ предписывает в таких случаях назначать наказание в размере не свыше трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого наказания, предусмотренного за оконченное преступление соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Эта норма, которая регулирует условия назначения наказания за неоконченное преступление, устанавливая предписание о пропорциональном сокращении максимального наказания вне зависимости от того, какой статьей Особенной части УК РФ предусмотрен соответствующий состав преступления, не может применяться при определении категории преступления. Таким образом, ст. 15 УК РФ во взаимосвязи со

ст. 30 и 66 данного кодекса направлена на недопущение избыточного ограничения прав и свобод при применении мер уголовно-правового принуждения, и сама по себе конституционные права не нарушает».

При изменении категории преступления наряду с вопросами уголовно-правового характера возникают вопросы уголовно-процессуального характера. В частности, основаниями для рассмотрения вопроса об изменении категории преступления являются: 1) фактические обстоятельства дела; 2) наличие совокупности смягчающих обстоятельств; 3) наказание, назначенное в пределах, установленных ч. 6 ст. 15 УК РФ.

В производствах, установленных гл. 40 и 40-1 УПК РФ, в связи с тем, что фактические обстоятельства дела признаны сторонами и ими не оспариваются, они не вызывают сомнения у суда и им не исследуются. Однако наказание в соответствии с ч. 4, 5 ст. 62 УК РФ назначается, как правило, в пределах, указанных ч. 6 ст. 15 УК РФ, которая необходима для возможного изменения категории преступлений. Возникает вопрос о возможности изменения категории преступлений судом при отсутствии непосредственного исследования фактических обстоятельств и доказательств. Полагаем, что это возможно, поскольку при рассмотрении дела в особом порядке в соответствии с гл. 40 и 40-1 УПК РФ суд и стороны исходят по взаимному соглашению из презумпции доказанности тех фактических обстоятельств, которые установлены в обвинительном заключении.

Вопрос о возможности изменения категории преступлений возникает в контрольных и надзорных стадиях уголовного процесса. В настоящий период, когда апелляционный порядок обжалования действует только для решений мировых судов, такой вопрос для апелляционной инстанции не возникает, поскольку мировые судьи в соответствии со ст. 31 УПК РФ рассматривают дела только о преступлениях небольшой тяжести.

Введение судов апелляционной инстанции для решений судов иных звеньев с 1 января 2013 г. обусловит возможность изменения категории преступлений в суде апелляционной инстанции при исследовании в судебном разбирательстве доказательств и фактических обстоятельств дела непосредственно.

Иначе рассматривается нами возможность суда кассационной и надзорной инстанции изменять категорию преступлений. В ста-

дии надзорного и кассационного производства, как правило, фактические обстоятельства дела и доказательства непосредственно не исследуются. Полагаем, что если суд первой или апелляционной инстанций не усмотрел оснований для изменения категории преступлений, то кассационная инстанция самостоятельно этого сделать не может.

Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ внесены изменения также в ст. 299 УПК РФ, которая дополнена п. 6.1 следующего содержания: «Имеются ли основания для изменения категории преступления в совершении которого обвиняется подсудимый, на менее тяжкую в соответствии с ч. 6 ст. 15 Уголовного кодекса Российской Федерации». В соответствии с этой нормой обязательному обсуждению при постановлении приговора подлежит вопрос об изменении категории преступлений при рассмотрении любого уголовного дела. При этом, если исходить из последовательности вопросов, которые подлежат обязательному обсуждению при постановлении приговора в соответствии со ст. 299 УПК РФ, этот вопрос должен обсуждаться перед вопросом о назначении наказания. В ч. 6 ст. 15 УК РФ одним из формальных оснований для изменения категории преступлений служит наказание, назначенное в пределах, указанных в этой части ст. 15 УК РФ.

В какой части приговора должно содержаться решение суда об изменении категории преступлений? В описательно-мотивировочной? Тогда это решение, скорее, предвосхищает назначение наказания, а его размер и вид являются основанием для изменения категории преступлений. В резолютивной части приговора? Но в этой части, как правило, должно содержаться уже готовое решение, которое обосновывается в описательно-мотивировочной части приговора.

Необходимо заметить, что вид и размер наказания указываются только в резолютивной части приговора, мотивировка же этого решения также должна содержаться в описательно-мотивировочной. Полагаем, что законодатель, по крайней мере, в ст. 299 УПК РФ должен был поместить вопрос об изменении категории преступлений после вопроса о виде и размере наказания.

Кроме того, данный вопрос должен обсуждаться судом только в тех случаях, когда формально есть к этому предпосылки, в частности, наличие совокупности смягчающих

обстоятельств, отсутствие отягчающих обстоятельств, исключительность фактических обстоятельств дела и назначение наказания в пределах, указанных в ч. 6 ст. 15 УК РФ. Если данные основания не усматриваются, то в приговоре не должно содержаться суждение об изменении категории преступления или отсутствии к тому оснований.

При рассмотрении этих вопросов в порядке ст. 397–399 УПК РФ, ст. 10 УК РФ, если наказание назначено по приговору выше пределов, указанных в ч. 6 ст. 15 УК РФ, присутствуют отягчающие обстоятельства, то это должно являться основанием для отказа в приеме ходатайства о пересмотре приговора в порядке ст. 10 УК РФ.

Кроме того, в порядке ст. 10 УК РФ, рассматривая возможность изменения категории преступлений, суды первой инстанции должны исходить из презумпции установления тех фактических обстоятельств, которые указаны в приговоре, и руководствоваться ими при принятии решения о пересмотре приговора и изменении категории преступления в порядке ст. 10 УК РФ.

¹ Крылова Н. Е. К вопросу о гармонизации и гуманизации уголовного закона // Уголовное право. 2011. № 6. С. 26–27.

² Дорошков В. В. Законопроекты об изменениях норм УК и УПК РФ поступают к нам каждый день // Уголовный процесс. 2011. № 12. С. 14.

³ Пашин С. А. Сознание судей останется репрессивным // Уголовный процесс. 2011. № 12. С. 26.

⁴ Елинский А. В. Уголовное право в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. М., 2011. С. 121.

⁵ Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М., 2009. С. 307.

⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 21 октября 2008 г. № 489-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Крупецкого Сергея Львовича на нарушение его конституционных прав ст. 15 УК РФ».

⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2008 г. № 779-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Макарова Алексея Александровича на нарушение его конституционных прав ст. 15 Уголовного кодекса РФ».

⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 19 февраля 2009 г. № 90-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кривчикова Юрия Ивановича на нарушение его конституционных прав ст. 15 УК РФ Уголовного кодекса РФ».

ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

П. С. Налбандян,

преподаватель, Гюмрийский государственный педагогический институт им. М. Налбандяна

Анализируются проблемные аспекты законодательной регламентации процессуальной деятельности в сфере международного сотрудничества по уголовным делам. Обосновывается необходимость нормативного закрепления принципов международного сотрудничества в рамках уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: *принципы уголовного судопроизводства, международное сотрудничество, процессуальная деятельность.*

Уголовно-процессуальный кодекс РФ закрепил такое новшество для процессуального законодательства, как международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства. Бесспорно, новелла должна быть расценена как позитивное и необходимое на современном этапе явление, однако возникло достаточно много вопросов относительно ее законодательной регламентации.

Если брать за основу, что международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства – это регламентированная национальными и международными нормативно-правовыми актами, а также общепризнанная правовыми принципами деятельность компетентных органов и должностных лиц исполнительной и судебной власти, органов прокуратуры государств-участников сотрудничества, реализуемая на любой стадии судопроизводства в целях законного, обоснованного, справедливого разрешения уголовного дела по существу¹, то следует отметить, что как любой деятельности, осуществляемой в рамках уголовного судопроизводства, ей должны быть присущи принципы, на основе которых она реализуется.

Т. Н. Добровольская еще в 1971 году отмечала следующее: «Если мы хотим знать, каков уголовный процесс государства, мы должны установить, каковы принципы, определяющие существо этого процесса; если мы хотим знать, какова политическая и правовая сущность деятельности органов следствия, прокуратуры и суда того или иного государства, мы должны изучить эту деятельность под углом реализации в ней основ уголовного судопроизводства данного государства; если мы хотим знать, в каком направлении будет развиваться уголовный процесс и отдельные

нормы действующего процессуального законодательства, мы должны изучить и научно обосновать пути и перспективы развития, прежде всего его основополагающих, принципиальных положений»².

В. К. Волошина отмечает, что принцип уголовного процесса – это обусловленная историческими, экономическими, социальными и нравственными закономерностями объективно-субъективная категория права, облеченная в форму закона, выражающаяся в требовании общества к государству по обеспечению прав и законных интересов человека и гражданина в процессе возбуждения, расследования и разрешения уголовного дела в рамках задач уголовного процесса³.

Глава 2 УПК РФ предусматривает систему принципов уголовного судопроизводства. По логике законодателя, принципы, объединенные в эту систему, распространяют свое действие на всю процессуальную деятельность, все процессуальные институты, этапы производства по уголовному делу и т.д. Следовательно, данные положения, которые П. А. Лупинская обозначает как исходные, основные правовые положения, определяющие назначение уголовного судопроизводства и построение всех его стадий, институтов, отдельных процедур (форм), должны являться и основополагающими для деятельности должностных лиц и органов в рамках международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Так ли это? Представляется, что нет. Достаточно обратиться непосредственно к самим принципам уголовного судопроизводства, закрепленным в гл. 2 УПК РФ.

Система принципов уголовного судопроизводства в настоящее время выглядит следующим образом: разумный срок уголовного

судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ); законность при производстве по уголовному делу (ст. 7 УПК); осуществление правосудия только судом (ст. 8 УПК РФ); уважение чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ); неприкосновенность личности (ст. 10 УПК РФ); охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11 УПК РФ); неприкосновенность жилища (ст. 12 УПК РФ); тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 13 УПК РФ); презумпция невиновности (ст. 14 УПК); состязательность сторон (ст. 15 УПК РФ); обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 16 УПК РФ); свобода оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ); язык уголовного судопроизводства (ст. 18 УПК РФ); право на обжалование процессуальных действий и решений (ст. 19 УПК РФ).

Если «примерить» данные положения на институт международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, то мы увидим, что реализованы из них могут быть лишь единицы, да и то не в полном объеме.

Принято считать, что международное сотрудничество по уголовным делам базируется на общепризнанных принципах и нормах международного права, на целом ряде международно-правовых актов, разработанных и принятых усилиями международного сообщества. Как указано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», под общепризнанными принципами международного права следует понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо. К общепризнанным принципам международного права, в частности, относятся принцип всеобщего уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств. Все это, конечно, так, но данное положение нельзя признать достаточным, если расценивать международное сотрудничество в рамках уголовного судопроизводства как процессуальную деятельность. Это актуализируется и тем, что относительно общепризнанных принципов и норм международного права нет

единообразных мнений и практики. Это сам по себе дискуссионный вопрос.

Становится совершенно очевидным, что для реализации процессуальной деятельности в рамках международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства необходима совершенно самостоятельная система основополагающих принципиальных положений, которые станут руководящими для лиц, ее осуществляющих. Причем данные принципиальные положения не будут чисто процессуальными, это должен быть своеобразный «гибрид» процессуальных и международных положений, поскольку сама деятельность осуществляется на стыке.

В настоящее время УПК РФ упоминает лишь один принцип международного сотрудничества в рамках уголовного судопроизводства – это принцип взаимности. Принцип взаимности является одним из определяющих принципов международного сотрудничества в оказании правовой помощи, ведь любое сотрудничество должно быть взаимовыгодным, а потому вполне понятна позиция государств, не желающих тратить собственные ресурсы на выполнение функций другого государства, если она не обеспечивает взаимности. В уголовно-процессуальном законодательстве РФ он находит оригинальное закрепление, что нельзя признать целесообразным. В частности, в ст. 457 УПК РФ указано, что «принцип взаимности подтверждается письменным обязательством иностранного государства оказать Российской Федерации правовую помощь».

Многие авторы выделяют и другие принципы, на основе которых осуществляется международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства. По мнению О. И. Бастрькиной, в сфере международного сотрудничества в борьбе с преступностью действуют следующие специальные принципы: принцип невыдачи политических эмигрантов, неотвратимости наказания, принцип гуманности, защиты прав своих граждан за рубежом⁴.

В. М. Волжанин к специальным принципам, на которых основываются международные договоры о правовой помощи, относит: 1) взаимность сотрудничества; 2) добровольность сотрудничества; 3) соблюдение суверенитета и безопасности государств-участников международного договора; 4) обязательная уступка частью суверенитета (применение иностранного уголовного процесса); 5) соот-

ветствие просьбы страны законодательству государства; 6) равенство полномочий судебно-следственных органов сотрудничающих суверенных государств; 7) обеспечение правовой защиты и равенства полномочий участников уголовного процесса на территории государств-участников; 8) реализация условий договора посредством применения национального законодательства; 9) ограничение действия и применения международного договора территориями государств-участников настоящего договора; 10) соблюдение прав и интересов третьих стран участниками договорных отношений; 11) обязательность выполнения условий договора; 12) взаимодействие на основе права, предусмотренного международным договором; 13) принцип законности. Почти такую же позицию занимает и О. И. Виноградова, отличие заключается в неотнесении к группе принципа законности⁵.

Не все перечисленные авторами принципы можно признать годными для регулирования международного сотрудничества в рамках уголовного судопроизводства как процессуальной деятельности. С нашей точки зрения, в уголовно-процессуальном законодательстве (в части 5 УПК РФ) должны быть закреплены, по крайней мере, следующие принципы: принцип законности, принцип взаимности, принцип уважения прав и свобод человека и гражданина, принцип обеспечения права на защиту, принцип невыдачи собственных граждан, принцип судебного контроля.

Обозначенная система принципов призвана обеспечить такое осуществление деятельности в рамках международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, которое будет соответствовать международно-правовым стандартам обеспечения прав и свобод человека.

Принципы играют важную роль в правовом регулировании. С развитием общества, с расширяющимся процессом интеграции России в мировое сообщество возрастает значение идей справедливости, равенства, гуманизма законности как в общесоциальном, так и в уголовно-правовом и уголовно-процессуальном аспектах. Поэтому точное отражение этих идей в российском уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве направлено на охрану свободы личности, прав человека, защиту общества и государства от общественно опасных посягательств⁶.

¹ Сорокин А. В. Проблемы интеграции российского уголовного процесса в международное сотрудничество по уголовным делам: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 8–9.

² Добровольская Т. Н. Принципы советского уголовного процесса. М., 1971. С. 10–17.

³ Волошина В. К. Понятие и значение принципов уголовного процесса // Актуальные проблемы России и стран СНГ – 2007: материалы IX Международной научно-практической конференции (29–30 марта 2007 г.). Челябинск, 2007. С. 147.

⁴ Цит. по: Маланюк А. Специальные принципы предоставления правовой помощи в сфере уголовного судопроизводства. URL: <http://kriminalnoe-pravo.ru/kriminalnyj-process/4-specialnye-principy-predostavlenija-pravovoj-pomowi-v-sfere-ugolovnog-sudoproizvodstva.html>.

⁵ Там же.

⁶ Шагеева Р. М. Роль некоторых уголовно-правовых и уголовно-процессуальных принципов при применении принудительных мер медицинского характера // Судебная власть в России: закон, теория и практика: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции (Тюмень, 19–20 ноября 2004 г.). М., 2005. С. 503.

Статья поступила в редакцию 30 декабря 2011 г.

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ГАРАНТИЙ НА ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Ю. Г. Овчинников,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России

Рассматриваются как позитивные, так и негативные моменты влияния экономических гарантий на досудебное производство в современном уголовном процессе.

Ключевые слова: *уголовный процесс, досудебное производство, экономические гарантии, финансовые средства, участники уголовного процесса.*

Право как разновидность социально-нормативного регулятора фактически воздействует на самые различные сферы жизнедеятельности общества, государства, человека. Особое место при этом принадлежит экономике, экономическим отношениям, которые представляют собой своего рода материальную основу производства, воспроизводства нравственных, духовных, политических и иных ценностей общественной жизни¹.

Важную роль при этом играют экономические гарантии, под которыми понимаются «закрепленные конституцией формы собственности и основанная на их базе система хозяйствования, которые призваны обеспечить достойную жизнь человеку и гражданину, удовлетворить его разумные материальные и духовные потребности»². Экономическим гарантиям вообще и уголовного процесса в частности придается особое значение, так как «для «жизни» любого общества должна быть создана, материальная база..., при наличии которой адресат закона имеет фактическую возможность пользоваться предоставленным ему правом»³.

В данной работе мы акцентируем внимание лишь на досудебной части уголовного процесса и проанализируем, каким образом экономические гарантии влияют на нее в современных российских реалиях.

Во-первых, денежные средства необходимы для принятия и реализации законов и подзаконных нормативных актов, требующих значительных финансовых вливаний, касающихся защиты прав и законных интересов граждан вообще и участвующих в уголовном судопроизводстве в частности.

В период действия УПК РФ органы государственной власти несколько продвинулись в указанном направлении. Так, в целях реализации института мер безопасности в отноше-

нии участников уголовного процесса был принят долгожданный Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»⁴. Значимость этого документа заключается в том, что он впервые на законодательном уровне обозначил основные положения, которые регулируют правоотношения с участием как защищаемых лиц, так и органов, обеспечивающих эту защиту.

Однако этого закона было явно недостаточно. Нужны были нормы, которые бы более детально прописывали механизм реализации названных мер. В этих целях для успешной и бесперебойной работы правоохранительных органов Правительством РФ был принят ряд важных документов. К их числу прежде всего следует отнести Постановление от 10 апреля 2006 г. № 200 «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2006–2008 годы», Постановление от 2 октября 2009 г. № 792 «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2009–2013 годы»⁵. В программах распределены основные мероприятия и их финансирование между органами, осуществляющими меры безопасности. Всего за счет средств федерального бюджета на реализацию этих программ выделена беспрецедентная сумма в размере 2 552,71 млн руб.⁶

Согласно ч. 5 ст. 50 УПК РФ, если адвокат участвует в производстве предварительного расследования по назначению дознавателя или следователя, то расходы на оплату его труда компенсируются за счет средств федерального бюджета. Как следует из поло-

жений п. 5 ч. 2 ст. 131, ч. 1, 2 ст. 132 УПК РФ, суд вправе взыскать с осужденного в качестве судебных издержек суммы, выплаченные его защитнику за оказание юридической помощи по назначению. Исключение из этого правила составляют лишь две ситуации: 1) подозреваемый или обвиняемый заявил об отказе от защитника, но отказ не был удовлетворен и защитник участвовал в уголовном деле по назначению; 2) в случае реабилитации обвиняемого⁷.

Расходы на оплату труда защитника по назначению учитываются в федеральном законе о федеральном бюджете на очередной год в соответствующей целевой статье расходов⁸. Поэтому, рассматривая нормативные акты, требующие значительных финансовых вливаний со стороны государства, в целях реализации защиты прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых, нельзя не отметить Постановление Правительства РФ от 4 июля 2003 г. № 400 «О размере оплаты труда адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда»⁹ и принятый на его основании Порядок расчета оплаты труда адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, в зависимости от сложности уголовного дела¹⁰.

Во-вторых, в последние годы все чаще на страницах периодической печати публикуются материалы, касающиеся беззакония сотрудников ОВД в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, а также некачественного расследования уголовных дел¹¹. Вследствие этого граждане обращаются в суд о возмещении морального и материального вреда в связи с незаконным привлечением их к уголовной ответственности.

Согласно данным органов предварительного следствия при МВД, ГУВД (УВД) по субъектам РФ, в 2006 году реализовали право на реабилитацию путем обращения с иском в суд 150 граждан (всего 6,4 % от числа реабилитированных в ходе предварительного следствия и оправданных судом), в 2007 году – соответственно 197 и 10,6 %¹². По данным Верховного Суда РФ, в 2010 году было реабилитировано уже более 2 600, а за первые шесть месяцев 2011 года – 1 925 граждан¹³.

В 2006 году совокупная сумма денежных средств, взысканная с казны РФ по данному основанию, составила почти 120 млн рублей, в 2007 году она возросла почти в три раза до 330 млн руб.¹⁴ В 2010 году и за первые шесть месяцев 2011 года государство в совокупности выплатило уже 450 млн рублей компенсации имущественного вреда и 620 млн рублей в возмещение морального вреда реабилитированным за незаконное уголовное преследование¹⁵.

Несмотря на колоссальные расходы, стоит констатировать, что демократичным и правовым может считаться только такое государство, которое способно в полной мере возместить человеку вред, причиненный незаконными действиями должностных лиц. Поэтому наше государство должно быть с развитой экономикой, чтобы в полной мере и кратчайшие сроки компенсировать вред гражданину, в том числе и денежными средствами, в процессе его реабилитации.

В-третьих, для успешного ведения уголовных дел высшим органам исполнительной власти необходимо создать на местах для правоохранительных органов такие условия, которые бы успешно влияли на организацию расследования преступлений. На все эти мероприятия необходимы постоянные финансовые вливания со стороны государства.

Перечислим наиболее затратные, на наш взгляд, механизмы, касающиеся организации расследования преступлений.

1. Реализация федеральных законов и подзаконных нормативных актов в части создания благоприятных условий должностным лицам, занимающихся разрешением и расследованием уголовных дел. К таковым следует отнести Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»¹⁶; Временную инструкцию о порядке обеспечения государственной защиты судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов¹⁷; Постановление Правительства РФ от 27 октября 2005 г. № 647 «О возмещении судьям, должностным лицам правоохранительных и контролирующих органов или членам их семей ущерба, причиненного уничтожением или повреждением их имущества в связи со служебной деятельностью»¹⁸ и т.п.

2. Создание специализированных подразделений (отделов, служб и т.п.), содействую-

щих расследованию преступлений. Например, Указом Президента РФ¹⁹ в ОВД были созданы подразделения по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите. На них возложены функции по применению мер безопасности в целях защиты жизни и здоровья потерпевших, свидетелей и иных участников процесса, подлежащих государственной защите, а также по обеспечению сохранности их имущества.

3. Материально-техническое и ресурсное обеспечение органов предварительного расследования. Одним из важнейших направлений руководителей Следственного департамента МВД России является создание достойных условий труда своих подчиненных сотрудников. Организация рабочих мест следователей достойного уровня обуславливается необходимостью вложения огромных усилий, связанных с выделением должного финансирования, направленных на оснащение следственного аппарата надлежащими помещениями и материальными ресурсами.

Распоряжением министра внутренних дел РФ²⁰ на руководителей МВД, ГУВД, УВД субъектов РФ возложена задача по доведению до 2010 года обеспеченности следователей основными техническими средствами до 100 % утвержденных норм положенности²¹ и обеспеченности следователей служебными помещениями до 12 кв. метров на каждого.

По итогам проведенного опроса следователей подразделений органов предварительного следствия различных субъектов РФ и личного наблюдения следует констатировать, что на сегодняшний день злободневным вопросом до сих пор продолжает оставаться состояние обеспеченности следователей служебными кабинетами и оснащенности следственных подразделений такими неотъемлемыми орудиями труда, как современная компьютерная и множительная техника, организационная и автотранспортная техника.

4. Говоря о финансировании органов предварительного расследования, нельзя не затронуть проблему расходования бюджетных средств на производство судебных экспертиз. При расследовании преступлений назначение и производство ряда судебных экспертиз (автороведческой, геммологической, искусствоведческой, компьютерной, лингвистической, математической, оценочной, психологической, строительно-технической, технологической, товароведческой, фармакологической, экспертизы порнографических материалов и

др.) сопряжены с некоторыми трудностями. Поскольку государственных специалистов в указанных областях, в том числе и в системе МВД России, крайне мало, то в большинстве случаев для производства подобных экспертиз привлекаются эксперты негосударственных судебно-экспертных учреждений, что, безусловно, связано со значительным ростом бюджетных средств.

По данным И. А. Цховребовны, тенденция роста плановых расходов на проведение экспертиз и исследований в негосударственных экспертных учреждениях в целом по МВД России (со 126,4 млн руб. в 2007 году до 203,7 млн руб. в 2010 году) соотносится с постоянным превышением фактически израсходованных сумм (15 млн руб. в 2007–2008 гг. и 50 млн руб. в 2009 году)²².

5. Помимо основных перечисленных финансово-затратных организационных мероприятий, способствующих успешному расследованию преступлений, необходимо отметить затраты на достаточный штат следователей на подразделение (чтобы нагрузка на одного не превышала сверхдопустимой нормы, что является основной причиной поверхностного расследования уголовного дела); служебные командировки; этапирование задержанных из других субъектов РФ и т.п.

Несмотря на некоторые положительные успехи в последние годы в части экономической деятельности органов предварительного расследования, приходится констатировать, что в целом данный процесс проходит достаточно болезненно, с большими сложностями. Следует признать, что на сегодняшний день государство не смогло в полной мере создать механизмы для успешной реализации защиты прав и законных интересов лиц, участвующих в уголовном процессе. Остановимся на некоторых из них.

1. Достаточно серьезно снижает эффективность расследования уголовного дела отсутствие крайне важной процедуры взыскания отдельных видов процессуальных издержек, предусмотренных п. 1, 2, 3 ст. 131 УПК РФ. Несмотря на закрепление в ч. 4 рассматриваемой статьи нормы о том, что порядок и размеры возмещения процессуальных издержек устанавливаются Правительством РФ, к сожалению, такая процедура до сих пор не разработана.

2. В системе мер уголовно-процессуального принуждения присутствует весьма эффективная, на наш взгляд, мера пресечения

в виде домашнего ареста. В современное законодательство она вошла с принятием УПК РФ.

Закрепив домашний арест в ст. 107 УПК РФ, законодатель поставил перед правоприменителем большое количество процессуальных и прикладных проблем, многие из которых так и не были решены. Например, в законе остается неурегулированным процессуальный механизм применения домашнего ареста (в каком порядке, какими способами, за счет каких средств он должен быть применен). Не определены органы и должностные лица, осуществляющие надзор за подозреваемым и обвиняемым, к которым избран домашний арест. Закон не рассматривает формы реализации применения домашнего ареста²³.

Указанные проблемы не могут не влиять на правоприменительную практику. Применение домашнего ареста вряд ли можно назвать распространенным явлением. Так, по данным проведенного нами исследования (2002–2003 гг.), а также данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ (2004–2009 гг.), за 2002–2009 гг. насчитывалось 2 770 случаев избрания домашнего ареста на территории России. Из них в 2002 году (июль–декабрь) – 17, в 2003 году – 129, в 2004 году – 838, в 2005 году – 518, в 2006 году – 829, в 2007 году – 205, в 2008 году – 88, в 2009 году – 146 случаев. В некоторых субъектах Российской Федерации домашний арест вообще не избирался²⁴. Таким образом, статистические данные свидетельствуют о постепенном сокращении практики применения домашнего ареста: в 2009 году таких решений вынесено на 82 % меньше, чем в 2004 году. При этом в год выносилось в среднем по 250 тыс. постановлений об избрании заключения под стражу. В процентном соотношении домашний арест к заключению под стражу в 2009 году составил 0,7 %²⁵.

В данной связи мы поддерживаем авторов, которые считают, что вопросы применения домашнего ареста необходимо решать на законодательном уровне по аналогии с заключением под стражу, порядок которого определяется Федеральным законом «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». Следует разработать и принять Федеральный закон «О домашнем аресте в Российской Федерации»²⁶. Закон должен указать, какие ведомства с помощью каких методов осуществляют надзор за надлежащим поведением лиц, в от-

ношении которых применен домашний арест, права и обязанности последних, права и обязанности лиц, проживающих совместно с подозреваемым, обвиняемым, определить финансирование применения рассматриваемой меры, порядок применения электронных технических средств и решить другие спорные вопросы.

3. Следует признать тот факт, что отечественный уголовный процесс в большей степени ориентируется на приоритетное обеспечение интересов подозреваемых и обвиняемых в ущерб интересам потерпевших, о чем неоднократно отмечалось в юридической литературе²⁷. Согласно ч. 1 ст. 45 УПК РФ представителями потерпевшего могут быть адвокаты, но вопрос о компенсации расходов потерпевшего на представителя в уголовно-процессуальном законодательстве решен неудовлетворительно.

Кодекс предусматривает возмещение потерпевшему расходов на представителя согласно требованиям ст. 131 УПК РФ (ч. 3 ст. 42 УПК РФ). Однако обязательное назначение адвоката потерпевшему в УПК РФ не предусматривается, за исключением потерпевших, являющихся несовершеннолетними или по своему физическому или психическому состоянию лишенных возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы (ч. 2 ст. 45 УПК РФ). Но такие случаи, по мнению отдельных авторов, на практике встречаются довольно редко²⁸. Согласно результатам анализа изученных уголовных дел и интервьюирования сотрудников органов предварительного расследования интересы названных лиц представляют в 100 % законные представители (чаще родители и представители учреждений, на попечении которых находится несовершеннолетний, реже опекуны и попечители).

Бесплатная юридическая помощь пострадавшим от преступлений могла бы быть возложена на систему государственных юридических бюро. Однако принятый Федеральный закон РФ от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи Российской Федерации» закрепил, что отношения, связанные с оказанием бесплатной юридической помощи в уголовном судопроизводстве, регулируются уголовно-процессуальным законодательством (п. 2 ст. 3)²⁹. Следовательно, такая помощь определенной категории граждан, указанных в ст. 20 этого закона, будет оказана

по делам исключительно гражданской направленности.

В данной связи следует признать, что законодательно проблема бесплатного профессионального защитника в отношении потерпевшего в уголовно-процессуальном законодательстве на сегодняшний день так и не решена, несмотря на то что Основной закон РФ гарантирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституции РФ).

Таким образом, цивилизованная рыночная экономика, к которой стремится наша страна, дает возможность обеспечить экономические гарантии прав личности. Благоприятно развивающиеся экономические отношения в государстве представляют успешную материальную основу развития прав личности вообще и в уголовном процессе в частности.

¹ См.: Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. М. Н. Марченко. М., 2008. С. 298.

² Зиновьев А. В. Конституционное право России: учебное пособие. М., 2002. С. 40.

³ Тимершина Х. В., Ростовщикова И. В. Права личности и деятельности органов внутренних дел по их обеспечению: учебное пособие. Уфа, 1997. Ч. 1. С. 16.

⁴ Российская газета. 2004. 25 авг.

⁵ СЗ РФ. 2006. № 6. Ст. 1739; СЗ РФ. 2009. № 41. Ст. 4778.

⁶ На реализацию первой программы выделено 948,72 млн руб., на реализацию второй – 1 603,99 млн руб.

⁷ Подробнее см.: Колоколов Н. А. Условия оплаты труда защитника по назначению: тенденции практики // Уголовный процесс. 2010. № 4. С. 47.

⁸ См.: Федеральный закон РФ от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» (п. 8 ст. 25) // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

⁹ СЗ РФ. 2003. № 28. Ст. 2925.

¹⁰ Приказ Минюста РФ № 199, Минфина РФ № 87н от 15 октября 2007 г. // Российская газета. 2007. 27 окт.

¹¹ См.: Федосенко В., Колбасин Д. 3 миллиона – цена судебной ошибки // Российская газета. 2005. 15 нояб.; Козлова Н. Два миллиона за дело Холодова // Российская газета. 2005. 16 дек.; Дивеев В. За пытки в милиции Россия заплатила нижегородцу 230 тыс. евро // Комсомольская правда. 2006. 1 авг.; Волкова М. Произвол на три миллиона // Российская газета. 2008. 18 июля и др.

¹² См.: Обзор практики Следственного комитета при МВД России о возмещении вреда, причиненного гражданам незаконным привлечением к уголовной ответственности // Информационный бюллетень Следственного комитета при МВД России. 2008. № 3. С. 42.

¹³ Куликов В. Ошибка следствия станет реальной // Российская газета. 2011. 15 нояб.

¹⁴ См.: Обзор практики Следственного комитета при МВД России о возмещении вреда, причиненного гражданам незаконным привлечением к уголовной ответственности. С. 43.

¹⁵ Куликов В. Ошибка следствия станет реальной // Российская газета. 2011. 15 нояб.

¹⁶ СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1455.

¹⁷ Приказ МВД России от 20 декабря 1995 г. № 483 // Российские вести. 1996. 14 марта.

¹⁸ СЗ РФ. 2005. № 44. Ст. 4568.

¹⁹ См.: О некоторых вопросах Министерства внутренних дел РФ: Указ Президента РФ от 6 сентября 2008 г. № 1316 (п. 1) // СЗ РФ. 2008. № 37. Ст. 4182.

²⁰ См.: О мерах по усилению ведомственного контроля за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия в системе МВД России, укреплению их кадрового потенциала и материально-технического обеспечения: Распоряжение Министра внутренних дел РФ от 30 ноября 2005 г. № 1/8536 // Информационный бюллетень Следственного комитета при МВД России. 2007. № 3. С. 185.

²¹ Порядок определения объемов обеспечения органов предварительного следствия установлен Приказом МВД России от 22 мая 2000 г. № 549 «Об утверждении норм положенности организационной, криминалистической, специальной техники и средств связи для органов предварительного следствия в системе МВД РФ» // Информационный бюллетень Следственного комитета при МВД России. 2000. № 3. С. 94–99.

²² См.: Цховребовна И. А. Судебная экспертиза в уголовном процессе: перспективы ресурсного обеспечения // Российский следователь. 2011. № 16. С. 30.

²³ См.: Овчинников Ю. Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 3.

²⁴ См.: Овчинников Ю. Г., Артемов В. А. Первые шаги домашнего ареста как меры пресечения // Законность. 2005. № 7. С. 42; Соловьев И. Н. Проблемные вопросы исполнения домашнего ареста // Российский следователь. 2010. № 13. С. 12.

²⁵ Соловьев И. Н. Там же.

²⁶ См.: Трунов И. Л., Трунова Л. К. Меры пресечения в уголовном процессе. СПб., 2003. С. 160; Кабилова С. А., Заман Ш. Х. Домашний арест как мера пресечения в отечественном и зарубежном законодательстве // Российский следователь. 2004. № 2. С. 48; Руденко С. В. Домашний арест введен – что дальше? // Прокурорская и следственная практика. 2005. № 3–4. С. 258.

²⁷ См., например: Петрова Н. Частный интерес в уголовном процессе защищен не в полной мере // Российская юстиция. 2001. № 6. С. 37; Гриненко А. Потерпевший должен иметь не меньше прав, чем обвиняемый // Российская юстиция. 2002. № 9. С. 51–52; Багаутдинов Ф. Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений. М., 2004. С. 296; Синенко С. А. Участие потерпевшего в расследовании преступления: монография. Владивосток, 2007. С. 4, 7.

²⁸ См.: Бойков А. Д. Защита прав потерпевшего // Уголовный процесс. 2006. № 8. С. 59.

²⁹ Российская газета. 2011. 23 нояб.

Статья поступила в редакцию 14 декабря 2011 г.

КВАЛИФИКАЦИЯ ДЕЙСТВИЙ СОУЧАСТНИКОВ ПРИ ПОХИЩЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

П. К. Петров,

*кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права,
криминологии и уголовно-исполнительного права,
Южно-Уральский государственный университет*

Анализируются вопросы квалификации похищения человека, совершенного в соучастии. Формулируются устоявшиеся правила квалификации действий исполнителя, организатора, подстрекателя и пособника в преступлении.

Ключевые слова: похищение, квалификация соучастия в преступлении, исполнитель преступления.

Институт соучастия является одним из самых сложных и важных в теории уголовного права, а также в правоприменительной практике. Преступная деятельность может осуществляться как в одиночку, так и группой лиц, и даже определенной организацией людей со сложной иерархической структурой. Такая преступная деятельность представляет собой повышенную общественную опасность, поскольку объединение усилий нескольких лиц в значительной мере облегчает совершение преступлений, создает благоприятные условия для их совершения, а также сокрытия следов преступления.

Правоприменительная практика показывает, что в соучастии совершается очень большое количество преступлений, причем к ним относятся наиболее тяжкие и опасные преступления.

В соответствии со ст. 32 УК РФ соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления.

Правильная квалификация действий соучастников преступления является условием назначения справедливого наказания и обеспечения должной реакции на преступление. Одним из актуальных вопросов квалификации действий соучастников преступления является квалификация действий соучастников при похищении человека.

Согласно п. «а» ч. 2 ст. 126 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за похищение человека, совершенное группой лиц по предварительному сговору. По смыслу ч. 2 ст. 35 УК РФ похищение человека признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления. Под предварительным

соглашением понимается сговор до начала совершения похищения человека. Для данной разновидности соучастия сговор характеризуется чаще всего уяснением деталей совершения похищения, способа, выбора места и времени. Поскольку в законе говорится не о любом соучастии в группе, а о совершении преступления по предварительному сговору группой лиц, то это обязывает устанавливать соисполнительство, т.е. непосредственное участие всех виновных лиц в выполнении объективной стороны рассматриваемого преступления. Необходимость установления указанных обстоятельств можно рассмотреть на следующем примере.

Приговором Читинского областного суда от 22 октября 2004 г. Г. осужден за похищение человека, совершенное группой лиц по предварительному сговору, с применением насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего, а также с применением предметов, использованных в качестве оружия, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, и за умышленное убийство А., А., А., М., М., совершенное общеопасным способом.

В судебном заседании Г. показал, что вечером 14 сентября 2003 г. после распития спиртного было обнаружено исчезновение автомашины ВАЗ, оставленной знакомыми во дворе дома, в котором он проживал вместе с другими рабочими, в том числе с К. и Г. Машину обнаружили на ул. Урицкого и там же увидели малознакомых У., С. и А., которые стали убегать. Он вместе с К. и Г. стал преследовать этих ребят. К. и Г. поймали У. Он преследовал С., но не догнал его. Когда он вернулся к ребятам, он увидел У. уже избитым. У. привели в ограду дома, где он рассказал им о том, что он вместе с С. и А. угнал

машину. О несовершеннолетнем возрасте У. он не знал. В ограде дома потерпевшего избивали К. и Г., он только один раз ударил У. кулаком по лицу. После того как Г. и К. ушли за машиной, он остался с У. и тот попытался сбежать. Он догнал У., затащил в ограду дома и избил его шваброй, нанеся ему не менее пятнадцати ударов по спине, пока швабра не сломалась. В это время Г. и К. пригнали машину и вновь избили У., а затем связали ему руки. О том, что У. находился в гараже, он узнал от К. и Г., Г. не оспаривал того, что от родственницы У., искавшей последнего, они скрыли место нахождения потерпевшего, того, что он предложил отвести У. в лес и не возражал против того, что потерпевшего в лесу привязали к дереву, а после того как потерпевший умер, он сам предложил закопать его и принял участие в сокрытии следов преступления.

В период расследования во время проверки показаний на месте происшествия в присутствии своего защитника Г. показывал, что он вместе с Г. и К. привел У. к себе домой, где они сильно избили его, Г. и К. связали потерпевшему руки веревкой, затем они все вместе отвели его в лес и привязали к дереву.

Оценив в совокупности все собранные по делу доказательства, суд обоснованно пришел к выводу о том, что Г. принимал непосредственное участие в похищении человека, совершенное группой лиц по предварительному сговору.

По смыслу ст. 126 УК РФ с объективной стороны похищение человека предполагает его захват и перемещение в другое место против воли потерпевшего с последующим насильственным удержанием его в течение длительного периода времени.

Исследованными в судебном заседании доказательствами, полно приведенными в приговоре, установлено, что Г. действовал совместно и согласованно с лицами, принимавшими участие в похищении и удержании У. Г. вместе с соучастниками преступления удерживал потерпевшего, насильно переместил его в другое место, где он в течение длительного времени удерживался закрытым в гараже. Затем с участием Г. потерпевший со связанными руками был перемещен в лесной массив, привязан там к дереву и оставлен в лесу. В результате указанных действий потерпевший от переохлаждения скончался. Таким образом, Г. полностью выполнил объек-

тивную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ.

При таких обстоятельствах ссылка Г. в кассационной жалобе на то, что он лично не принимал участия в захвате У., так как в это время преследовал других лиц, угнавших автомашину, что он сам не запирает потерпевшего в гараже, не дает оснований к освобождению его от ответственности за похищение человека, совершенное группой лиц по предварительному сговору, с применением насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего, с применением предметов, использованных в качестве оружия, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, поскольку каждый из участников преступления выполнял определенную роль в осуществлении единого преступного умысла, вызванного желанием установления всех лиц, причастных к угону автомашины¹.

При квалификации исполнительских действий необходимо обратить особое внимание на следующие вопросы.

Во-первых, обязательным условием признания лица исполнителем или соисполнителем преступления выступает факт обладания им всеми признаками субъекта конкретного преступления: принимается во внимание ситуация, когда преступление совместно совершают два или более лиц, согласно предписаниям закона способные нести уголовную ответственность, т.е. достигшие требуемого ст. 20 УК РФ возраста и вменяемые (ст. 19, 20, 23 УК РФ). Здесь важно лишь обратить внимание на то, что как совершенные в соучастии следует рассматривать действия лиц, которые обладали признаками субъекта преступления на момент совершения деяния. Так, если один из участников преступления перестал обладать признаками субъекта после окончания преступления (например, у него возникло психическое расстройство, при котором невозможно исполнение наказания), то это не меняет квалификации действий второго участника как совершенных в соучастии.

Во-вторых, соисполнителями признаются не просто лица, присутствующие при выполнении объективной стороны преступления, а лишь те, которые совместно принимали непосредственное участие в совершении преступления. При этом как раз присутствие на месте совершения преступления не является обязательным признаком соисполнительства (как и соучастия вообще).

В судебной практике иногда согласованный характер действий участников усматривается лишь в непосредственном присутствии обвиняемого на месте совершения преступления. Между тем, как указал еще в 1939 году Верховный Суд СССР, для наличия совместности не требуется, чтобы соучастники исполняли свои функции непосредственно на месте совершения преступления; напротив, один лишь факт присутствия постороннего лица на месте совершения преступления при недоказанности подстрекательства или пособничества не может рассматриваться как соучастие в преступлении².

При рассмотрении вопроса о наличии соучастия в похищении человека с разделением ролей (соучастие в собственном смысле слова) следует отметить, что организаторы этого преступления, подстрекатели и пособники, не принимавшие непосредственного участия в завладении потерпевшим и перемещении его в другое место, не несут ответственности по п. «а» ч. 2 ст. 126 УК РФ. Их действия в соответствии с ч. 3 ст. 34 УК РФ квалифицируются по ст. 33 УК РФ и соответствующей части ст. 126 УК РФ. Установить вид соучастия и правильно квалифицировать совершенное преступление иногда позволяет способ совместного совершения похищения человека (т.е. особенность объективного взаимодействия соучастников), сговор на его совершение (т.е. особенность субъективной связи между соучастниками).

Предусмотренное п. «а» ч. 3 ст. 126 УК РФ похищение человека, совершенное организованной группой лиц, предполагает совершение данного преступления устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Основным, обязательным признаком организованной группы является ее устойчивость, под которой понимается наличие постоянных связей между ее членами и специфических методов деятельности по подготовке и совершению одного или нескольких преступлений. Устойчивость организованной группы предполагает предварительную договоренность, организованность ее членов, а также цель совместного совершения, как правило, многочисленных (как тождественных, так и разнородных) преступлений в течение

относительно продолжительного времени. При этом все участники организованной преступной группы независимо от выполненной каждым из них в процессе осуществления похищения человека роли признаются его соисполнителями. Ссылка на ст. 33 УК РФ здесь при квалификации не требуется.

Характерные особенности совершения похищения организованной группой лиц позволяет выделить анализ следственной и судебной практики. Преступления, как правило, достаточно серьезно спланированы и подготовлены. В группах существует разделение ролей на лиц, совершающих похищение, лиц, удерживающих потерпевшего в каком-либо помещении, лиц, являющихся организаторами, которые также ведут переговоры о выплате денег, лиц, получающих деньги. Группы, совершающие подобные преступления, в основном состоят из двух категорий участников. Это исполнители, которые осуществляют захват либо только охраняют похищенного и в большинстве случаев не знают, кого похитили, за что и какая сумма денег вымогается. Кроме того, бывают варианты, когда подобного рода лица даже не знают самого факта вымогательства и получают деньги от организаторов только за определенную работу по захвату или удержанию потерпевших. Организаторы, как правило, никакого участия в захвате и удержании не принимают. Следует отметить, что описанная выше схема чаще всего применяется тогда, когда организаторами преступления являются лица одной, а исполнителями – другой национальности. При совершении преступлений группой одной национальности в основном разделения в ролях не бывает, вся группа выполняет попеременно функции захвата, удержания и требования выкупа. В таких группах можно выделить только руководителя, которому подчиняется вся группа.

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 июня 2005 г. № 72-005-17 // СПС «КонсультантПлюс».

² Определение Уголовно-судебной коллегии Верховного Суда СССР от 4 июня 1939 г. по делу М. и Ш. // Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных судов СССР и РСФСР. 1938–1978. М., 1980.

ОЦЕНКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НАДЛЕЖАЩЕГО ПОРЯДКА ПРОВЕДЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Е. В. Пьянзина,

старший лейтенант полиции, адъюнкт кафедры уголовного процесса, Уральский юридический институт МВД России

Проведен анализ наиболее часто встречаемых существенных нарушений закона, влекущих за собой сомнение в допустимости доказательств, на примере протокола осмотра места происшествия и даны рекомендации, в соответствии с которыми следователь (дознатель) должен оценивать допустимость доказательств с точки зрения надлежащего порядка.

Ключевые слова: *оценка доказательств, допустимость доказательств, условия производства следственных действий, протокол осмотра места происшествия, следователь.*

Оценка доказательств с точки зрения надлежащего порядка проведения и оформления процессуальных действий предполагает установление соответствия закону порядка обнаружения, изъятия и формы фиксации сведений о фактах. Сведения допустимы как доказательства только в том случае, если они облечены в предусмотренную процессуальным законом форму, что одновременно обеспечивает и сохранение доказательственной информации.

Рассмотрим оценку следователем соблюдения надлежащего порядка проведения и оформления процессуальных действий при собирании доказательств применительно к следственным действиям.

Сведения, полученные при проведении следственных действий, могут быть использованы в качестве доказательств, если они формально закреплены в соответствующих протоколах. Законодательная регламентация процедуры составления протоколов следственных действий направлена на обеспечение полноты и достоверности отражения в уголовном деле хода и результатов следственных действий соответственно специфике каждого их вида и конкретным условиям производства¹. В то же время неукоснительное соблюдение правил составления протоколов следственных действий служит гарантией обеспечения прав граждан в уголовном процессе.

Исследование надлежащего порядка проведения и оформления следственных действий связано с анализом наиболее часто встречаемых при этом существенных нарушений закона, вызывающих сомнение в допустимости доказательств. Рассмотрим их на примере протокола осмотра места происшествия.

Критерием оценки допустимости протокола следственного действия является обязательность его подписания следователем и лицами, участвовавшими в следственном действии. В 8 % от общего количества изученных уголовных дел и материалов об отказе в возбуждении уголовного дела в протоколе осмотра места происшествия не ставились подписи всех участников следственного действия, либо все необходимые подписи присутствовали, но не на всех страницах, а только на первой и последней.

А между тем институт понятых в уголовном процессе является важнейшим инструментом обеспечения допустимости доказательств. Отсутствие не заинтересованных в исходе дела лиц (понятых) при производстве следственных действий, бесспорно, лишает полученные при этом сведения юридической силы. Фактическое присутствие понятых проверяется путем установления наличия в протоколе их полных данных (фамилии, имени, отчества), адреса их местожительства, а также подписей на каждой странице протокола следственного действия и упаковочном материале при изъятии вещественных доказательств.

В обязанности понятого входит удостоверение не только факта производства следственного действия, но и его содержания, хода и результатов. Осуществление данной обязанности может быть проверено в ходе опроса или допроса понятых. Следует отметить, что, по данным анкетирования, 11,2 % от общего количества опрошенных нами следователей признались, что они не демонстрировали понятым ход и результаты осмотра места происшествия. При этом в качестве причины это-

го они называли незаинтересованность понятых. Думается, такую практику следует считать существенным нарушением закона.

Протокол осмотра места происшествия является основой формирования доказательственной базы по уголовному делу (или сообщению о преступлении). Поэтому к составлению данного документа необходимо подходить с максимальной тщательностью и профессионализмом. Правила его составления регламентированы ст. 164, 166, 176, 177 (ч. 1–4, 6) УПК РФ.

Целью осмотра места происшествия являются обнаружение следов преступления, выяснение иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. При анализе допустимости результатов осмотра основное внимание должно быть сосредоточено на соответствие закону описательной части протокола, где, как правило, допускается значительное количество уголовно-процессуальных нарушений.

Так, в 45 % случаев нарушения правил составления протоколов осмотра места происшествия выразились в неполноте описывания места происшествия, а также всего обнаруженного и изъятого при осмотре; в неточном описывании мест, где были обнаружены следы преступления, откуда изымались предметы и (или) документы. Такие нарушения затрудняют установление объективной истины по уголовному делу.

Около 12 % нарушений порядка составления протокола осмотра места происшествия составляют случаи неточного указания либо вообще отсутствия указаний на погодные условия и освещение, при которых производился осмотр. Так, судья одного из районных судов г. Челябинска отказал в удовлетворении ходатайства защитника о признании недопустимым протокола осмотра места происшествия, при производстве которого присутствовали понятые, которые, во-первых, на момент проведения осмотра были арестованы в административном порядке, во-вторых, при производстве находились в состоянии алкогольного опьянения (о чем свидетельствовал сам протокол административного задержания и протокол освидетельствования), в-третьих, при допросе в суде об обстоятельствах осмотра места происшествия показали, что они не видели, что делал при этом следователь, поскольку сидели в стороне и спали, т.е. не смогли воспроизвести ход и результаты ос-

мотра. Надо сказать, что протокол осмотра места происшествия в данном уголовном деле имел большое значение. При этом судья указал, что протокол осмотра места происшествия понятыми подписан, существенного нарушения при производстве следственного действия допущено не было².

При осмотре места происшествия нередко изымаются предметы и документы, имеющие значение для установления обстоятельств совершенного преступного деяния. При этом в 27 % от общего количества изученных уголовных дел нарушались правила изъятия и упаковывания вещественных доказательств. В протоколах недостаточно подробно описывались изъятые предметы и документы, которые к тому же были упакованы с нарушением уголовно-процессуального законодательства.

Отдельного внимания заслуживает вопрос об оценке допустимости протокола осмотра места происшествия, где объектом осмотра является жилище. В протоколе должна иметься отметка о том, что проживающие в жилище лица согласны на его осмотр, в противном случае производство этого следственного действия без разрешения суда недопустимо. При отсутствии проживающих в жилище лиц на месте происшествия и в случаях, когда промедление с осмотром места происшествия может привести к утрате следов преступления, необходимо руководствоваться ч. 5 ст. 165 УПК РФ.

На основании вышеизложенного можно определить моменты, на которые следователь, оценивая допустимость доказательства с точки зрения надлежащего порядка проведения и оформления процессуального действия по его собиранию, должен обращать особое внимание:

- 1) принимают ли участие в следственном действии предусмотренные УПК РФ лица (понятые, специалист и т.д.);
- 2) подписан ли протокол следователем и всеми лицами, участвовавшими в следственном действии;
- 3) при осмотре места происшествия – жилища имелось ли согласие проживающих в нем лиц либо судебное решение;
- 4) составлен ли протокол следственного действия с соблюдением ст. 164, 166, 167, 180 УПК РФ;
- 5) отражены ли в протоколе действия в том порядке, в каком они имели место, отражены ли существенные обстоятельства, заяв-

ления присутствовавших лиц.

В целях совершенствования порядка проведения и оформления следственных действий предлагается предусмотреть обязанность делать в протоколе осмотра места происшествия отметку, подтверждающую согласие на

осмотр жилища, являющегося местом происшествия, лиц, проживающих в нем.

¹ Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. М., 1973. С. 674.

² Уголовное дело № 2310 // Архив Челябинского областного суда. 2010.

Статья поступила в редакцию 7 февраля 2012 г.

РАЗВИТИЕ МЕДИАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Г. С. Русман,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Южно-Уральский государственный университет

Рассмотрены вопросы развития процедуры примирения сторон с участием посредника в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: *медиация, примирение сторон, уголовное судопроизводство, посредник в примирительной процедуре.*

Приоритетом уголовно-процессуальной политики настоящего времени является дифференциация уголовного судопроизводства, что вполне соотносится с либерализацией и гуманизацией уголовной политики. Сама по себе дифференциация уголовного судопроизводства во многом способствует развитию института компромисса, а соответственно принятию компромиссных решений между сторонами уголовного процесса.

Сложившаяся действительность все более настойчиво указывает на введение в уголовный процесс нашего государства более эффективной, по сравнению с действующей, процедуры примирительного производства, способствующей не только прекращению уголовных дел и освобождению от уголовной ответственности, но в первую очередь и восстановлению добрых отношений между людьми, предотвращению эскалации насилия и жестокости, сокращению затрат на осуществление правосудия, и в полной мере соответствующей понятию медиации в уголовном судопроизводстве.

Л. А. Воскобитова отмечает, что под медиацией можно понимать, во-первых, как «основанную на законе возможность разрешать конфликты при помощи посредника наиболее приемлемым для сторон образом, влекущую заключение мирового соглашения или прекращение производства», во-вторых, как «лишенную формализма возможность обсудить обстоятельства дела, высказаться о личных переживаниях, предложить варианты решений, самостоятельно выработать и принять взаимоприемлемое соглашение о решении конфликта»¹.

Исследования сложившейся практики примирения сторон и имеющегося опыта примирительного производства в уголовном процессе показывают, что примирение явля-

ется наиболее эффективным в случае участия независимого посредника (медиатора), который, не выступая на стороне обвинения или защиты, будет содействовать примирению потерпевшего и обвиняемого, а также выработке и закреплению в соответствующем процессуальном документе условий примирения.

Согласно Рекомендациям Комитета министров Совета Европы № R (99) 19 «О посредничестве по уголовным делам» под посредничеством понимается «любой процесс, где жертве и правонарушителю предоставляется возможность, в случае их согласия, с помощью беспристрастной третьей стороны (ведущего) принимать активное участие в разрешении вопросов, связанных с произошедшим преступлением»².

Необходимо отметить, что в Стандартах восстановительной медиации, разработанных и утвержденных Всероссийской ассоциацией восстановительной медиации 17 февраля 2009 г., делается акцент на деятельность медиатора, который «создает условия для восстановления способности людей понимать друг друга и договариваться о приемлемых для них вариантах разрешения проблем (при необходимости – о заглаживании причиненного вреда), возникших в результате конфликтных или криминальных ситуаций»³.

В Рекомендациях Комитета министров Совета Европы № R (99) 19 «О посредничестве по уголовным делам» указано, что государства-члены все более и более стремятся использовать медиацию в уголовных делах как гибкую, доступную, нацеленную на разрешение существа конфликта и вовлечение в его разрешение сторон меру, расцениваемую в качестве дополнения к традиционному уголовному процессу или как альтернативу ему.

Описывая развитие и становление института примирения сторон и непосредственно

процедуры примирения с участием посредника (медиатора), необходимо оговориться, что в Российской Федерации данный институт еще эволюционирует, а сама процедура примирения с участием посредника совершенствуется, все больше в теории, и проходит апробацию. Попытаемся проследить развитие процедуры примирения сторон с участием посредника и высказать свою позицию по данному вопросу.

Изначально разработка и становление процедуры примирения сторон с участием посредника начались в середине 70-х гг. XX века в Канаде и США отчасти под влиянием трудов европейских ученых, хотя в европейских странах существующая в настоящий момент процедура примирительного производства с привлечением посредника появилась в 80-х гг. прошлого века. Так, первый экспериментальный проект был запущен в Норвегии в 1981 году, а двумя годами позже – в Финляндии. Свое адекватное становление процедура примирения с участием посредника в большинстве европейских государств получила в начале 90-х гг. после ее законодательного закрепления⁴. Например, во Франции и Бельгии, чьи уголовно-процессуальные системы достаточно близки системе российской в плане юридической техники, в течение нескольких лет институт медиации проделал большой путь – от полного игнорирования законодателем к достаточно подробной уголовно-процессуальной регламентации. Как во Франции, так и в Бельгии примирительное производство «выросло» из практики. Законодательные акты, ее формализующие и легализующие, появились позднее. Во Франции таковым стал Закон от 4 января 1993 г., развитый Законом от 23 июня 1999 г. (в обоих случаях речь шла об изменениях и дополнениях в УПК), а в Бельгии – Закон от 10 февраля 1994 г., также дополнивший УПК, и ряд подзаконных актов. Процедура медиации в обеих странах выглядит следующим образом: прокурор при принятии решения о возбуждении уголовного преследования в той или иной форме инициирует процедуру медиации (примирения). Окончательное решение он принимает в зависимости от успеха или неудачи ее проведения (достигнуто соглашение или нет). При этом посредником во Франции является представитель «профильной» общественной организации, не имеющей непосредственного отношения к системе уголовной юстиции, а в Бельгии функции по проведению

медиации возложены непосредственно на прокуратуру⁵.

Следует отметить, что в период законодательного закрепления примирительного производства с участием посредника в Европе российский законодатель предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Не вызывает сомнения, что закрепленная законодателем в 1996 году и действующая в настоящий момент модель процедуры примирения не является такой эффективной и востребованной, какой могла бы быть. Но, несмотря на это, сам факт закрепления возможности примирения сторон в уголовном судопроизводстве можно назвать первым этапом становления примирительного производства как такового в России.

Следующего, второго, этапа своего развития процедуре примирения с участием посредника в России, на наш взгляд, долго ждать не пришлось, поскольку в данный временной период начинает свою работу Центр «Судебно-правовая реформа». Деятельность указанного Центра не только вывела на новый уровень восстановительное правосудие в нашей стране, но и в какой-то мере дала жизнь процедуре примирения сторон с участием посредника. Так, в нескольких городах ведется проект «Партнерство за формирование восстановительной юстиции в России», одна из целей которого – создание условий проведения программ примирения жертвы и правонарушителя. Конечно, в большей степени данный и иные подобные проекты Центра «Судебно-правовая реформа» направлены на работу с несовершеннолетними, но положительный опыт может повлиять на переход примирения сторон с участием профессионального посредника в России на новый этап своего развития, т.е. законодательное закрепление процедуры в рамках уголовного процесса.

В пользу необходимости законодательной регламентации процедуры примирения свидетельствуют не только реалии нынешнего времени, но и практически не действующие в ходе предварительного расследования нормы о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон.

Следует отметить, что уже предпринимались попытки законодательной инициативы в этом направлении⁶. Например, в 2009 году Р. Р. Максудовым и С. А. Пашиным был разработан законопроект, предусматривающий

внесение изменений в УПК РФ, в соответствии с которыми суд, следователь, дознаватель по ходатайству стороны или по собственной инициативе могут привлечь медиатора для организации примирительных встреч между обвиняемым, подозреваемым и потерпевшим и содействия им в выработке условий примирения. При этом авторы проекта отмечают, что медиатор несет права и обязанности специалиста⁷.

Полагаем, что законопроект, хотя и требует доработки, является существенным шагом к следующему этапу становления и развития процедуры примирения с участием посредника в уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

Положительным моментом в разрешении вопроса о профессионализме участвующего в примирительной процедуре посредника выступает постановление Правительства Российской Федерации от 3 декабря 2010 г. № 969 «О программе подготовки медиаторов»⁸, в соответствии с которым приказом Министерства образования и науки РФ от 14 февраля 2011 г. № 187 «Об утверждении программы подготовки медиаторов» по согласованию с Министерством юстиции РФ утверждена программа подготовки медиаторов⁹. Согласно положениям данного приказа указанная программа подготовки медиаторов является дополнительной профессиональной образовательной программой профессиональной переподготовки и служит основой для разработки и утверждения организациями, осуществляющими в соответствии с законодательством РФ подготовку медиаторов, специализированных учебных программ. Предлагаемая программа состоит из трех образовательных программ повышения квалификации: «Медиация. Базовый курс», «Медиация. Особенности применения медиации», «Медиация. Курс подготовки тренеров медиаторов». Освоение программы предполагается по очной форме обучения, при этом каждая из трех образовательных программ повышения квалификации должна завершаться итоговой аттестацией. Причем изучить две последние образовательные программы можно только после изучения базового курса медиации. В результате обучения по программе подготовки медиаторов предполагается получение слушателями знаний, умений, приобретение навыков, необходимых для ведения деятельности в качестве медиатора на профессиональной основе, преподавания медиации.

Не вызывает сомнения, что указанное постановление Правительства РФ, как и приказ Минобрнауки России, вытекают из принятого 27 июля 2010 г. Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Но положения указанного закона распространяются исключительно на гражданские, трудовые и семейные правоотношения (ч. 2 ст. 1 Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»), соответственно примирение сторон в рамках уголовного судопроизводства осталось на прежнем уровне.

Несмотря на это, позитивные элементы для уголовного судопроизводства все же содержатся в предложенной Минобрнауки России программе подготовки медиаторов. В частности программа содержит в себе модуль 5.9 «Медиация в восстановительном правосудии и ювенальной юстиции». Это дает право думать, что в обозримом будущем появятся профессиональные посредники, а значит, и специальная процедура примирения обвиняемого с потерпевшим.

Представляется, что наиболее подходящей для нашей страны является Европейская модель процедуры примирения, где в качестве посредника выступает лицо, не имеющее отношения к сторонам обвинения и защиты.

Мы полагаем, что следующим шагом развития примирительного производства с участием посредника в уголовном судопроизводстве должно стать законодательное закрепление обязательного проведения процедуры примирительного производства во всех случаях совершения впервые преступлений небольшой или средней тяжести, при этом проведение процедуры примирения должно быть возможным только после предъявления лицу обвинения.

Саму процедуру примирения сторон с участием профессионального посредника (не волонтера, не чиновника, не общественника) необходимо разделить на три этапа. Первый этап – предварительный, который включает в себя выяснение наличия условий, при которых возможно использование примирительного производства, вынесение постановления о проведении примирительной процедуры, назначение посредника, его ознакомление с материалами дела, встреча посредника со сторонами для разъяснения преимуществ прими-

рительной процедуры и выяснения их намерений.

Второй этап является основным и включает в себя непосредственно проведение переговоров, встречи сторон и посредника для положительного исхода примирительного производства.

Третий этап – заключительный, состоит из подготовки и подписания примирительного соглашения, его рассмотрения и утверждения судом, следователем или дознавателем, вынесения на его основе постановления о прекращении уголовного дела.

Таким видится нам развитие процедуры примирения с участием посредника в уголовном судопроизводстве.

¹ Воскобитова Л. А. Модельный закон субъекта РФ «О

службе примирения» // Вестник восстановительного правосудия. 2006. Вып. 6. С. 65–73.

² Российская юстиция. 2003. № 9. С. 17.

³ Апостолова Н. Н. Медиация (посредничество) по уголовным делам // Российская юстиция. 2010. № 3. С. 55–56.

⁴ Айретсен И. Деятельность в области восстановительного правосудия в Европе // Вестник восстановительной юстиции. Вып. 3. М., 2001. С. 4, 5–7.

⁵ Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию: европейская практика и российский уголовно-процессуальный контекст // Вестник восстановительной юстиции. М., 2003. Вып. 5. С. 11–12.

⁶ См. также: Воскобитова Л. А. Указ. соч. С. 65–74.

⁷ Максудов Р. Р., Пашин С. А. Медиация в уголовных делах: предложения по изменению Уголовно-процессуального кодекса РФ. Пояснительная записка. URL: <http://www.neps.ru/node/1475>.

⁸ СЗ РФ. 2010. № 50. Ст. 6706.

⁹ URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/306710/>.

Статья поступила в редакцию 6 марта 2012 г.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ТРЕБОВАНИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРИГОВОРА СУДА И КАТЕГОРИИ «ИСТИНА» В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

А. А. Сиволова,

*старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса,
Смоленский гуманитарный университет*

Статья посвящена проблеме соотношения справедливости приговора суда и истины в уголовном процессе. Автором подчеркивается, что гарантией справедливости приговора является достижение юридической истины по делу посредством полноты, объективности и всесторонности исследования доказательств, а также их общественно-нравственной оценки судом.

Ключевые слова: *справедливость приговора, юридическая истина.*

Конституция Российской Федерации определяет, что исключительное право на управление правосудия принадлежит органам судебной системы РФ. Как верно отмечает А. В. Бунина, вся «деятельность суда протекает в особом правовом порядке, создающем такие преимущества в рассмотрении и разрешении дел, которыми не обладает ни один иной орган государства»¹.

Апогеем такой деятельности при рассмотрении вопроса о виновности лица в совершении преступления выступает приговор суда. Именно данный процессуальный акт включает в себе вывод по итогам предварительного расследования дела и рассмотрения его судом первой инстанции о виновности либо невиновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности, и назначении виновному наказания, соразмерного содеянному. Таким образом, главной задачей суда при вынесении приговора по уголовному делу является соответствие его содержания предъявляемым процессуальным законодательством РФ к данному акту требованиям, в том числе и требованию о его справедливости.

Действительно, нельзя не отметить, что социально-нравственное значение приговора как акта правосудия во многом определяется в том числе и по тому, насколько достоверно и глубоко суд, рассматривавший дело, исследовал все фактические обстоятельства произошедшего, имеющие значение для его разрешения по существу, и дал им надлежащую правовую и нравственную оценку, т.е. насколько близко судья, разрешающий спор, подошел к установлению истины по уголовному делу.

Безусловно то, что в сознании множества людей категория истины неразделима с понятием справедливости, особенно в рамках уголовных правоотношений. «Основное свойство справедливости, ее особое качество – ее способность выступать в качестве определенной меры соотношения требования и воздаяния»². Так, общественностью как несправедливый воспринимается приговор, по которому осужден невиновный или оправдан виновный, либо приговор, которым назначено чрезмерно суровое наказание.

При этом, как верно отмечается в юридической литературе, в отношении приговора, который вступил в законную силу, «действует презумпция его истинности», т.е. признание судебного приговора правильным (а соответственно обстоятельств, изложенных в нем, правдивыми, т.е. имевшими место в объективной действительности именно в той интерпретации, которая указана в описательной части решения суда. – Прим. наше. – А. С.) до тех пор, пока он не отменен в установленном законом порядке³.

Сказанное выше обуславливает необходимость установления соотношения категорий «истина» и «требование справедливости» применительно к приговору суда по уголовному делу в современном уголовно-процессуальном законе.

Ученые-процессуалисты в своих трудах неоднократно указывали и указывают на тот факт, что «подлинное правосудие, которое включает в себя весь процесс расследования уголовного дела и разрешение его судом, невозможно без установления материальной истины, поэтому в уголовном процессе истина

«котируется как одна из самых высоких моральных ценностей»⁴, главенствующих в ходе расследования по уголовному делу, в судебном следствии и при постановлении решения по делу судом.

Приговор – важнейшее решение, принимаемое судом по уголовному делу. Приговор выступает как акт правосудия, что качественно выделяет его среди других процессуальных актов. Он должен отвечать высоким правовым и нравственным требованиям, быть отражением истины и справедливости. Справедливость приговора как важнейшего акта правосудия зависит не только от грамотно проведенного расследования, но и от полноты, объективности, всесторонности и своевременности разбирательства дела во всех судебных инстанциях.

Действующий процессуальный закон термин «справедливость» употребляет применительно к наказанию, назначенному судом, называя при этом его важнейшим требованием, предъявляемым к приговору. Задачами уголовного судопроизводства являются обеспечение правильного применения закона в целях назначения виновным справедливого наказания, отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (ст. 6 УПК РФ). Согласно ст. 379 УПК РФ одним из оснований к отмене или изменению приговора является несправедливость приговора, которая в трактовке закона связана с несправедливостью назначенного наказания.

Но справедливость приговора не сводится только к соразмерности наказания, хотя она составляет важный и необходимый ее компонент. Различные авторы в понятие справедливости обоснованно вкладывают более широкий смысл. Так, Ф. М. Кудин пишет, что справедливость выражает моральное требование о том, чтобы приговор «устанавливал виновность либо невиновность подсудимого в соответствии с тем, что имело место в действительности, чтобы в приговоре было правильно квалифицировано деяние лица и определено наказание в соответствии с тяжестью преступления и личностью виновного»⁵. М. С. Строгович, перечисляя требования к приговору, указывал, что приговор «должен быть справедлив – это значит, что он должен устанавливать действительную вину или невиновность подсудимого и наказывать его в соответствии с его виной»⁶.

В дополнение к сказанному следует отметить, что справедливость приговора выступает в том числе и в роли своеобразного индикатора, по которому оценивается не только справедливость принятого по конкретному уголовному делу решения, но и система, и состояние правосудия и правосознания в стране в целом. Правосудие – это и есть справедливый суд, способный выносить такие решения по делу, которые в полной мере соответствовали бы предъявляемым к ним требованиям не только нормативно-правовым, но и этическим, нравственным, предъявляемым обществом к конкретным отношениям в правовом поле. Как верно отмечает П. А. Лупинская, только в приговоре суда находит подтверждение ранее возникшее уголовно-правовое отношение или устанавливается отсутствие факта, порождающего это правоотношение и, следовательно, отсутствие у суда права на признание лица виновным и его наказание⁷.

Однако означает ли это, что суд, рассматривающий уголовное дело, обязан в ходе судебного следствия установить именно истину объективную?

Объективная истина предполагает наличие таких знаний и выводов об обстоятельствах дела, которые правильно отражают существующую вне человеческого сознания действительность и получены в рамках соответствия процессуальным нормам. При этом в ходе своей познавательной деятельности суд «руководствуется целью восстановить в максимально полном виде идеального (мыслительного) образа произошедшее событие»⁸ – обстоятельства совершенного деяния. Таким образом, объектом изучения суда, в отличие от биологов, например, будет являться не существующие в реальной сегодняшней действительности явления, а событие, возникшее в жизни людей в определенный период времени в прошлом. При этом, если процесс размножения болезнетворных бактерий или грибов биолог имеет возможность наблюдать воочию, с помощью технических средств и на основе увиденного делать выводы по изучаемой проблематике, то исследование обстоятельств жизненного события – преступления – судом опирается на искусственное моделирование в уме обстоятельств произошедшего, базисом для которого становятся те факты, которые были связаны с изучаемым явлением. Цель получения указанных фактов обуславливают разделение уголовного процесса на

стадии – в ходе предварительного расследования формируется определенный конгломерат информации о совершенном деянии, позволяющий определить его как преступное, устанавливающий круг лиц, причастных к совершению деяния, подтверждающий наличие в действиях данных лиц состава преступления и т.д., который именуется как собранная по делу доказательственная база. На стадии же судебного разбирательства превалирующим является «уяснение сути правового конфликта»⁹ посредством исследования той самой пресловутой доказательственной базы. Суд должен прийти к убеждению о доказанности или недоказанности обвинения на основании исследования представленных сторонами доказательств и принять властное решение – разрешить уголовное дело (п. 2 ст. 15 УПК РФ). «Установить истину в уголовном процессе, – пишет П. А. Lupинская, – означает познать прошедшее событие и все обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу, в соответствии с тем, как они имели место в действительности»¹⁰.

Однако суд не устанавливает объективную истину, а судит об ее установлении или неустановлении, исследуя и оценивая в процессе судебного разбирательства представленные сторонами доказательства той или иной версии произошедшего в прошлом жизненного события, при вынесении решения именем Российской Федерации и назначении виновному меры воздаяния. Действительно, если в материалах уголовного дела присутствует комплекс доказательств, достаточных для установления виновности лица в совершении преступления, и указанное лицо действительно совершило данное деяние, то мы будем говорить о том, что суд установил истину по делу. В то же время, если в ходе предварительного расследования не было собрано достаточных доказательств виновности обвиняемого (действительно совершившего преступление), вследствие чего приговором суда он был оправдан, установил ли суд объективную истину? Исходя из изложенного выше определения думается, что нет. Но вместе с тем нельзя не констатировать то, что судом все же дана оценка установлению истины, однако не истины объективной, а истины юридической, процессуальной, поскольку недоказанность вины обвиняемого (пусть даже и совершившего инкриминируемое преступное деяние) влечет вынесение оправдательного приговора судом, так как в рамках таковых

отношений действует принцип презумпции невиновности.

И. Я. Фойницкий в связи с этим отмечал: «Суду указывается как событие, так и его причина; ему ставится не вопрос: что произошло и кем оно причинено, а вопрос: произошло ли данное событие и составляет ли причину его внешняя и внутренняя деятельность определенного обвиняемого? Суду представляются и доказательства, имеющиеся для разрешения этого вопроса. Ему остается лишь определить точность или истинность доказательств и поставить их в логическую связь с искомым»¹¹.

Приговор суда является элементом правоприменительной практики, и к нему применима оценочная категория истины – справедливость, т.е. справедливо только то, что основано на истине. Именно в этом аспекте (справедливая оценка доказательств) необходимо рассматривать установление юридической истины судом.

В. А. Линовский подчеркивал, что целью уголовного судопроизводства на протяжении всей истории его развития устанавливалось удовлетворение правде, что к приговору предъявлялись требования правды и справедливости, они должны были быть основаны на существо доказательств и на точном разуме законов, вынесение его было возможным только после всестороннего, полного и объективного исследования доказательств¹².

Согласно ст. 88 УПК РФ, устанавливающей правила оценки доказательств, в процессе доказывания по уголовному делу должна быть установлена достоверность каждого доказательства и их совокупности. Лишь при таком условии собранные доказательства могут стать основанием законного и справедливого приговора. Из смысла этой статьи вытекает обязанность следователя, дознавателя, прокурора, суда, следуя своему внутреннему убеждению, руководствуясь законом и совестью, полно, объективно и тщательно исследовать все значимые для разрешения конкретного уголовного дела доказательства. При этом, несмотря на то что следователь, дознаватель и прокурор отнесены к стороне обвинения, в ст. 74 УПК РФ закреплено определение доказательств как любых сведений, на основании которых устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, предусмотренных ст. 73 УПК РФ. Соответственно обязанность доказывания версии обвинения

включает в себя и обязанность субъекта доказывания собирать, проверять и исследовать все доказательства, как подтверждающие, так и опровергающие эту версию, что в свою очередь направлено на реализацию принципа объективности, полноты и всесторонности исследования.

Кроме этого, в п. 3, 5, 6, 7 ст. 73 УПК РФ закреплены положения, среди которых равноправное место занимают обстоятельства, подлежащие доказыванию по каждому уголовному делу, которые могут свидетельствовать о невинности или смягчении вины обвиняемого. Согласно ст. 299 УПК РФ суд при постановлении приговора должен дать оценку фактам, которые могут свидетельствовать о смягчении наказания, об освобождении подсудимого от наказания и т.д. В связи с этим представляется, что определяющая функция стороны обвинения и суда не может исключать полноты, объективности и всесторонности исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Требование полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела во многом служит способом обеспечения соответствия всей процессуальной деятельности критерию юридической (процессуальной) истинности.

Выполнение требования о полном, всестороннем и объективном установлении всех существенных обстоятельств расследуемого преступления на предварительном следствии – гарантия того, что будут собраны все доказательства, необходимые для справедливого разрешения дела и провозглашения приговора, в полной мере соответствующего требованию справедливости.

Приговор суда, если он справедлив, оценивается как истинный. Если выражение «установить событие преступления и виновность подсудимого» для следователя и прокурора означает доказать обвинение, то для суда оно означает признать или не признать его доказанным¹³.

Многие авторы разделяют точку зрения о том, что справедливость уголовно-процессуальных отношений связывается с точным соблюдением норм и правил, установленных законом, в ходе предварительного расследования и рассмотрения дела судом¹⁴. В. М. Бозров, соглашаясь с этим тезисом, пишет о том, что для нивелирования данной коллизии материальной и формальной истин в законе следовало бы закрепить понятие процессуальной истины как обязанности суда

установить круг обстоятельств, наличие которых позволило бы разрешить дело по существу, что обуславливает собой процессуальную справедливость¹⁵. Сторонники данной концепции предлагают закрепить в УПК РФ как цель уголовного судопроизводства «истинность в форме достоверной доказанности обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу»¹⁶.

В то же время в теории уголовного процесса высказываются мнения о том, что категория объективной истины является базисом уголовного судопроизводства и недостижение последней в ходе производства по делу сводит к нулю всю деятельность органов предварительного расследования и суда, свидетельствует о явном несоответствии приговора суда требованию справедливости¹⁷.

В разрешении обозначенной коллизии нельзя не отметить ряд существенных обстоятельств. Познание истины по уголовному делу происходит в процессе установления обстоятельств дела, а затем при правовой оценке установленного события уступает место истине юридической, под которой следует понимать «соответствие юридического знания правовой действительности»¹⁸.

Процессуальная (юридическая) истина является относительной объективной истиной. Относительность объективной истины вовсе не означает «неполноту следствия по делу» или «неполно расследованное дело», как считают некоторые авторы¹⁹. М. С. Строгович указывал, что относительную истину нельзя трактовать как максимальное приближение к истине. Она такая же объективная истина, но только не полная, характеризующаяся незавершенностью процесса познания, которая и не требуется для разрешения уголовного дела по существу. «Абсолютно все о событии, являющемся преступлением, и о совершившем его лице суд вовсе не должен устанавливать, но то, что суд должен установить для правильного разрешения дела, т.е. совершено ли преступление, какое именно, совершил ли его обвиняемый, – это должно быть установлено абсолютно верно»²⁰. В этом и заключается особенность правовой регламентации процесса познания в уголовном судопроизводстве – необходимость решения возникающих жизненных ситуаций на строго юридических основаниях, ограниченных рамками предмета и пределов доказывания, только теми способами и средствами, которые до-

пускаются уголовно-процессуальным законом.

В процессе доказывания по уголовному делу необходимо стремиться к достижению истины в том объеме и теми способами, которые определены законом, т.е. юридической истины. Цель деятельности суда заключается в принятии обоснованного, законного и справедливого решения на основании представленных и полно, объективно и всесторонне исследованных в суде доказательств. Кроме того, в приговоре должна быть дана юридическая и общественно-нравственная оценка фактов, установленных судом при рассмотрении уголовного дела.

В том случае, если установленная судом юридическая истина не тождественна истине объективной (в случае незаконного привлечения к уголовной ответственности невиновного лица вследствие судебной ошибки, самоговора, халатного отношения органов предварительного расследования к обязанности отыскания доказательств как обвинительных, так и оправдательных, лжесвидетельства и т.д.), при наличии установленных законом оснований возможен пересмотр приговора суда. «Судебное решение почитается за истину, но если эта презумпция падает, если решение оказывается ошибочным, оно должно быть заменено другим, справедливым. Истина – высший закон правосудия, стремлением к ней должны быть проникнуты все меры его»²¹, – писал И. Я. Фойницкий.

В связи с изложенным юридическую истину как сформировавшееся на основе всестороннего, полного и объективного исследования определенной совокупности достоверных доказательств знание о значимых в социально-правовом отношении обстоятельствах конкретного преступления следует принять как аксиому. Законодателю же надлежит закрепить требование всесторонности, полноты и объективности установления обстоятельств совершенного преступления по каждому расследуемому и разрешаемому уголовному делу в качестве цели осуществляемого при этом уголовно-процессуального доказывания и обеспечения соответствия как уголовного производства в целом, так и приговора суда в частности требованию справедливости.

¹ Бунина А. В. Приговор суда как акт правосудия. Его свойства: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2005. С. 5.

² Оленин Н. Н. Справедливость и право РФ // Право. 2010. № 1. С. 111–112.

³ Бунина А. В. Указ. соч. С. 40.

⁴ Бойков А. Д. Уголовное судопроизводство и судебная этика // Курс советского уголовного процесса. Общая часть. М., 1989. С. 205.

⁵ Уголовный процесс: учебник / под ред. П. А. Лупинской и И. В. Тыричева. М., 1992. С. 423.

⁶ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. С. 325.

⁷ Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М., 1976. С. 17.

⁸ Аверин А. В. Истина и судебная достоверность (постановка проблемы). СПб., 2007. С. 112.

⁹ Там же. С. 153.

¹⁰ Лупинская П. А. Уголовно-процессуальное право РФ: учебник. М., 2009. С. 129.

¹¹ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. С. 179–180.

¹² Линовский В. А. Опыт исторических разысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. М., 2001. С. 185–186.

¹³ Лазарева В. А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России: учебное пособие. Самара, 2007. С. 43.

¹⁴ Рабцевич О. И. Право на справедливое судебное разбирательство: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. С. 188–190; Воскобитова Л. А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 16.

¹⁵ Бозров В. М. О проблеме справедливости в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2005. № 4. С. 17–18.

¹⁶ Смирнов В. П. Противоборство сторон как сущность принципа состязательности уголовного судопроизводства // Государство и право. 1998. № 3. С. 145–155; Мионов В. Ю. Достоверность доказательств и их значение при постановлении приговора: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. С. 16.

¹⁷ Доля Е. А. Юридическая действительность и юридическая истина // Законность. 2010. № 9. С. 9–13; Сергеева О. Б. Достижение истины в уголовном судопроизводстве: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2009; Мустафаев М. Х. Интерпретация в уголовном процессе философской характеристики объективной истины // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2006. № 4. С. 524–529.

¹⁸ Аверин А. В. Истина и судебная достоверность (постановка проблемы). СПб., 2007. С. 127–134.

¹⁹ Пискун О. А. Истина в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2006. С. 26.

²⁰ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. С. 75.

²¹ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. С. 510.

Статья поступила в редакцию 8 января 2012 г.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ПРИНЦИПА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

О. А. Тарнавский,

*кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса,
Оренбургский государственный университет*

Проведен анализ взглядов различных ученых по проблеме определения понятия «принцип уголовного судопроизводства», характеризуется авторская позиция в отношении основных признаков принципов уголовного процесса.

Ключевые слова: *принцип уголовного судопроизводства, признаки принципов уголовного процесса.*

Подчинение уголовно-процессуальной деятельности высшим целям, которые ставит перед государством Конституция РФ, происходит опосредованно, через систему принципов уголовного судопроизводства¹.

Принципы уголовного судопроизводства – довольно часто употребляемый учеными термин, что объясняется значимостью данного понятия для уголовно-процессуальной науки. В то же время следует отметить, что авторы зачастую наделяют данное понятие совершенно различным содержанием и выделяют различные критерии, в соответствии с которыми то или иное положение возможно отнести к принципу уголовного судопроизводства. Поэтому терминологическое определение принципа уголовного судопроизводства и выделение его признаков можно определить как крайне актуальные на настоящий период времени вопросы.

Как правильно отмечает С. С. Ерашов, первейшая задача процессуальной теории заключается в абстрагировании из объективной реальности ключевых идей о сущем и должном в идеальном уголовном процессе – принципов. От тщательности разработки принципов во многом зависит работоспособность процессуального права и боеспособность правоприменительной деятельности². Е. Галоганов в свою очередь полагает, что научное определение правовых понятий, к числу которых, несомненно, относится и понятие принципов уголовного процесса, необходимо как для определения концептуальных основ уголовно-процессуальной деятельности, степени цивилизованности судопроизводства, его типа (исторической формы), так и для правильного применения норм действующего права. Вот почему исследование понятия, системы и содержания принципов уголовного процесса не может рассматриваться как абстрактно-теоретическое, далекое от повседневной дея-

тельности органов дознания, следствия, прокуратуры и суда³.

А. В. Гриненко пишет, что под принципами уголовного судопроизводства принято понимать закрепленные в действующем уголовно-процессуальном законодательстве основы создания и направленности всей соответствующей отрасли права, которые наиболее полно выражают содержание уголовно-процессуальных правоотношений, тесно взаимосвязаны с государственной политикой в сфере уголовного судопроизводства, являются общими для всех стадий уголовного процесса, оказывают регулятивное и охранительное воздействие по отношению ко всем остальным уголовно-процессуальным нормам и охраняются от нарушений широким спектром мер государственного принуждения⁴.

Принципы судопроизводства как основополагающие начала призваны обеспечить такой порядок судопроизводства, при котором в максимальной степени будут защищены права и свободы граждан, в него вовлеченных. Еще в 1971 году Т. Н. Добровольская отмечала, что «из самого смысла термина «принцип» или «основа» вытекает, что принципом уголовного процесса может быть признано не каждое положение, в той или иной степени характеризующее организацию и деятельность органов дознания, следствия, прокуратуры и суда. Чтобы быть принципом, соответствующее положение должно определять в организации и деятельности этих органов главные, исходные моменты, из которых в свою очередь следуют положения более частного характера»⁵.

Н. Г. Стойко определяет принципы вне зависимости от их научного определения: это то, что является наиболее ярким воплощением ценностей уголовного процесса сравниваемых стран. Будучи официально признанными (на конституционном, законодательном, преце-

дентном или доктринальном уровне), они так или иначе отражают легитимные уголовно-процессуальные ценности. В данном смысле (и только) не важно различие принципов, с одной стороны, и правовой доктрины, целей законодателя, правовых взглядов, научных воззрений и т.п. – с другой. Важнее ценностная основа, на которой принципы формируются, а также то, что принцип есть высший акт легитимации уголовного процесса. Поэтому теоретические расхождения в определении понятия «принцип уголовного процесса», в вопросе об их количестве и т.д. здесь не имеют значения⁶.

О. З. Челохсаев сущность принципов уголовного процесса усматривает в отражении уголовно-процессуальной политики (идеологии) государства, которая является разновидностью (отраслью) правовой политики (идеологии) государства. Содержание же уголовно-процессуальной политики (идеологии) государства заключается в предвидении должной организации уголовного процесса и стремлении реализовать это предвидение. Идеи, не имеющие государственно-властного характера, не должны влиять на содержание уголовного процесса⁷.

Достаточно интересно мнение И. А. Пикалова о принципах уголовного судопроизводства и о существующей в настоящее время системе принципов. Автор традиционно полагает, что принципы уголовного процесса – это основополагающие, руководящие правовые нормы, определяющие характер уголовного процесса, содержание всех его институтов и выражающие взгляды о построении процессуального порядка, обеспечивающего справедливое правосудие по уголовным делам, эффективную защиту личности, ее прав и свобод, интересов общества от преступных посягательств. В действующем УПК принципы уголовного процесса занимают главенствующее положение. Являясь первоосновой построения всего порядка уголовного судопроизводства, принципы определяют его тип и содержание законности в соответствии с теми целями и задачами, которые по замыслу законодателя должны быть достигнуты в результате уголовно-процессуальной деятельности. Опираясь на различия принципов и общих условий, автор пришел к достаточно оригинальному выводу, что наряду с исходными, самостоятельными, фундаментальными правовыми нормами-принципами в уголовно-процессуальном законе закреплены нормы

вторичные, вытекающие из норм-принципов, являющиеся общими условиями (правилами) и обеспечивающие реализацию и правильное понимание принципов уголовного судопроизводства. Существует два принципа уголовного процесса: состязательность сторон и законность. Все остальные принципы именуются так неверно и, являясь общими условиями (правилами), обеспечивают действие этих двух принципов⁸.

Каждому принципу современного отечественного уголовного процесса, по мнению С. С. Ерашова, присущи шесть признаков:

- принцип уголовного процесса характеризует уголовно-процессуальную деятельность и возникающие в ходе нее правоотношения;
- принцип – мировоззренческая идея;
- принцип проявляется в правовых нормах различными способами (свободно);
- принцип уголовного процесса – идея максимальной (для уголовного процесса) степени общности;
- принцип уголовного процесса – идея, проходящая через все его стадии;
- принцип уголовного процесса имеет две стороны: первая – обобщение сущего; вторая – детерминация должного⁹.

По мнению А. В. Гриненко, наиболее важный признак, отличающий принципы от иных образований, состоит в том, что все принципы выражаются в виде предписаний высшей юридической силы, занимающих главенствующее место среди уголовно-процессуальных норм. Именно поэтому в систему критериев принципов целесообразно включить следующие положения уголовного судопроизводства:

- принципы представляют собой основы формирования всей системы уголовно-процессуального права;
- должны быть закреплены в действующем законодательстве в виде правовых предписаний;
- наиболее полно выражают содержание уголовно-процессуального законодательства;
- распространяют свое действие на все стадии уголовного процесса; тесно взаимосвязаны с государственной политикой в сфере уголовного судопроизводства, с учетом положений международных актов по правам человека;
- оказывают охранительное и регулятивное воздействие по отношению ко всем уголовно-процессуальным нормам¹⁰.

А. В. Кудрявцева и Ю. Д. Лившиц выделяют в качестве признаков следующие критерии (которые должны проявляться в совокупности): а) принципы выражены в нормах действующего права; б) принципы имеют основное значение для уголовного процесса, определяют его основные черты; в) принципы должны иметь прямое отношение к уголовно-процессуальной деятельности; г) принципы должны иметь общепроцессуальный характер; д) принципы всегда заключают в себе определенное политическое содержание; е) принципы всегда определяют типичные и преобладающие черты уголовного судопроизводства; ж) принципы должны определить такие черты уголовного судопроизводства, которые не носят очевидного характера, но представляют собой альтернативу возможных и известных из истории решений; з) содержание принципов составляет степень общности, характер логической связи с единичными нормами уголовного процесса»¹¹.

З. В. Макарова и М. Г. Янин признаки принципов уголовного процесса определяют следующим образом:

а) принципами могут быть лишь те основные положения, идеи, которые соответствуют социально-экономическим и политическим условиям развития общества;

б) принципами являются только те основные положения, которые нашли закрепление в нормах права;

в) совокупность всех принципов должна представлять собой концентрированное выражение сущности уголовного процесса;

г) принципы не должны дублировать друг друга;

д) принципы должны образовывать систему, обладающую цельным, интегративным качеством¹².

Исходя из этого, с нашей точки зрения, принципам уголовного процесса должны быть присущи следующие признаки:

1) принципы должны быть закреплены в нормах действующего права (нормативность);

2) принципы определяют основные черты уголовного судопроизводства, характеризующие его тип, форму и направленность;

3) принципы выступают организационной основой для уголовно-процессуальной деятельности;

4) принципы должны иметь общепроцессуальный характер (действие принципов

должно распространяться на все этапы уголовного судопроизводства);

5) принципы не должны дублировать друг друга, они не могут быть взаимозаменяемы (каждый из элементов системы должен быть для нее единственно необходимым и неповторимым в другом элементе);

6) принципы должны быть взаимосвязаны и непротиворечивы по своему содержанию.

Помимо этого, как видится, отдельное положение может стать принципом, если оно носит всеобъемлющий характер, т.е. является достаточно широким по содержанию. Принципы – это основные исходные положения, а порядок их реализации и гарантии их обеспечения устанавливаются путем регламентации конкретных этапов и институтов уголовного судопроизводства.

¹ Дикарев И. С. Принцип диспозитивности в уголовном процессе России: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. URL: <http://www.litkaf.ru/7815-princip-dispozitivnosti-v-ugolovnom-processe.html>.

² Ерашов С. С. Система принципов современного отечественного уголовного процесса: теоретико-правовые аспекты и практика применения: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. С. 3.

³ Галоганов Е. Понятие и место процессуального принципа состязательности в системе принципов судопроизводства // Право и жизнь. 2009. № 5. С. 23.

⁴ Гриненко А. В. Система принципов уголовного судопроизводства // Вестник МГОУ. 2007. № 2. С. 63.

⁵ Добровольская Т. Н. Принципы советского уголовного процесса. М., 1971. С. 8.

⁶ Стойко Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем: монография. СПб., 2006. С. 133.

⁷ Челохасев О. З. Современная уголовно-процессуальная политика: автореферат дис. ... юрид. наук. М., 2009. С. 7.

⁸ Пикалов И. А. Состязательность в системе принципов уголовного процесса и ее реализация стороной защиты на досудебных стадиях: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 17.

⁹ Там же.

¹⁰ Гриненко А. В. Система принципов уголовного процесса и ее реализация на досудебных стадиях: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. С. 21.

¹¹ Кудрявцева А. В., Лившиц Ю. Д. О понятии принципа в уголовном процессе // Правоведение. 2001. № 4. С. 164–165.

¹² Макарова З. В., Янин М. Г. Обжалование процессуальных действий и решений в системе принципов уголовного судопроизводства // Актуальные вопросы уголовного процесса современной России: межвузовский сборник научных трудов. Уфа, 2003.

Проблемы и вопросы конституционного и административного права

УДК 342.951:347.63.03+347.63.03

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Д. С. Ветошкин,

старший лейтенант полиции, командир взвода факультета подготовки сотрудников полиции, Уральский юридический институт МВД России

Рассматривается вопрос о привлечении родителей и иных законных представителей несовершеннолетних к административной ответственности за курение в неустановленных местах. Автор предлагает ввести в КоАП РФ новую статью, которая бы помогла сотрудникам, уполномоченным составлять протоколы об административных правонарушениях, привлекать к административной ответственности родителей и иных законных представителей несовершеннолетних без особых трудностей.

Ключевые слова: родители, несовершеннолетние, административная ответственность, курение.

В настоящее время очень часто подразделения по делам несовершеннолетних составляют протоколы об административных правонарушениях не за деяния родителей или законных представителей, а за совершенное его ребенком правонарушение, в то время как ответственность родителей по ст. 5.35 КоАП РФ имеет самостоятельное основание.

Необходимо учитывать, что не каждый проступок несовершеннолетнего является следствием неисполнения или ненадлежащего исполнения родительских обязанностей по воспитанию. Как правило, совершение правонарушения или антиобщественных действий несовершеннолетним часто связано с физиологическими и психологическими особенностями его личности, и составление протокола в отношении родителя или законного представителя в некоторых случаях является неконкретизированным. Например, 26 декабря 2009 г. выявлен факт ненадлежащего исполнения родительских обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего сына Я.: сын из-под контроля родителей вышел, родители не справляются с его воспитанием. Как следует из материалов дела, в указанный день несовершеннолетний Я. находился на территории школы «Лик», где курил сигареты. По месту учебы характеризуется положительно, учится удовлетворительно, пропусков занятий не имеет. Родители контролируют посещаемость

и учебу несовершеннолетнего. Доказательств, устанавливающих вину родителя С. в ненадлежащем воспитании сына, в представленных материалах не усматривается¹.

Каждый протокол об административном правонарушении в отношении несовершеннолетних и их родителей согласно ст. 23.2 КоАП РФ направляется в комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав. Зачастую такие протоколы и материалы дела отправляются на доработку в подразделения по делам несовершеннолетних за недостаточностью доказательственной базы в отношении родителей или других законных представителей.

Неисполнение обязанностей должно быть выражено в практически полном бездействии родителей, т.е. когда они не исполняют своих обязанностей по воспитанию и обучению детей: не заботятся о нравственном воспитании, физическом развитии детей, укреплении их здоровья, полноценном питании, создании необходимых условий для своевременного получения ими образования, успешного обучения, организации досуга детей.

В п. 1 ст. 6 Федерального закона от 10 июля 2001 г. № 87-ФЗ «Об ограничении курения табака»² определено, что в целях снижения вредного воздействия табачного дыма запрещается курение табака на рабочих местах, в городском и пригородном транспорте, на воздушном транспорте при продолжи-

тельности полета менее трех часов, в закрытых спортивных сооружениях, организациях здравоохранения, организациях культуры, на территориях и в помещениях образовательных организаций, в помещениях, занимаемых органами государственной власти, за исключением курения табака в специально отведенных местах для курения табака.

На основании ч. 1 ст. 12 Закона РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании»³ образовательным учреждением является учреждение, осуществляющее образовательный процесс, т.е. реализующее одну или несколько образовательных программ и (или) обеспечивающее содержание и воспитание обучающихся, воспитанников.

В ст. 1 Федерального закона «Об ограничении курения табака» указано, что под курением табака понимается процесс вдыхания дыма тлеющих табачных изделий⁴.

В настоящее время законодательством РФ ответственность за вышеперечисленные деяния, запрещенные Федеральным законом «Об ограничении курения табака», не установлена, однако можно утверждать, что курение в общественном месте должно предусматривать и влечь за собой административную ответственность. Курение несовершеннолетнего на территории образовательного учреждения будет являться антиобщественным деянием.

Пункт 3 ст. 6 Федерального закона «Об ограничении курения табака» предусматривает административную ответственность за нарушение требований, предусмотренных п. 1 и п. 2 данной статьи. В связи с этим, на наш взгляд, относительно данного пункта имеется пробел в законодательном регулировании. КоАП РФ не предусматривает практически никаких санкций за невыполнение данной обязанности, что делает невозможным привлечение виновных лиц к ответственности. Действие (бездействие) в нарушение запрета курения или обязанности по организации специальных мест для курения, совершенное работодателем, будет иметь все признаки административного правонарушения: общественную вредность⁵, виновность, противоправность (поскольку нарушаются положения федерального закона), кроме одного – наказуемости.

Практически единственной санкцией в данной сфере является административная ответственность за курение в вагонах (в том числе в тамбурах) пригородного поезда, что является согласно ч. 3 ст. 11.17 КоАП РФ от-

дельным составом административного правонарушения, за которое следует административная ответственность в виде предупреждения или наложения административного штрафа в размере ста рублей.

Законодатель в ст. 1 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»⁶ под антиобщественным действием подразумевает действия несовершеннолетнего, выражающиеся в систематическом употреблении наркотических средств, психотропных и (или) одурманивающих веществ, алкогольной и спиртосодержащей продукции, пива и напитков, изготавливаемых на его основе, занятии проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством, а также иные действия, нарушающие права и законные интересы других лиц.

Таким образом, мы считаем целесообразным дополнить ст. 1 данного закона после слов «наркотических средств» словами «курение табачных изделий». Эта новелла поможет повысить эффективность деятельности подразделений по делам несовершеннолетних в подготовке доказательной базы при привлечении к административной ответственности. Курение несовершеннолетнего на территории образовательного учреждения будет являться антиобщественным действием.

Можно было бы согласиться с мнением В. А. Минора, который предлагает следующую редакцию диспозиции ст. 20.22 КоАП РФ: «Появление в состоянии опьянения несовершеннолетних, а равно распитие ими пива и напитков, изготавливаемых на его основе, алкогольной и спиртосодержащей продукции, курение, потребление ими наркотических средств или психотропных веществ в общественных местах». Административная ответственность за данное правонарушение должна предусматривать наложение административного штрафа на родителей несовершеннолетних в размере от трех до пяти тысяч руб.⁷ Но, на наш взгляд, административное правонарушение, выразившееся в курении в общественном месте, должно предусматриваться нормативным актом. А размер штрафа должен быть разумным, так как сумма от трех до пяти тысяч рублей для некоторых субъектов Российской Федерации является крупной. Так, размер прожиточного минимума в Свердловской области во втором квартале 2011 года составил 6600 рублей⁸, а некоторые граждане по-

лучают заработную плату ниже прожиточного минимума.

В связи с изложенным мы считаем целесообразным гл. 6 КоАП РФ «Административные правонарушения, посягающие на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность» дополнить ст. 6.7.1 «Нарушение несовершеннолетними законодательства в области ограничения курения табака» следующего содержания: «Нарушение несовершеннолетними в возрасте до шестнадцати лет законодательства в области ограничения курения табака – влечет наложение административного штрафа на родителей и законных представителей несовершеннолетнего в размере от пятисот до одной тысячи рублей».

При этом под курением табака следует понимать вдыхание дыма тлеющих табачных изделий, а под табачными изделиями – изделия для курения, жевания или нюханья, упакованные в потребительскую тару, в том числе сигареты с фильтром, сигареты без фильтра, папиросы, сигары, сигариллы, табак трубочный, табак курительный, махорка-крупка курительная (в соответствии со ст. 1 Федерального закона «Об ограничении курения табака»).

Данная статья, на наш взгляд, помогла бы сотрудникам полиции привлекать к административной ответственности родителей и законных представителей несовершеннолетних за вышеуказанное антиобщественное деяние и внесла бы положительные изменения в работу подразделений по делам несовершеннолетних – в профилактическом направлении деятельности, а также при выявлении и фиксации фактов ненадлежащего исполнения обязанностей родителей и законных представителей несовершеннолетних по их воспитанию.

¹ Методические рекомендации по составлению протоколов по ст. 5.35 Кодекса РФ об административных правонарушениях. Екатеринбург, 2010. С. 7.

² СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 2942.

³ СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 150.

⁴ СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 2942.

⁵ Бахрах Д. Н., Россинский В. Б., Старилов Ю. Н. Административное право: учебник. М., 2004. С. 491–492.

⁶ СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.

⁷ Минор В. А. Превентивная функция административной ответственности несовершеннолетних: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, С. 12.

⁸ URL: <http://www.urbc.ru/>.

Статья поступила в редакцию 10 января 2012 г.

К ВОПРОСУ О РЕФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБОЙ

Н. И. Иоголевич,

доктор психологических наук, профессор кафедры конституционно-го и административного права, Южно-Уральский государственный университет

М. С. Сагандыков,

кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового и социального права, Южно-Уральский государственный университет

Проанализированы проблемы, связанные с реформированием системы управления государственной гражданской службой. Важнейшим направлением реформ является повышение эффективности привлечения и использования персонала на государственной службе. Для этого необходимо скорректировать кадровую политику, в том числе систему конкурсного отбора и аттестацию, а также ограничить финансовую зависимость государственных служащих от бизнес-структур.

Ключевые слова: *государственная гражданская служба, конкурс на государственной службе, управление государственной службой.*

В соответствии с федеральной программой «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы)» одной из основных ее задач является создание организационной и эффективной модели управления государственной службой в Российской Федерации до 2013 года.

В настоящее время серьезно рассматривается вопрос о необходимости придания системе отечественной государственной гражданской службы открытого характера. Примером открытой децентрализованной системы государственной гражданской службы является модель, сложившаяся в Великобритании. Эта модель имеет название «менеджерской» и представляет большой интерес для современных исследователей из-за своей оригинальности по сравнению с российской моделью. Рассматриваемая модель предполагает возможность использования так называемого «бокового входа», т.е. специалистов извне (научных работников, экспертов, представителей бизнеса). Безусловно, это обогащает профессиональную наполняемость государственной службы. Однако, как верно отмечают В. Г. Румянцев и В. В. Кузьмин, «необходимо помнить, что сохранение в какой-то степени закрытой системы государственной гражданской службы способствует ограждению государственного аппарата от создания групп влияния, действующих в корпоративных интересах бизнес-структур, представляющих их

интересы. Часто бизнес-структуры рассматривают государственный аппарат, с одной стороны, как источник сравнительно дешевых и достаточно квалифицированных кадров, а с другой – как сферу негласной экспансии, распространяя свое влияние на которую можно более успешно отстаивать корпоративные интересы, в том числе противостоять конкурентам, что противоречит сущности государственного аппарата, который представляет собой публичную власть, призванную действовать в общественных интересах, а не в интересах частных или корпоративных»¹.

Безусловно, «боковой вход» в государственную службу должен существовать, однако нельзя отходить от отечественной традиции построения государственной гражданской службы на основе принципов иерархии и единоначалия.

По нашему мнению, конкуренция извне, которую и представляет собой «боковой вход», должна обеспечиваться реальными конкурсными процедурами как при приеме на государственную службу, так и при ее прохождении.

Несколько слов об аттестации. Считаем, что в своем сегодняшнем виде аттестация не решает проблем, стоящих перед системой управления кадрами государственной гражданской службой. На наш взгляд, проверка профессиональных качеств госслужащих должна осуществляться по модели педагогических работников вузов. С определенной пе-

риодичностью должен устраиваться конкурс (а не аттестация, как сейчас) с возможным участием не только лица, в настоящий момент занимающего данную должность, но и других претендентов – как других государственных служащих, так и обычных граждан. Усиление конкуренции только положительно скажется на повышении профессионализма государственных служащих.

Сложившаяся система государственной службы делает ее привлекательной для трудоспособного населения. Государственная гражданская служба является одним из приоритетных направлений профессиональной деятельности и для выпускников высших учебных заведений в сфере юриспруденции, экономики и управления, и для более старшего поколения.

Собственно для самой системы такое положение вещей следует признать удачным, поскольку позволяет создавать конкуренцию между кандидатами на должность. Проблема в том, что уровень материального положения и социальной защищенности государственных служащих привлекает на государственную службу и тех кандидатов, которые ни по уровню образования и профессионализма, ни по морально-этическим качествам не соответствуют требованиям, предъявляемым к государственным служащим. Можно говорить о том, что для многих государственных служащих служба является не столько профессиональным ориентиром, и уж тем более не призванием, сколько средством улучшения материального благополучия (причем в некоторых случаях незаконными способами).

Необходимы механизмы вытеснения с государственной службы непрофессиональных и не порядочных граждан. Эти механизмы могут иметь экономическую, социальную и правовую основы. К ним можно отнести следующие.

1. Усиление общественного контроля за государственной гражданской службой. Участие представителей гражданского общества в формировании кадрового состава и оценке результатов деятельности государственных служащих.

2. Декларирование не только доходов, но и крупных расходов государственных гражданских служащих и членов их семей. Выяснение источников дохода в том случае, если заявленные расходы заметно превышают доходы, либо сумма доходов значительно выше

установленной государственному служащему заработной платы.

3. Полный запрет участия в деятельности юридических лиц в любом виде, в том числе посредством владения ценными бумагами. А применительно к должностям государственной гражданской службы категорий «руководители» и «помощники (советники)» запрет должен распространяться не только на самого государственного служащего, но и на его близких родственников.

4. Установление ряда социальных гарантий должно зависеть от продолжительности службы, т.е. стимулировать длительность службы, а не возможность сиюминутного заработка. Например, единовременная выплата для приобретения или строительства жилья по аналогии с Федеральным законом от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»² должна предоставляться государственным служащим, отработавшим в системе не менее 10 лет, тогда как в соответствии с Постановлением Губернатора Челябинской области от 17 сентября 2009 г. № 227-П «О предоставлении государственным гражданским служащим Челябинской области единовременной субсидии на приобретение жилого помещения»³ субсидия может предоставляться при стаже службы не менее трех лет.

Возможно установление и других механизмов, направленных на совершенствование кадровой политики в государственной гражданской службе.

Таким образом, направление, по которому должна развиваться государственная гражданская служба, должно определяться, во-первых, открытостью и прозрачностью во взаимоотношениях с гражданами, а, во-вторых, строжайшей дисциплиной во взаимоотношениях с государством в лице руководителя государственного органа.

Для России более эффективными будут установление единой, иерархичной системы государственной службы, унификация федеральной и региональной государственной службы с одновременным «открытием» службы для высококвалифицированных кадров за счет жесткой, а не формальной, системы конкурсного отбора, дополнительного профессионального образования и ограничения зависимости от бизнес-структур.

¹ Румянцева В. Г., Кузьмин В. В. Проблемы и перспективы рецепции «менеджерской модели» государственной службы в современной России // Юридический мир.

2008. № 5.

² Российская газета. 2011. 21 июля.

³ СПС «КонсультантПлюс».

Статья поступила в редакцию 10 марта 2012 г.

ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕСОБЛЮДЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ БЕЗОПАСНОСТИ И КАЧЕСТВА ПРОДУКЦИИ В СФЕРЕ ТЕХНИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В. В. Кванина,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского и коммерческого права, Южно-Уральский юридический университет

Выявляется несоответствие между нормами Федерального закона «О техническом регулировании», с одной стороны, и нормами КоАП РФ, УК РФ, ГК РФ, с другой стороны, посвященными вопросам ответственности изготовителя, продавца, поставщика продукции, работ, услуг за несоблюдение требований безопасности и качества продукции в сфере технического регулирования.

Ключевые слова: *техническое регулирование, безопасность продукции, качество продукции, товаров, работ и услуг, административно-правовая ответственность, уголовно-правовая ответственность, гражданско-правовая ответственность.*

Техническое регулирование – условное понятие, включающее в себя: а) разработку, принятие, применение и исполнение обязательных требований к продукции, в том числе зданиям и сооружениям, или к продукции и связанным с требованиями к продукции процессам проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации; б) разработку, принятие, применение и исполнение на добровольной основе требований к продукции, процессам проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, выполнению работ или оказанию услуг; в) оценку соответствия (п. 1 ст. 1 Федерального закона «О техническом регулировании» от 27 января 2002 г. № 184-ФЗ¹, далее – ФЗ № 184).

ФЗ № 184 установил, что обязательные для применения и исполнения требования относятся только к безопасности продукции, которая должна быть закреплена в технических регламентах. Все остальные требования, касающиеся характеристики продукции, правил осуществления и характеристики процессов проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, выполнения работ или оказания услуг, отнесены к сфере стандартизации, в основе которой лежит принцип добровольности применения и исполнения стандартов. В стандартах же устанавливаются в

том числе требования к качеству продукции, работ и услуг.

Термин «продукция» в законодательстве о техническом регулировании означает результат деятельности, представленный в материально-вещественной форме и предназначенный для дальнейшего использования в хозяйственных и иных целях.

Технические регламенты могут приниматься в целях:

- защиты жизни или здоровья граждан, имущества физических или юридических лиц, государственного или муниципального имущества;
- охраны окружающей среды, жизни или здоровья животных и растений;
- предупреждения действий, вводящих в заблуждение приобретателей, в том числе потребителей;
- обеспечения энергетической эффективности и ресурсосбережения.

При этом технические регламенты устанавливают только минимально необходимые требования, обеспечивающие различные виды безопасности продукции или продукции и связанных с требованиями к продукции процессов проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации.

В общих чертах об ответственности в сфере технического регулирования речь идет в ст. 36 ФЗ № 184. В ней обозначены основания наступления ответственности изготовителя, исполнителя, продавца и лица, выпол-

няющего функции иностранного изготовителя, без конкретизации видов и мер ответственности.

В качестве оснований ответственности выступают:

1) нарушение требований технических регламентов;

2) неисполнение предписаний и решений органа государственного контроля (надзора);

3) причинение вреда жизни или здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений вследствие несоответствия продукции требованиям технических регламентов, нарушений требований технических регламентов при осуществлении связанных с требованиями к продукции процессов проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации;

4) угроза причинения вреда жизни или здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений, возникающая в результате несоответствия продукции требованиям технических регламентов, нарушений требований технических регламентов при осуществлении связанных с требованиями к продукции процессов проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации.

Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод, что за нарушение требований законодательства о техническом регулировании предусмотрена административная, уголовная и гражданско-правовая ответственность.

Административно-правовая ответственность в данной сфере регулирования была подвергнута существенному преобразованию Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 237-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»²: с 19 января 2012 г. вступили в силу поправки, ужесточающие данную ответственность. Все нормы об ответственности за нарушение законодательства в сфере технического регулирования и сертификации продукции сгруппированы в новых ст. 14.43–14.49 КоАП РФ. Они предусматривают нака-

зание в зависимости от тяжести совершенного административного правонарушения – в виде штрафа, штрафа с конфискацией предметов административного правонарушения, административного приостановления деятельности на срок до 90 суток с конфискацией предметов административного правонарушения. Максимальный размер штрафа в отношении юридического лица установлен в размере одного миллиона рублей.

Указанным выше федеральным законом существенному изменению подверглась и ст. 14.4. КоАП РФ, которая предусматривала ответственность за продажу товаров, выполнение работ либо оказание услуг, не соответствующих требованиям стандартов, техническим условиям или образцам по качеству, комплектности или упаковке. С 19 января 2012 г. она предусматривает только ответственность за продажу товаров, выполнение работ либо оказание услуг населению, не соответствующих образцам по качеству, либо не соответствующих нормативным правовым актам, устанавливающим порядок (правила) выполнения работ либо оказания услуг населению. Реформирование административно-правовых норм в сфере технического регулирования позволяет прийти к выводу, что государство «ушло» из сферы стандартизации, возложив защиту нарушенных прав при несоответствии потребительских свойств товаров, работ и услуг на самих участников гражданского оборота. Данные новеллы представляются совершенно необоснованными, поскольку на практике это приведет к самым серьезным негативным последствиям для потребителей, в том числе потребителей.

Относительно уголовной ответственности следует отметить, что до настоящего времени УК РФ еще не приведен в соответствие с ФЗ № 184 и не предусматривает ответственность за нарушение требований технических регламентов. В то же время он содержит ряд норм, предусматривающих ответственность за нарушение требований о безопасности продукции. Речь идет, в частности, о ст. 238, 247, 249 УК РФ. Несмотря на указанное несоответствие, на сегодняшний день имеется судебная практика о привлечении к уголовной ответственности за нарушение обязательных требований, предъявляемых к продукции. В большинстве случаев применение мер уголовной ответственности по этому основанию осуществляется в соответствии с нормами ст. 238 УК РФ³.

Гражданско-правовая ответственность в сфере технического регулирования наступает в случае причинения вреда жизни или здоровью граждан, имуществу (государственному или муниципальному, физических или юридических лиц) и окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений. Вред подлежит возмещению по правилам параграфа 1 гл. 59 ГК РФ («Обязательства вследствие причинения вреда»). Если в качестве потерпевшего выступает потребитель, то вред подлежит возмещению по правилам параграфа 3 указанной главы и законодательства о защите потребителей.

В отличие от ФЗ № 184, ГК РФ содержит более ограниченный состав объектов, причиненный вред которым подлежит возмещению. В частности, в нем не перечислены такие объекты, как жизнь или здоровье растений и животных, а также государственное и муниципальное имущество. И соответственно в этой части ГК РФ должен быть приведен в соответствие с ФЗ № 184.

Гражданско-правовая ответственность предусмотрена и за нарушение требований, предъявляемых к безопасности продукции.

Под безопасностью продукции понимается состояние, при котором отсутствует недопустимый риск, связанный с причинением вреда жизни или здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений (ст. 2 ФЗ № 184).

В ст. 1 Федерального закона «О качестве и безопасности пищевых продуктов» от 2 января 2002 г. № 29-ФЗ⁴ под безопасностью пищевых продуктов понимается состояние обоснованной уверенности в том, что пищевые продукты при обычных условиях их использования не являются вредными и не представляют опасности для здоровья нынешнего и будущих поколений.

В словаре русского языка С. И. Ожегова под безопасностью понимается положение, при котором не угрожает опасность кому- или чему-нибудь⁵. Качество – наличие существенных признаков, свойств, особенностей, отличающих один предмет или явление от других⁶.

В ст. 1 Федерального закона «О качестве и безопасности пищевых продуктов» качество пищевых продуктов определено как совокупность характеристик пищевых продуктов, способных удовлетворять потребности чело-

века в пище при обычных условиях их использования.

С учетом изложенного понимания категорий «безопасность» и «качество» можно прийти к выводу, что безопасность является элементом более широкого понятия «качество». В связи с этим в целях единообразного применения соответствующих институтов законодательству необходимо четко разграничить эти понятия и внести соответствующие коррективы в действующее законодательство.

В ГК РФ отсутствуют нормы, посвященные ответственности за нарушение требований, предъявляемых к безопасности продукции. Причем удивляет половинчатость мер, предпринятых законодателем по вопросу приведения норм ГК РФ в соответствие с положениями ФЗ № 184. Так, Федеральным законом от 19 июня 2011 г. № 248-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с реализацией положений Федерального закона «О техническом регулировании»⁷ были внесены изменения в ст. 474 ГК РФ, согласно которым теперь проверка качества товаров может быть предусмотрена и обязательными требованиями, установленными в соответствии с законодательством Российской Федерации о техническом регулировании. Другие же статьи ГК РФ при этом не были скорректированы с учетом норм ФЗ № 184.

Учитывая, что безопасность – это составной элемент качества продукции, необходимо оперировать последствиями, предусмотренными п. 1, 2 ст. 475 ГК РФ. В данной статье речь идет о последствиях передачи товара ненадлежащего качества. В п. 1 ст. 475 ГК РФ предусмотрены последствия передачи товара ненадлежащего качества, если недостатки товара не были оговорены продавцом; в п. 2 речь идет о существенном нарушении требований к качеству товара (обнаружение неустранимых недостатков, которые не могут быть устранены без несоразмерных расходов или затрат времени, или выявляются неоднократно, либо появляются вновь после их устранения, и других подобных недостатков). Представляется, что именно обозначенные в п. 2 ст. 475 ГК РФ нарушения требований к качеству продукции соответствуют понятию безопасности продукции.

В качестве мер защиты данная норма предусматривает отказ приобретателя от исполнения договора купли-продажи и возврат уплаченной за товар денежной суммы; замену

товара ненадлежащего качества на товар, соответствующий договору.

Поскольку технические регламенты устанавливают обязательные для применения и исполнения требования к продукции, то их несоблюдение следует рассматривать в качестве нарушения публичного правопорядка. В силу этого предусмотренные п. 2 ст. 475 ГК РФ меры защиты являются слишком «мягкими» по отношению к изготовителю, не учитывающими тяжесть совершенного правонарушения. Кроме того, безопасность товара может быть и не определена в договоре, поскольку нет смысла дублировать в нем требования закона. Данные обстоятельства позволяют прийти к выводу о целесообразности введения более жестких последствий: отказ от исполнения договора купли-продажи и возмещение убытков; замена товара ненадлежащего качества на товар надлежащего качества и возмещение убытков. В отличие от ГК РФ, Закон РФ «О защите прав потребителей» от 7 февраля 1992 г. № 2-ФЗ⁸ предусматривает право потребителя на отказ от исполнения договора купли-продажи и возмещение убытков (ст. 18).

Реформирование института технического регулирования в России проходило под девизом упрощения дорыночного контроля за деятельностью хозяйствующих субъектов посредством введения института оценки соответствия. Однако на практике проконтролировать соответствие продукции требованиям технических регламентов крайне сложно. Это обусловлено тем, что плановые проверки хозяйствующих субъектов могут осуществляться не чаще одного раза в три года, при этом контролирующие органы обязаны заранее проинформировать проверяемое лицо о дате проверки. Что касается обязательного подтверждения соответствия, то согласно п. 3 ст. 23 ФЗ № 184 декларация о соответствии и сертификат соответствия действуют в отношении каждой единицы продукции, выпускаемой в обращение на территории РФ во время действия данных документов, в течение срока годности или срока службы продукции. Иными словами, только отдельные единицы продукции проходят процедуру экспертизы на предмет их соответствия техническим регламентам; соответствие всей остальной выпускаемой в обращение продукции остается на совести изготовителя.

Судебная практика подтверждает вывод о том, что наличие сертификата соответствия

или декларации о соответствии не является гарантией соответствия реальной продукции требованиям технических регламентов⁹.

Процесс обращения продукции состоит из следующих этапов ее продвижения: изготовитель – поставщик – покупатель. ФЗ № 184 в равной мере предъявляет требования об обязательном подтверждении соответствия к изготовителю и поставщику. Если в процессе обращения продукции поставщиком будет установлено ее несоответствие техническим регламентам, то к ответственности будет привлечен поставщик, а не изготовитель. Суды, рассматривая данную категорию дел, указывают, что вина поставщика заключается в неосуществлении им внутреннего контроля¹⁰. Это представляется справедливым с позиции интересов потребителя; права же поставщика в данном случае нарушаются. При принятии продукции от изготовителя он руководствуется декларацией о соответствии или сертификатом соответствия, при этом он не может проверить каждую единицу продукции на предмет ее соответствия техническим регламентам. В этой ситуации справедливым было бы привлечение к ответственности в качестве соответчика и изготовителя. Заметим, что Закон РФ «О защите прав потребителей» позволяет потребителю в случае причинения вреда вследствие недостатков товара и в отдельных случаях при обнаружении в товаре недостатков по выбору обращаться не только к продавцу, но и к изготовителю (соответственно п. 3 ст. 14 и п. 2, 3 ст. 18).

Что касается добровольного подтверждения соответствия работ и услуг, то и в этой части проблем не меньше. В их отношении ФЗ № 184 не предусматривает осуществление государственного контроля (надзора), а КоАП РФ – ответственность за выпуск товаров, работ и услуг, не соответствующих требованиям стандартов. Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека также не наделена правом на осуществление надзора за соблюдением изготовителями, исполнителями, продавцами требований стандартов, поддерживаемых ими в добровольном порядке. Данные органы вправе лишь осуществлять надзор за соблюдением обязательных требований, т.е. требований технических регламентов (ст. 40 Закона РФ «О защите прав потребителей»). Указание в подп. 2 п. 2 ст. 40 данного закона на «организацию и проведение проверок соответствия ... (работ, услуг) обязательным требованиям,

обеспечивающим безопасность ... (работ, услуг) для жизни и здоровья потребителей...» представляется либо опiskeй либо ошибкой, поскольку в отношении работ и услуг обязательных требований, обеспечивающих их безопасность, действующее законодательство не предусматривает.

Таким образом, приобретатели, в том числе потребители продукции, работ и услуг, не обеспечены государственными мерами защиты в случае нарушения их прав.

За несоблюдение требований законодательства о техническом регулировании ФЗ № 184 наделяет органы государственного контроля (надзора) правом применять в отношении изготовителей, исполнителей, продавцов санкции, не относящиеся к мерам ответственности. Например, они вправе выдавать предписание о приостановлении или прекращении действия декларации о соответствии лицу, принявшему декларацию, и информировать об этом федеральный орган исполнительной власти, организующий формирование и ведение единого реестра деклараций о соответствии; в случае если орган государственного контроля (надзора) получил информацию о несоответствии продукции требованиям технических регламентов и необходимо принятие незамедлительных мер по предотвращению причинения вреда жизни или здоровью граждан при использовании этой продукции либо угрозы причинения такого вреда, орган государственного контроля (надзора) вправе выдать предписание о приостановке реализации этой продукции. Вряд ли можно согласиться с данной нормой в полной мере, поскольку цели принятия технических регламентов значительно шире и взаимосвязаны. Например, причинение вреда окружающей среде через определенный промежуток времени может повлечь причинение вреда здоровью граждан. В случае невыполнения предписания о разработке программы мероприятий по предотвращению причинения вреда или ее невыполнения орган государственного контроля (надзора) вправе обратиться в суд с иском о принудительном отзыве продукции (ст. 40).

Аналогичные меры вправе предпринять и Федеральная служба по надзору в сфере за-

щиты прав потребителей и благополучия человека. Однако кроме указанных мер данный орган вправе обращаться в суд с заявлениями о ликвидации изготовителя (исполнителя, продавца, уполномоченной организации, импортера) либо о прекращении деятельности индивидуального предпринимателя) за неоднократное (два и более раза в течение одного календарного года) или грубое (повлекшее смерть или массовые заболевания, отравления людей) нарушение прав потребителя (подп. 7 п. 4 ст. 40 Закона РФ «О защите прав потребителей»); причем эта норма соответствует п. 2 ст. 61 ГК РФ.

Относительно данной меры непонятна несогласованность норм ФЗ № 184 и Закона РФ «О защите прав потребителей», тем более что данные законы были подвергнуты существенному изменению одновременно – 18 июля 2011 г.

Таким образом, вышеизложенное свидетельствует о несогласованности законодательства в сфере технического регулирования и об отсутствии должных мер защиты прав приобретателей, в том числе потребителей продукции, работ и услуг, в отношении которых установлены обязательные и добровольные требования к их безопасности и качеству, что ставит на повестку дня устранение обозначенных проблем.

¹ СЗ РФ. 2002. № 52 (ч. I). Ст. 5140.

² СЗ РФ. 2011. № 30. (ч. I). Ст. 4585.

³ О проблемах применения ст. 238 УК РФ см.: Воронин В. В. Ответственность за оборот потребительских товаров, не отвечающих требованиям безопасности // Уголовный процесс. 2005. № 1. URL: <http://www.lawlibrary.ru/article1195451.html>.

⁴ СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 150.

⁵ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1952. С. 33.

⁶ Там же. С. 237.

⁷ СЗ РФ. 2011. № 30 (ч. I). Ст. 4596.

⁸ СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

⁹ См., например: Кассационное определение Верховного суда Республики Карелия от 13 сентября 2011 г. № 33-2764/2011 // СПС «Гарант».

¹⁰ См., например: Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23 декабря 2011 г. № 19АП-6406/11 // СПС «Гарант».

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БАНКОВ И ИНЫХ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ СУДЕБНОГО ПРИСТАВА-ИСПОЛНИТЕЛЯ: АНАЛИЗ ОШИБОК ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ч. 2 ст. 17.14 КоАП РФ

Г. С. Костина,

*соискатель,
Воронежский государственный университет*

Рассмотрены ошибки при применении ч. 2 ст. 17.14 КоАП РФ, предусматривающей ответственность банков и иных кредитных организаций за неисполнение требований судебного пристава-исполнителя. Обоснована необходимость введения такого единого акта, как регламент Федеральной службы судебных приставов в сфере применения административной ответственности.

Ключевые слова: *судебный пристав-исполнитель, административная ответственность, банк, кредитная организация.*

Правильное и своевременное исполнение судебных актов, актов других органов и должностных лиц в целях защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций является основной задачей исполнительного производства.

Принудительное исполнение вышеуказанных актов возлагается на Федеральную службу судебных приставов РФ (далее – ФССП) и ее территориальные органы. В 2010 году на исполнении в ФССП находилось более 50,8 млн исполнительных производств, 53 % из них было возбуждено на основании судебных актов¹.

В соответствии со ст. 7 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»² (далее – Закон) требования, содержащиеся в судебных актах, актах других органов и должностных лиц, исполняются органами, организациями, в том числе государственными органами, органами местного самоуправления, банками и иными кредитными организациями, должностными лицами и гражданами.

Кредитной организацией согласно ст. 1 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1-ФЗ «О банках и банковской деятельности» признается юридическое лицо, которое для извлечения прибыли как основной цели своей деятельности на основании специального разрешения (лицензии) Центрального банка Российской Федерации (Банка России) имеет право осуществлять банковские операции³.

Банк представляет собой кредитную организацию, которая имеет исключительное

право осуществлять в совокупности следующие банковские операции: привлечение во вклады денежных средств физических и юридических лиц, размещение указанных средств от своего имени и за свой счет на условиях возвратности, платности, срочности, открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц.

Законодатель закрепляет право взыскателя направить исполнительный документ о взыскании денежных средств либо непосредственно в банк или иную кредитную организацию (ст. 8 Закона), либо в службу судебных приставов для принудительного исполнения.

В случае направления исполнительного документа в банк, порядок его принятия и оплаты устанавливается «Положением о порядке приема и исполнения кредитными организациями, подразделениями расчетной сети банка России исполнительных документов, предъявляемых взыскателями»⁴.

При получении исполнительного документа судебным приставом-исполнителем принимаются все необходимые меры для правильного и своевременного исполнения данного акта в соответствии с Законом.

За неисполнение содержащегося в исполнительном документе требования о взыскании денежных средств с должника ФССП вправе привлечь банк или иную кредитную организацию к административной ответственности по ч. 2 ст. 17.14 КоАП РФ.

Согласно статистическим данным в 2010 году ФССП возбуждено 327 712 дел об административных правонарушениях, из них по ч. 2 ст. 17.14 КоАП РФ составлено всего

46 протоколов, из которых рассмотрено 35 дел; по 34 судьями приняты решения об отказе в удовлетворении заявлений⁵.

Самыми распространенными основаниями для отказа в удовлетворении заявлений о привлечении к административной ответственности по ч. 2 ст. 17.14 КоАП РФ являются следующие.

1. Судебные приставы-исполнители относят к числу исполнительных документов о взыскании денежных средств постановления о наложении ареста на денежные средства и перечислении денежных средств на депозитный счет службы судебных приставов.

Статьей 12 Закона исполнительными документами признаются:

1) исполнительные листы, выдаваемые судами общей юрисдикции и арбитражными судами на основании принимаемых ими судебных актов;

2) судебные приказы;

3) нотариально удостоверенные соглашения об уплате алиментов или их нотариально удостоверенные копии;

4) удостоверения, выдаваемые комиссиями по трудовым спорам;

5) акты органов, осуществляющих контрольные функции, о взыскании денежных средств с приложением документов, содержащих отметки банков или иных кредитных организаций, в которых открыты расчетные и иные счета должника, о полном или частичном неисполнении требований указанных органов в связи с отсутствием на счетах должника денежных средств, достаточных для удовлетворения этих требований;

6) судебные акты, акты других органов и должностных лиц по делам об административных правонарушениях;

7) постановления судебного пристава-исполнителя;

8) акты других органов в случаях, предусмотренных федеральным законом;

9) исполнительная надпись нотариуса при наличии соглашения о внесудебном порядке обращения взыскания на заложенное имущество, заключенного в виде отдельного договора или включенного в договор о залоге.

В постановлении ФАС Северо-Западного округа от 2 октября 2008 г. по делу № А42-1892/2008⁶ указано, что исходя из ст. 12 и 13 Закона постановление судебного пристава-исполнителя о наложении ареста на денежные средства и перечислении денежных средств на депозитный счет службы судебных приста-

вов само по себе исполнительным документом не является. Кроме того, ответственность за неисполнение постановления судебного пристава-исполнителя ч. 2 ст. 17.14 КоАП РФ не предусмотрена. Расширение сферы действия норм об административной ответственности в правоприменительной практике недопустимо.

Данной позиции также придерживается Высший Арбитражный Суд РФ в Определении от 5 февраля 2009 г. № 7/09, ФАС Дальневосточного округа в постановлении от 15 марта 2010 г. № Ф03-449/2010 по делу № А51-1928/2009, ФАС Поволжского округа в постановлении от 21 декабря 2010 г. по делу № А65-16539/2010 и др.

Порядок обращения взыскания на денежные средства предусмотрен ст. 70 Закона. Так, перечисление денежных средств со счетов должника осуществляется на основании исполнительного документа и (или) постановления судебного пристава-исполнителя без представления в банк или иную кредитную организацию взыскателем или судебным приставом-исполнителем расчетных документов.

Административная ответственность банка или иной кредитной организации по ч. 2 ст. 17.14 КоАП РФ в свою очередь наступает за неисполнение содержащегося в исполнительном документе требования о взыскании денежных средств с должника.

2. Банк имеет право запросить в службе судебных приставов исполнительный документ, на основании которого возбуждено соответствующее исполнительное производство.

Постановлением ФАС Уральского округа от 3 сентября 2008 г. по делу № А07-2911/08 кассационная жалоба судебного пристава-исполнителя Кировского районного отдела судебных приставов г. Уфы Управления ФССП по Республике Башкортостан о привлечении банка к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 17.14 КоАП РФ, оставлена без удовлетворения. В ходе судебного заседания было установлено, что судебным приставом-исполнителем вынесены постановления об аресте и списании денежных средств. Данные постановления были направлены в банк для исполнения. Банк в свою очередь только наложил арест на денежные средства должника, а для списания денежных средств запросил исполнительный документ, на основании которого возбуждено соответствующее исполнительное производство. Судеб-

ный пристав, считая, что банк был обязан списать денежные средства, привлек его к административной ответственности по ч. 2 ст. 17.14 КоАП РФ.

ФАС Уральского округа отметил, что исполнительный документ, по которому возбуждено исполнительное производство, находится в материалах исполнительного производства, поэтому судебный пристав-исполнитель обязан направить для исполнения в банк два документа: постановление о возбуждении исполнительного производства с приложением копии указанного исполнительного документа.

3. Неправильное определение субъекта правоотношений и привлечение его к административной ответственности.

Согласно ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое КоАП РФ или законами субъектов РФ об административных правонарушениях установлена административная ответственность. Частью 2 ст. 17.14 КоАП РФ закреплена ответственность банка или иной кредитной организации.

К примеру, судебным приставом-исполнителем УФССП России по Красноярскому краю к административной ответственности был привлечен филиал коммерческого банка по тем основаниям, что банк не исполнил требование судебного пристава-исполнителя о списании и перечислении денежных средств должника⁷. В итоге в привлечении филиала к административной ответственности было отказано.

4. Протокол об административном правонарушении составляется в отсутствие законного представителя юридического лица.

Протокол об административном правонарушении согласно ст. 28.2 КоАП РФ подписывается должностным лицом, его составившим, физическим лицом или законным представителем юридического лица, в отношении которых возбуждено дело об административном правонарушении.

Законными представителями юридического лица в соответствии с ч. 2 ст. 25.4 КоАП РФ являются его руководитель, и также иное лицо, признанное в соответствии с законом или учредительными документами органом юридического лица.

В п. 24 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда от 2 июля 2004 г. опреде-

лено, что перечень законных представителей юридического лица, предусмотренный ч. 2 ст. 25.4 КоАП РФ, является закрытым. Так, представитель юридического лица, действующий на основании доверенности, в том числе руководитель его филиала или подразделения, законным представителем не является. Поэтому его извещение не может рассматриваться как извещение законного представителя.

Доказательством надлежащего извещения законного представителя юридического лица о составлении протокола может служить выданная им доверенность на участие в конкретном административном деле. Наличие общей доверенности на представление интересов лица без указания на полномочия по участию в конкретном административном деле само по себе доказательством надлежащего извещения не является.

Так, в Постановлении ФАС Уральского округа от 3 сентября 2008 г. № Ф09-5851/08-С1 по делу №А07-2911/08 установлено, что при составлении протокола об административном правонарушении по ч. 2 ст. 17.14 КоАП РФ присутствовал заместитель управляющего филиала банка, а при рассмотрении дела – физическое лицо на основании общей доверенности, выданной в порядке передоверия управляющим филиала банка.

В связи с тем, что указанные действия произведены в отсутствие законного представителя, судом сделан вывод о существенных нарушениях порядка привлечения к административной ответственности и, как следствие, в привлечении к административной ответственности было отказано.

5. Неправильная квалификация административного правонарушения.

К примеру, судебный пристав-исполнитель Нижнетуринского районного отдела судебных приставов Управления ФССП России по Свердловской области неправильно квалифицировал обстоятельства содеянного и постановлением от 5 мая 2010 г. назначил наказание должнику Н. Р. Якимовой по ч. 2 ст. 17.14 КоАП РФ в виде административного штрафа в размере 1 000 руб. за неявку к судебному приставу-исполнителю. Однако действия Н. Р. Якимовой содержали признаки административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 17.14 КоАП РФ, к тому же судебный пристав-исполнитель не уполномочен рассматривать дела по ч. 2 ст. 17.14 КоАП РФ. По жалобе Н. Р. Якимовой суд от-

менил постановление судебного пристава-исполнителя и дело прекратил за отсутствием состава административного правонарушения⁸.

Согласно ст. 23.1 КоАП РФ судьи рассматривают дела об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 2 ст. 17.14 КоАП РФ, на основании поданного в арбитражный суд заявления судебного пристава-исполнителя.

6. Судебные приставы-исполнители при возбуждении дел по ч. 2 ст. 17.14 КоАП РФ не всегда выполняют требования закона о всестороннем, полном и объективном выяснении обстоятельств каждого дела, а также при описании деяний, подпадающих под признаки состава данного правонарушения, в протоколе не указывают конкретные обстоятельства, доказательства и нормы закона, свидетельствующие о виновности банка или иной кредитной организации в неисполнении требований исполнительного документа⁹.

Например, при привлечении к административной ответственности по ч. 2 ст. 17.14 КоАП РФ в одном из дел не было учтено, что должник является банкротом, а банковский счет специальный и предназначается только для удовлетворения требований кредиторов. Правом распоряжения денежными средствами по такому счету имеет только конкурсный управляющий¹⁰.

7. Нарушение судебным приставом-исполнителем ч. 7 ст. 70 Закона.

В случае получения банком или иной кредитной организацией исполнительного документа от судебного пристава-исполнителя исполнение содержащихся в исполнительном документе требований о взыскании денежных средств осуществляется путем их перечисления на депозитный счет подразделения судебных приставов.

Отсутствие указания на депозитный счет подразделения судебных приставов является основанием для отказа в привлечении банка к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 17.14 КоАП РФ. Данная позиция отражена в постановлении ФАС Уральского округа от 4 декабря 2008 г. № Ф09-9183/08-С1 по делу № А47-5624/08.

Законодатель не возлагает на банк обязанности получать данные реквизиты самостоятельно. В случае если исполнительный документ не соответствует требованиям, установленным законом, банк вправе возвратить исполнительный документ без исполнения, так как у него отсутствуют полномочия нала-

гать арест на имущество должника в виде денежных средств, находящихся на расчетном счете должника.

Обратим внимание на вопрос ассоциации российских банков, адресованный ФССП о взыскании денежных средств, находящихся на нескольких счетах должника.

В ч. 3 ст. 70 Закона указано, что если денежные средства имеются на нескольких счетах должника, то судебный пристав-исполнитель должен указать, с какого счета и в каком объеме должны быть списаны денежные средства. Несмотря на вышеуказанную норму, в кредитные организации часто поступают постановления судебных приставов-исполнителей без указания счетов и сумм, подлежащих списанию.

Так, банк имеет право не исполнить исполнительный документ в четко установленных законодательством случаях. К ним относятся отсутствие денежных средств на счете, наложение ареста на денежные средства и т.д. Кроме того, банк не имеет права самостоятельно решать, с какого счета списывать денежные средства, и у него отсутствуют временные возможности для уточнения постановления судебного пристава-исполнителя.

По применению вышеуказанной нормы ФССП разъяснила, что требования судебного пристава-исполнителя обязательны для всех государственных органов, органов местного самоуправления, граждан и организаций и подлежат неукоснительному выполнению на всей территории РФ. Кроме того, внимание территориальных органов ФССП обращено на недопустимость направления судебными приставами-исполнителями постановлений об обращении взыскания на денежные средства должника без указания конкретного счета и объема денежных средств для списания¹¹.

Письмо ассоциации российских банков, несомненно, свидетельствует о неправильном применении судебными приставами-исполнителями норм действующего законодательства. Так, ФССП подтверждает, что причиной отказа арбитражными судами в удовлетворении заявлений судебных приставов-исполнителей является слабое знание судебными приставами-исполнителями административного законодательства, норм Арбитражного процессуального кодекса РФ и руководящих разъяснений Высшего Арбитражного Суда РФ по вопросам, возникающим в правоприменительной практике¹².

Таким образом, можно сделать вывод о необходимости изменения системы подготовки судебных приставов-исполнителей. Методические рекомендации и письма ФССП о совершенствовании действующего законодательства следует не только доводить до сведения личного состава, а проверять их знание и применение.

Разработка такого единого акта, как регламент ФССП в сфере применения административной ответственности, с полным и четким отражением всей процедуры ее применения, судебной практикой, комментариями, наглядными примерами, несомненно, оказало бы положительное влияние на работу всей службы приставов.

¹ Доклад о результатах деятельности Федеральной службы судебных приставов за 2010 год. URL: http://www.fssprus.ru/otchet_doklad_9.

² СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

³ СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

⁴ Положение о порядке приема и исполнения кредитными организациями, подразделениями расчетной сети Банка России исполнительных документов, предъявляемых взыскателями, утв. Банком России 10 апреля 2006 г. № 285-П // Вестник Банка России. 2006. № 30.

⁵ Письмо Федеральной службы судебных приставов от 18 марта 2011 г. № 12/04-5833-ВВ «О практике применения судебными приставами-исполнителями части 2 и части 2.1 статьи 17.14 КоАП РФ» // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. 2011. № 5.

⁶ СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Письмо Федеральной службы судебных приставов от 18 марта 2011 г. № 12/04-5833-ВВ «О практике применения судебными приставами-исполнителями части 2 и части 2.1 статьи 17.14 КоАП РФ» // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. 2011. № 5.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Письмо ФССП России от 17 декабря 2010 г. № 12/01-28860 – ТИ.

¹² Письмо Федеральной службы судебных приставов от 18 марта 2011 г. № 12/04-5833-ВВ «О практике применения судебными приставами-исполнителями части 2 и части 2.1 статьи 17.14 КоАП РФ» // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. 2011. № 5.

Статья поступила в редакцию 13 января 2012 г.

КАТЕГОРИЯ «ИММУНИТЕТ» В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ РОССИИ

3. В. Макарова,

доктор юридический наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права, Южно-Уральский государственный университет

Н. С. Конева,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права, Южно-Уральский государственный университет

Рассмотрены понятие и особенности конституционно-правовых иммунитетов главы государства, депутатов законодательных (представительных) органов, судей и иных представителей государственной власти.

Ключевые слова: *иммунитет, неприкосновенность, неответственность.*

Вопрос отраслевой принадлежности отдельных видов иммунитетов долгое время не подвергался специальному исследованию, что свидетельствует о наличии существенного пробела в соответствующих отраслях юридической науки.

Вопрос о критериях, позволяющих отнести тот или иной вид правового иммунитета к числу конституционно-правовых, является сложным, так как все общественные отношения в той или иной степени испытывают на себе воздействие норм конституционного права. В этом проявляется особенность конституционно-правового регулирования общественных отношений, состоящая, как отмечается в литературе, в том, что в одних сферах жизни общества конституционное право непосредственно и в полном объеме регулирует общественные отношения, а в других – лишь основополагающие, т.е. такие, которые предопределяют содержание остальных отношений в этих сферах¹. Более того, как отмечает В. О. Лучин, интегративные свойства, проявляющиеся в системообразующей функции конституции, находят свое выражение в том, что те или иные конституционные нормы, вовлекая в орбиту своего функционирования подчас ряд институтов одной, а нередко и нескольких отраслей права, приводят в действие правовой комплекс, отраслевая принадлежность компонентов которого как бы отступает на второй план².

Другими словами, речь идет о том, что любой объект, любая сфера общественной жизни испытывают на себе влияние норм конституционного права, но далеко не на все общественные отношения, возникающие в

данной сфере, эти нормы оказывают непосредственное регулятивное воздействие. При этом под нормами конституционного права мы подразумеваем не только нормы отрасли, атрибутивно связанные с таким источником, как конституция, но и конституционно-правовые нормы, закрепленные в иных источниках конституционного права.

Полагаем, что необходимо остановиться на вопросе, не получившем однозначного разрешения ни в законодательстве, ни в доктринальных источниках: допускает ли Конституция РФ установление каких-либо иных иммунитетов, не нашедших отражения в конституционных нормах.

Конституция РФ непосредственно упоминает о трех видах правовых иммунитетов – иммунитете Президента РФ (ст. 91 Конституции РФ), депутатском иммунитете, иммунитете судей (ст. 122 Конституции РФ). В то же время круг лиц, обладающих иммунитетами по законодательству Российской Федерации, более широкий, хотя в Конституции РФ об иных видах правовых иммунитетов прямо не говорится. Конституция РФ, например, не устанавливает возможность наделения правовым иммунитетом прокуроров и следователей, но такая возможность, на наш взгляд, основывается на ст. 10 Конституции РФ, закрепляющей положение о самостоятельности органов судебной власти, что дает федеральному законодателю право наделения определенных лиц правовыми иммунитетами, поскольку подобная возможность заложена в Конституции РФ.

Мы придерживаемся точки зрения тех авторов, которые полагают допустимым расши-

рение, по сравнению с Конституцией РФ, перечня лиц, обладающих правовым иммунитетом. С. А. Авакьян, например, упоминает о необходимости обеспечить неприкосновенность руководства и аудиторов Счетной палаты в «дополнение к тому, о чем сказано в Конституции»³ (т.е. в дополнение конституционных норм, устанавливающих порядок формирования Счетной палаты).

Возможность расширения перечня лиц, обладающих правовым иммунитетом, обусловлена, на наш взгляд, самой спецификой конституционно-правового регулирования, на что было обращено внимание ранее: одни группы отношений конституционное право регулирует непосредственно и в полном объеме, в других же областях конституционно-правовое регулирование приобретает характер основополагающих начал и принципов, являющихся ориентирами для отраслевого правового регулирования.

Представляется, что при решении вопроса о критериях выделения конституционно-правовых иммунитетов как самостоятельного вида следует исходить из того, что правовой иммунитет – это элемент специального статуса лица, выполняющего государственно или общественно значимые функции. Депутатский иммунитет, например, рассматривается многими авторами как элемент в системе юридических гарантий, обеспечивающих беспрепятственное и эффективное осуществление депутатами их прав и обязанностей⁴. В качестве элемента специального статуса судьи правовой иммунитет исследуется в работах Н. В. Витрука, А. Н. Кокотова, М. А. Митюкова и А. М. Барнашова, В. А. Терехина, Г. А. Шмавонян⁵.

Аналогичная позиция прослеживается и при анализе действующих законодательных актов: статьи закона, посвященные вопросам предоставления правового иммунитета, обычно располагаются в разделах закона о гарантиях деятельности лиц, обладающих специальным статусом.

Предлагаем включать в круг лиц, обладающих конституционно-правовым иммунитетом, прежде всего должностных лиц и членов органов федерального уровня, непосредственно участвующих в осуществлении государственной власти: Президента РФ, членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ, судей Конституционного Суда РФ.

Помимо членов органов и должностных лиц, непосредственно участвующих в осуществлении государственной власти, конституционно-правовую природу имеют иммунитеты таких лиц, как зарегистрированные кандидаты для избрания на должность Президента Российской Федерации, зарегистрированные кандидаты в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, члены избирательных комиссий и комиссий по проведению референдумов с правом решающего голоса, Председатель, заместитель Председателя, аудиторы и инспекторы Счетной палаты Российской Федерации, Уполномоченный по правам человека РФ. Полагаем, что основания для наделения этих лиц правовыми иммунитетами могут быть выведены из той роли, которую они выполняют в процессе осуществления государственной власти. Названные виды иммунитетов предоставляются членам тех государственных органов и должностным лицам, которых сложно однозначно отнести к той или иной ветви власти, но которые либо также выполняют значимые функции государственной власти (как, например, иммунитет аудиторов Счетной палаты РФ), либо участвуют в процессе формирования (в форме организации выборов) высших органов государственной власти (иммунитет, предоставляемый членам избирательных комиссий).

Специфическим признаком конституционно-правового иммунитета, характеризующим его как самостоятельный отраслевой институт, является цель предоставления, социальное назначение. Ф. А. Агаев и В. Н. Галузо при исследовании вопросов отраслевой принадлежности норм, предусматривающих депутатский иммунитет, отмечали, что в качестве функционального (т.е. направленного на решение особых задач, особой функции) института нормы депутатского иммунитета, имеющие уголовно-процессуальное значение, «предназначены служить решению общих целей и задач уголовного процесса, реализации его принципов и имеют такие параметры, которые подлежат изучению и оценке с точки зрения эффективности уголовно-процессуального регулирования»⁶. Таким образом, если в уголовном процессе иммунитет выполняет роль дополнительной процессуальной гарантии законности и обоснованности вовлечения определенных граждан в сферу уголовного судопроизводства и применения к ним мер

процессуального принуждения и иных правоограничений⁷, то в конституционном праве иммунитет выступает как гарантия эффективной деятельности определенного круга лиц по выполнению функций государственной власти (депутатов, судей, высших должностных лиц государства).

Конституционно-правовой иммунитет — это самостоятельный правовой институт, совокупность норм, освобождающих конкретно установленных в нормах конституции и иных законах лиц от выполнения отдельных юридических обязанностей и ответственности, устанавливающих особые, усложненные и отличные от общих правовые процедуры привлечения к ответственности в целях обеспечения выполнения этими лицами соответствующих государственных и общественных функций.

Содержание правового иммунитета включает два элемента: неприкосновенность и неотвеченность.

Неприкосновенность представляет собой усложненный порядок привлечения к ответственности определенных лиц (например, действующее законодательство не освобождает судей от уголовной ответственности, но содержит усложненный порядок возбуждения дел, предъявления обвинения, заключения под стражу).

Такое понятие неприкосновенности как элемента правового иммунитета, полагаем, согласуется с общим понятием неприкосновенности личности, которое в соответствии с Конституцией РФ (ст. 22) означает запрет ареста, заключения под стражу и содержания под стражей. Данные действия допускаются с соблюдением установленного законом порядка и только по судебному решению. Суждения, связывающие понятие неприкосновенности отдельных лиц (депутатов, судей, главы государства) с общим пониманием неприкосновенности личности, неоднократно высказывались в литературе. А. В. Малько и С. Ю. Суменков полагают, что правовая неприкосновенность выступает как особая разновидность неприкосновенности личности⁸. Б. С. Эбзеев, комментируя Постановление Конституционного Суда РФ от 20 февраля 1996 г. № 5-П, считает, что в постановлении проведена дифференциация конституционных гарантий неприкосновенности личности на общие гарантии неприкосновенности личности, распространяющиеся на каждого человека, включая парламентария, и гарантии более

высокого уровня, обусловленные особым статусом парламентария⁹. Подобные гарантии более высокого уровня могут быть обозначены как специальная либо повышенная неприкосновенность¹⁰, которая дополняет общегражданскую неприкосновенность (ст. 22, 23, 25 Конституции РФ). Необходимость обеспечения повышенной неприкосновенности выражена точно, на наш взгляд, в позиции С. А. Авакьяна: «...если и по отношению к обычному человеку следует всесторонне проверять основания привлечения к ответственности, то по отношению к депутату это надо делать еще более глубоко и основательно»¹¹.

Кроме обеспечения особого, усложненного порядка привлечения к ответственности, правовой иммунитет в ряде случаев вообще освобождает определенные категории лиц от выполнения отдельных юридических обязанностей и ответственности, соответственно в данном случае речь должна идти о неотвеченности. При выделении такого элемента, как неотвеченность, следует иметь в виду, что объем (пределы) неотвеченности могут различаться в зависимости от конкретного вида правового иммунитета. Судейский иммунитет включает в себя неотвеченность за выраженное им при осуществлении правосудия мнение и принятое судом решение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность судьи в преступном злоупотреблении либо вынесении заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта (ч. 2 ст. 16 Закона РФ от 26 июня 1992 г. «О статусе судей в Российской Федерации»). Президент РФ, прекративший исполнение своих полномочий, согласно ст. 3 Федерального закона от 12 февраля 2001 г. «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» не может быть привлечен к уголовной или административной ответственности за деяния, совершенные им в период исполнения полномочий Президента Российской Федерации¹². В отношении депутатов неотвеченность означает недопустимость преследования депутата за высказанное им мнение, позицию, в том числе и при голосовании, если это мнение не содержит публичного оскорбления или правонарушения, ответственность за которые предусмотрена федеральным законодательством¹³.

Возможно, на первый взгляд, «неотвеченность» — терминологически не совсем

удачное обозначение соответствующего элемента правового иммунитета, поскольку в русском языке слово «неответственность» имеет такие синонимы, как безответственность, безнаказанность, приносящие негативный оттенок. Ф. А. Агаев и В. Н. Галузо, критикуя позицию В. И. Руднева, выделяющего в содержании правового иммунитета элементы неответственности и неприкосновенности¹⁴, считают, что «употребление в данном контексте термина «неответственность» в редакционном плане вряд ли можно признать удачным, поскольку на теоретическом уровне подпитывает бытующее на практике представление о депутатах как о «неприкасаемых»¹⁵.

Можно предположить, что, желая избежать использования термина с негативной смысловой нагрузкой, некоторые авторы, рассматривая по существу неответственность, используют термин «индемнитет». Следует отметить, что «индемнитет» (англ. indemnity, от лат. indemnitas – безущербность) – категория, используемая чаще всего применительно к депутатам, – определяется в юридических словарях как привилегия депутатов парламента, заключающаяся в их неответственности¹⁶, как неответственность депутата за высказывания и иные действия при осуществлении своего мандата¹⁷; как непривлечение к ответственности депутата за высказывания и действия, связанные с выполнением депутатских функций¹⁸. Также категория «индемнитет» может использоваться применительно к судьям и означать соответственно «невозможность любых форм законного преследования судьи за мнения, выраженные им при выполнении своих должностных обязанностей»¹⁹. Полагаем, замена термина «неответственность» термином «индемнитет» не является научно корректной в силу ряда причин.

Во-первых, эти категории не обязательно совпадают по объему. Например, согласно Закону РФ от 26 июня 1992 г. «О статусе судей в Российской Федерации» до внесения в него изменений судья не мог быть привлечен к административной и дисциплинарной ответственности²⁰, т.е. помимо освобождения от ответственности за высказанные мнения при осуществлении правосудия (собственно индемнитета) нормы закона предусматривали еще и неответственность в отношении указанных видов юридической ответственности. Более того, в отношении Президента РФ индемнитет вообще не выделяется, хотя объем

элемента неответственности в содержании иммунитета главы государства достаточно широк.

Во-вторых, индемнитет всегда предполагает отсутствие ответственности за те действия, которые непосредственно связаны с осуществлением лицом своих полномочий и не содержат в себе состава правонарушения, поэтому индемнитет может быть ограничен от неприкосновенности именно по характеру действий, за которые лицо неответственно. В свою очередь неприкосновенность и неответственность как элементы правового иммунитета разграничиваются прежде всего по способу защиты лица, выполняющего значимые государственные и общественные функции: если действует принцип неприкосновенности – устанавливается особый усложненный порядок привлечения к ответственности (но ответственность все же наступает); если действует принцип неответственности – лицо не несет юридической ответственности вообще.

Представляется, что в совокупности эти два элемента (неответственность и неприкосновенность) образуют содержание понятия «правовой иммунитет». Косвенно такая позиция подтверждается Конституционным Судом РФ. Выше было отмечено, что Конституционный Суд РФ в большинстве случаев употребляет термины «иммунитет» и «неприкосновенность» как синонимы, не проводя между ними различия. Однако в п. 3 Постановления Конституционного Суда РФ от 20 февраля 1996 г. № 5-П «О проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 18, статьи 19 и части второй статьи 20 Федерального закона от 8 мая 1994 года «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» Суд установил, что особый порядок привлечения депутата к уголовной или административной ответственности, налагаемой в судебном порядке, составляет одну из существенных черт парламентского иммунитета, что позволяет ставить вопрос о несовпадении понятий «неприкосновенность» и «иммунитет» по объему. Конституционный Суд РФ прямого ответа на этот вопрос не дает, однако из приведенного положения следует, что поскольку особый порядок привлечения к ответственности – это хотя и существенная, но лишь одна из черт парламентского иммунитета, следовательно, понятие «иммунитет» шире по своему объему и

включает неприкосновенность как составную часть своего правового содержания.

Выделение неотвеченности и неприкосновенности как элементов правового иммунитета, на наш взгляд, является перспективным при определении степени обоснованности и целесообразности данного средства правового неравенства. Представляется, что проблема определения критериев целесообразности установления правового иммунитета может быть конкретизирована как проблема выявления границ между необходимостью защиты определенных лиц и обеспечением принципа равенства граждан перед законом и судом. При этом основная сложность регулирования вопросов наделения правовыми иммунитетами заключается в том, что их установление относится к компетенции высших органов государственной власти. Другими словами, речь идет о необходимости установления пределов неприкосновенности и неотвеченности высшими органами и должностными лицами в отношении самих себя.

Поскольку неотвеченность предполагает освобождение от юридической ответственности, пределы этого элемента правового иммунитета должны быть как можно более узкими и касаться лишь действий, связанных с осуществлением профессиональной деятельности и не содержащих в себе состава правонарушений. В свою очередь неприкосновенность как особый, усложненный порядок привлечения к ответственности в силах обеспечить надлежащую правовую защиту лиц, выполняющих государственно и общественно значимые функции. Исходя из сказанного наиболее обоснованными представляются те виды правовых иммунитетов, которые распространяют принцип неотвеченности на как можно более узкий круг действий лица, выполняющего государственно и общественно значимые функции, одновременно обеспечивая защиту такого лица с помощью принципа неприкосновенности.

Определение конституционно-правового иммунитета через сочетание элементов неприкосновенности и неотвеченности позволяет, во-первых, выявить различные способы обеспечения повышенной правовой защиты определенных лиц (либо путем выведения лица из-под действия правовых норм об ответственности вообще, либо путем установления особого усложненного порядка привлечения к ответственности), во-вторых, является критерием определения обоснованности пра-

вового иммунитета и нахождения оптимального варианта его пределов.

¹ Уманский Я. Н. Советское государственное право. М., 1970; Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. М., 1998; Кравец И. А. Верховенство конституции – принцип конституционализма // Журнал российского права. 2002. № 7.

² Лучин В. О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М., 2002.

³ Авакьян С. А. Федеральное Собрание – парламент России. М., 1999. С. 88.

⁴ См., например: Безуглов А., Фадеев В. Основные правовые гарантии депутатской деятельности // Советская юстиция. 1980. № 3; Бекетова С. М., Скрынников Б. М. Правовое регулирование депутатской неприкосновенности на региональном уровне // Журнал российского права. 1998. № 10–11; Варлен М. В. Правовой статус депутата и выборного должностного лица (проблемы теории) // Юридический мир. 2006. № 8; Данилов И. С. Парламентский (депутатский) иммунитет в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002; Дороница О. М. Иммунитет депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009; Ковшуров Ю. Д. Правовой статус депутат законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004; Кутафин О. Е. Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации. М., 2004.

⁵ См.: Кругликов А. Равенство всех перед законом и судом – принцип уголовного судопроизводства // Законность. 2007. № 3; Овсян Ж. И. Становление конституционных и уставных судов в субъектах Российской Федерации (1990–2000 гг.). М., 2001; Салимзянова Р. Р. Особенности производства по уголовным делам в отношении судьи. Казань, 2007; Терехин В. А. Судейский иммунитет: проблемы теории, законодательства и практики // Российская юстиция. 2001. № 5.

⁶ Агаев Ф. А., Галузо В. Н. Указ. соч. С. 19.

⁷ Там же. С. 21.

⁸ Малько А. В., Суменков С. Ю. Правовой иммунитет: теоретические и практические аспекты // Журнал российского права. 2002. № 2. С. 16.

⁹ Комментарий к постановлению Конституционного Суда Российской Федерации / отв. ред. Б. С. Эбзеев: в 2 т. М., 2001. Т. 1. С. 482.

¹⁰ Термин «повышенная неприкосновенность» использует И. А. Кравец. См.: Кравец И. А. Правовой статус депутатов Государственной Думы и выборных членов Государственного совета в свете теории народного представительства // Журнал российского права. 2000. № 8. С. 136.

¹¹ Авакьян С. А. Депутат: статус и деятельность. М., 1991. С. 246.

¹² СЗ РФ. 2001. № 7. Ст. 617.

¹³ Захаров И. В. Правовой статус депутата представительного органа местного самоуправления (проблемы теории и практики): автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 24.

¹⁴ См.: Руднев В. И. Иммунитеты в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 1996. № 8.

¹⁵ Агаев Ф. А., Галузо В. Н. Иммунитеты в российском

уголовном процессе. М., 1998. С. 76.

¹⁶ Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. М., 2001. С. 226.

¹⁷ Конституционное право: словарь / отв. ред. В. В. Маклаков. М., 2001. С. 186.

¹⁸ Конституционное право. Энциклопедический словарь / отв. ред. С. А. Авакьян. М., 2001. С. 196.

¹⁹ Четвернин В. А. Демократическое конституционное государство: введение в теорию. М., 1993. С. 112.

²⁰ Российская газета. 1992. 29 июля.

Статья поступила в редакцию 27 января 2012 г.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ: СОЦИАЛЬНЫЙ И ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Р. В. Плотников,

соискатель кафедры государственно-правовых дисциплин, Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний РФ

Рассмотрены миграционные правоотношения с точки зрения понимания миграционного права как комплексной отрасли законодательства, проанализированы их закономерные свойства, устойчивые характеристики, которые отражают, с одной стороны, типовые черты правовых отношений вообще, а с другой – подчеркивают специфичность рассматриваемой их разновидности.

Ключевые слова: *правовые отношения, миграционные правоотношения, миграция, мигрант.*

Миграционные отношения, в силу их общественной и государственной значимости в большинстве государств мира являются объектом правового регулирования. Данное обстоятельство сообщает отношениям миграции новые сущностные характеристики, наделяя их чертами правовых отношений. В связи с этим важным аспектом исследования миграционных отношений в рамках правоведения является рассмотрение этого явления через призму родовой абстракции правового отношения.

Понятие «правовое отношение» – одна из фундаментальных теоретических конструкций, образующих современную догму права. В позитивистской юридической традиции основу современной концепции правоотношений составляет выработанное еще в дореволюционной отечественной правовой теории понимание последних как особой, специфической разновидности отношений, существующих в обществе¹.

В основе общетеоретического понимания феномена правоотношения лежат тезисы о том, что правовое отношение представляет собою волевое отношение субъектов друг к другу, выраженное в предоставленных им законом правах и возложенных обязанностях. Непосредственным юридическим содержанием правоотношений считаются субъективные правомочия (права) и юридические обязанности².

Проекция фундаментальных положений общей теории правового отношения на объект нашего исследования позволяет нам дать характеристику отношений, связанных с миграционными процессами, в части их специально-юридических характеристик, проанализи-

ровать их в качестве особой разновидности отношений правовых.

Проблема миграционных отношений уже стала в правовой науке предметом исследования. Например, значительное внимание уделяет ей в своей докторской диссертации А. Н. Жеребцов³. В соответствии с его концепцией следует различать «правоотношения, возникающие в сфере территориального перемещения населения» и «миграционное правоотношение или миграционно-правовое отношение». Различие же между ними заключается в их структуре: объекте, субъекте и содержании.

Понятие «правоотношение, возникающее в сфере территориального перемещения населения», по мнению автора, включает в себя достаточно широкий круг отношений, подлежащих правовому регулированию и возникающих в процессе территориального перемещения людей. Данные отношения носят комплексный характер и регулируются нормами практически всех отраслей права. Сущность же миграционных отношений заключается в том, что «лицо в процессе территориального перемещения, а также перед его началом или по его окончании, приобретает, реализует, изменяет или прекращает административно-правовой статус мигранта»⁴.

По мнению А. Н. Жеребцова, миграционные правоотношения – «это общественные отношения, урегулированные нормами административного права, содержанием которых является правовая связь между субъектами, при которой мигрант реализует предоставленное ему Конституцией РФ право на свободу передвижения, с одной стороны, и уполномоченными органами государственного или

муниципального управления, обязанными обеспечить реализацию указанных прав, с другой, возникающие в связи с потребностью в территориальном перемещении либо при непосредственном территориальном перемещении или являющиеся результатом такого перемещения»⁵.

Представленное понимание миграционного отношения, на наш взгляд, является не вполне убедительным. Так, вызывает сомнение необходимость трактовки миграционного отношения как отношения, регулируемого нормами исключительно административного права.

Административно-правовое регулирование миграции, безусловно, формирует основной массив нормативно-правовых средств ее регламентации. Вместе с тем оно не исключает и регулирования этих отношений со стороны норм международного законодательства, а также ряда отраслей национального законодательства, в частности конституционного и трудового. Иной подход к правовому содержанию миграционных отношений противоречит пониманию миграционного права как комплексной отрасли законодательства. Сам автор в представленной дефиниции вносит противоречие в свою концепцию, поскольку упоминает о конституционной свободе (право свободного передвижения), которую реализует мигрант.

Кроме того, неоправданное, на наш взгляд, «зауживание» понятия А. Н. Жеребцов допускает в трактовке содержания миграционного правоотношения, сводя его, по сути, к реализации мигрантом своего конституционного права на свободу передвижения и к обязанности государственных или муниципальных органов обеспечить реализацию данного права. Полагаем, что подобное видение содержания правоотношения весьма обедняет его юридическую природу. Комплекс прав и обязанностей сторон в миграционном правоотношении представляется нам гораздо более сложным, о чем далее будет сказано подробнее.

Следует также отметить, что круг субъектов миграционного правоотношения вряд ли возможно ограничивать мигрантами, государственными и муниципальными органами власти. Этот круг является более широким и включает других международно-правовых и внутригосударственных участников миграционных правоотношений.

Кроме того, разграничение правоотношений, возникающих в сфере территориальных перемещений населения, и миграционных отношений представляется нам не вполне обоснованным с формально-логической точки зрения, поскольку понятия «миграция» и «территориальные перемещения населения», по сути, являются синонимичными.

Сущность миграционных правоотношений раскрывается при анализе их закономерных свойств, устойчивых характеристик, которые отражают, с одной стороны, типовые черты правовых отношений вообще, а, с другой, подчеркивают специфичность рассматриваемой их разновидности.

Прежде всего необходимо отметить, что правоотношение миграции есть разновидность общественного (социального) отношения. Как и любое общественное отношение, оно являет собою индивидуальную связь между конкретными субъектами общественной жизни (гражданами иностранных государств, лицами без гражданства, государством, общественными организациями, государственными и муниципальными органами), возникающую как результат волеизъявления данных субъектов, обусловленного наличием у них соответствующих потребностей и интересов.

Миграционно-правовым отношениям свойственны основные черты всех социальных идеологических отношений: они представляют собою взаимосвязи субъектов социальной жизни; это индивидуализированные отношения, так как их субъекты конкретны, точно индивидуально определены; они возникают как результат волеизъявления субъектов, направлены на удовлетворение их интересов и потребностей; складываются по поводу определенных объектов (материальных или духовных благ и ценностей, самих юридически значимых действий субъектов)⁶.

Среди перечисленных общих характеристик социальных отношений применительно к миграционным правоотношениям наибольшей спецификой отличается их субъектный состав.

В миграционных отношениях может принимать участие значительное число субъектов. Вместе с тем и в абстрактной модели правоотношения и в каждом конкретном миграционном правоотношении можно выделить две типичные стороны. На одной стороне такого правоотношения всегда находится сам мигрант как лицо, прибывшее на террито-

рию данной страны или региона из другого государства или региона.

Прежде всего к категории субъектов миграционных отношений следует отнести иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся на территории страны и наделенных определенным кругом субъективных прав и юридических обязанностей. Правовой статус данных групп мигрантов, как правило, достаточно детально регламентирован действующим в государстве законодательством. Так, согласно ст. 2 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее – Закон): иностранный гражданин – это физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и имеющее доказательства наличия гражданства (подданства) иностранного государства. Подобный подход к трактовке понятия иностранного гражданина встречается и в научной литературе⁷.

Документами, удостоверяющими личность иностранного гражданина, в соответствии с ч. 1 ст. 10 Закона в Российской Федерации является паспорт иностранного гражданина либо иной документ, установленный федеральным законом или признаваемый в соответствии с международным договором Российской Федерации в качестве документа, удостоверяющего личность иностранного гражданина.

В широком смысле слова понятие «иностранец» может трактоваться как любое лицо, не являющееся гражданином страны своего пребывания (ст. 1 Декларации прав человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают от 13 декабря 1985 г.).

Лицо без гражданства (апатрид) – лицо, не являющееся гражданином страны пребывания и не имеющее доказательств своей принадлежности к гражданству иного государства (ст. 2 Закона). Согласно ч. 2 ст. 10 Закона документами, удостоверяющими личность лица без гражданства, в Российской Федерации являются документ, выданный иностранным государством и признаваемый в соответствии с международным договором Российской Федерации в качестве документа, удостоверяющего личность лица без гражданства; разрешение на временное проживание; вид на жительство; иные документы, предусмотренные федеральным законом или признаваемые в соответствии с международным догово-

ром Российской Федерации в качестве документов, удостоверяющих личность лица без гражданства.

Иностранцев и апатридов, находящихся на территории России, можно подразделить на три категории: 1) временно прибывающие в Российскую Федерацию – лица, прибывшие в Россию на основании визы или в безвизовом порядке, получившие миграционную карту и не имеющие вида на жительство или разрешения на временное проживание; 2) временно проживающие в Российской Федерации – лица, получившие в установленном порядке разрешение на временное проживание; 3) постоянно проживающие в Российской Федерации – лица, получившие в установленном порядке вид на жительство в Российской Федерации.

Названные группы мигрантов включают в себя иные, более узкие категории перемещенных лиц, имеющие свой особенный правовой статус. Таким статусом в Российской Федерации наделены, в частности, беженцы.

При широкой смысловой трактовке понятия «миграция», включающей в себя как внешние, так и внутренние территориальные перемещения, в качестве субъектов миграционных правоотношений могут выступать и российские граждане, меняющие место пребывания и жительства по тем или иным причинам, сохраняя при этом свою юридическую связь с регионом, из которого они выбыли. Кроме того, особую группу субъектов миграционных отношений образуют российские граждане, имеющие статус вынужденных переселенцев или репатриантов.

Юридическими контрагентами переселенцев в конструкции миграционно-правового отношения выступает государство (регион государства), в которое данное лицо прибыло. Эта сторона может быть представлена соответствующим органом государственной власти, наделенным компетенцией в сфере регулирования или контроля миграционных отношений, государственным миграционным учреждением, органом местного самоуправления. В таком случае эти субъекты наделены властными полномочиями в отношении мигранта.

В зависимости от специфики конкретного правоотношения (связанное с пересечением границы, регистрация, учет, оформление трудовых отношений, контроль за пребыванием и проживанием, выдворение за пределы государства или др.) в юридические взаимодей-

вия с мигрантом могут вступать государственные органы исполнительной власти (или их территориальные подразделения), наделенные специальной компетенцией в сферах миграции, внутренних дел, государственной безопасности, иностранных дел, пограничного контроля, труда и социальной защиты и др.

Противоположной по отношению к мигранту стороной юридического взаимодействия может выступать также юридическое лицо или частный предприниматель, вступающие с ним в трудовые отношения; общественное объединение, представляющее интересы мигрантов или иные структуры гражданского общества (правозащитные общества, фонды, комиссии и т.п.), а также соответствующие международно-правовые организации. В таком случае отношения сторон строятся уже не на принципе управления-подчинения и носят во многом частно-правовой характер.

Важной характеристикой миграционных правовых отношений является то, что они относятся к разряду идеологических отношений, поскольку находятся в прямой зависимости от сознания, воли и желания участвующих в них субъектов. В реальных взаимодействиях, складывающихся между мигрантами и их контрсубъектами, всегда очевидными представляются интересы сторон. Последние зачастую достаточно четко артикулированы в самой практике взаимодействий названных субъектов, а также формализованы в разного рода правовых документах (законодательстве, административных и локальных актах, судебных решениях и пр.).

Правоотношения миграционного характера возникают и развиваются на основе и в соответствии с предписаниями соответствующих юридических норм. В теории права укоренился тезис о неразрывной связи правоотношения с правовой нормой. Последняя рассматривается обычно в качестве правовой основы для возникновения соответствующего правоотношения. При этом многие правоведы замечают, что правовые нормы в большинстве случаев не создают новые отношения в обществе, а лишь особым образом воздействуют на уже существующие общественные взаимосвязи, закрепляя их должные, идеальные, необходимые модели. Другая группа авторов подчеркивает конструктивный созидательный потенциал юридических норм и их способность формировать новые правовые отношения. В свою очередь правовое отношение рас-

сматривается в теории права как форма практической реализации нормы права⁸.

Правовую основу для формирования и развития миграционно-правовых отношений на международном уровне, в государстве или регионе образует система конкретных нормативно-правовых актов. Она же определяет юридическое содержание данных взаимосвязей. Фактическими же основаниями формирования таких отношений могут выступать факты пересечения иностранным гражданином или лицом без гражданства государственной границы реципирующей страны, подача ими заявления о приеме на работу, нарушения ими правил пребывания, трудовой деятельности, установленных в принявшем их государстве.

Особенностью волевого аспекта миграционных правовых отношений является смешанный характер их юридической природы. Данный вид отношений, как уже отмечалось, включает в себя как связи публично-правового, так и частно-правового характера.

Природа миграционных отношений связана прежде всего с реализацией права каждого человека, законно находящегося на территории той или иной страны, на свободу передвижения, выбор места жительства и места пребывания на территории страны; на свободный въезд и выезд из нее, а, с другой стороны – с обеспечением и защитой прав мигрантов, соблюдением мигрантами законодательства, оказанием им помощи в принятии гражданства, взаимодействием с другими государствами и т.п. Таким образом, миграционные отношения затрагивают вопросы реализации прав и свобод человека и гражданина, внешней политики и международных отношений, гражданства, безопасности государства и объединяют на этой основе однородную устойчивую миграционную деятельность государства⁹.

Во взаимодействиях мигрантов с государственными органами и должностными лицами воля на возникновение, изменение или прекращение правоотношения, как правило, присутствует только на одной стороне. Так, от гражданина не требуется согласия на предоставление документов, подтверждающих его правовой статус, или на привлечение его к юридической ответственности за нарушение действующего миграционного законодательства. Такие правоотношения складываются при доминирующем влиянии государственной воли. В отношениях же прибывших из других государств лиц с субъектами, не облеченны-

ми публично-политическими полномочиями (частные фирмы-работодатели, общественные правозащитные организации и т.д.), волеизъявление на возникновение, изменение и прекращение правовой связи является, как правило, двусторонним.

Сущностной характеристикой миграционного правоотношения является то, что в нем основная и определяющая взаимосвязь между субъектами выражается в наличии у них определенных взаимных субъективных прав и юридических обязанностей. Одна сторона в правоотношении является управомоченной, выступает носителем субъективного права, а другая обязывается законодательством действовать таким образом, чтобы обеспечить реализацию этого права.

Большинство правоотношений, связанных с миграцией, носит двусторонний характер. Каждый участник правоотношения выступает одновременно и управомоченным и обязанным субъектом. В этой связи представляется не вполне корректной и убедительной позиция А. Н. Жеребцова, относящего мигранта исключительно к управомоченной стороне правоотношения, а властно-распорядительные органы – к обязанной¹⁰.

Думается, что такой подход представляет собою существенное упрощение. Ведь в соответствии с классическим постулатом теории права нет прав без обязанностей и обязанностей без прав. Мигрант как сторона правоотношений наделен определенным набором прав (и не только конституционным правом на свободу передвижения, но и рядом других более конкретных прав, свобод и возможностей). Например, иностранный гражданин, осуществляющий трудовую деятельность в России на легальных основаниях, обладает всем объемом прав и свобод, предоставленных российским гражданам трудовым законодательством. Одновременно закон возлагает на него и целый ряд юридических обязанностей перед работодателем и государством. То же самое мы можем сказать и о другой стороне миграционного правоотношения.

Безусловно, если рассматривать миграционное отношение не в его абстрактной форме, а в виде конкретного частного взаимодействия мигранта, например, с государственной миграционной службой, то в значительном числе случаев последняя будет выступать как носитель юридической обязанности. Но это отнюдь не означает, что она лишена каких бы то ни было субъективных прав по отношению

к мигранту. При другом предмете взаимодействия (например, контроль за регистрацией мигранта или наличием разрешения на работу) юридические роли данных субъектов меняются, и уже мигрант выступает обязанной стороной в правоотношении.

Именно во взаимных правах и обязанностях заключается юридическое содержание правоотношений миграционного характера. Наряду с юридическим, в любом правоотношении присутствует и фактическое содержание, которое проявляется во всей массе конкретных свойств и признаков, многие из которых часто не имеют юридического значения (например, индивидуальные характеристики субъектов, их личные взаимоотношения, целевые установки, эмоции, юридически незначимое поведение и др.).

Важным признаком миграционно-правового отношения является то, что оно, как и любое другое социальное отношение, регламентировано правом, охраняется, гарантируется в реализации и защите государственной властью, обеспечивается в том числе и возможностью использования государственно-властных принудительных механизмов. Любой из участников правоотношения, посчитавший свои права и законные интересы нарушенными, имеет право обратиться за юридической защитой в соответствующие государственные органы.

Таким образом, миграционные правовые отношения как урегулированные нормами миграционного законодательства индивидуальные волевые связи субъектов в форме их взаимных субъективных прав и юридических обязанностей представляют собою особую разновидность правоотношений, выделяемую по признакам специфики субъектов, объекта и юридического содержания. Особенности данной группы правовых отношений требуют применения особых правовых средств и методов их регламентации, что предопределяет в свою очередь характер их международного, внутригосударственного и регионального правового регулирования.

¹ Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. СПб., 1998. С. 121; Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1914. С. 139.

² Иоффе О. С. Спорные вопросы учения о правоотношении // Очерки по гражданскому праву. Л., 1957. С. 37–38; Голунский С. А., Строгович М. С. Теория государства и права. М., 1940. С. 270; Тархов В. А. Гражданское правоотношение. Уфа, 1993. С. 27.

³ Жеребцов А. Н. Концепция административно-правового регулирования миграционных отношений в Российской Федерации (комплексный анализ теории и практики): автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009.

⁴ Там же. С. 20–21.

⁵ Там же. С. 22.

⁶ Удачную, по нашему мнению, формулировку объекта миграционного правоотношения предлагает А. Н. Жеребцов. Объект миграционного правоотношения, отмечает он, – это «материальные, духовные блага, а также сами действия (поведение) его субъектов, которые достигаются или совершаются в процессе возникновения

потребности в территориальном перемещении либо являются результатом такого перемещения, либо становятся необходимым условием такого перемещения». См.: Жеребцов А. Н. Указ. соч. С. 21.

⁷ Авакьян С. А. Россия: гражданство, иностранцы, внешняя миграция. СПб., 2003. С. 145.

⁸ Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 19.

⁹ Кириллов П. В. Миграционная функция современного Российского государства: теоретико-правовое обоснование // Право и государство: теория и практика. 2009. № 10 (58). С. 11.

¹⁰ Там же. С. 21.

Статья поступила в редакцию 20 октября 2011 г.

ОТЗЫВЫ

УДК 343.1

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ О ДИССЕРТАЦИИ Ю. А. МАСЛОВОЙ «ИНИЦИАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДА ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ В УСЛОВИЯХ СОСТЯЗАТЕЛЬНОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА»

С. М. Даровских,

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики, Южно-Уральский государственный университет

С. В. Тетюев,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Южно-Уральский государственный университет

Диссертация «Инициативная деятельность суда первой инстанции в условиях состязательного уголовного судопроизводства», выполненная Ю. А. Масловой в Воронежском государственном университете под руководством кандидата юридических наук, профессора В. А. Панюшкина, представлена на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность¹.

Вопросы реализации принципа состязательности в уголовном процессе и пределов активности (инициативности) суда в процессе доказывания всегда находились в центре внимания ученых-процессуалистов. Активно исследуются они и сейчас, причем высказываются диаметрально противоположные мнения – от признания за судом права активно собирать доказательства в целях установления истины до провозглашения пассивности суда в процессе доказывания.

С одной стороны, суд должен быть беспристрастным, объективным и независимым, а с другой – перед ним стоит задача разрешить дело по существу, установив необходимые обстоятельства и правильно оценив собранные по делу доказательства. Право суда на инициативу – инструмент, без которого порой нельзя обеспечить достижение целей уголовного судопроизводства. Но эта инициатива должна быть не только обоснованной, но и неограниченной: суд не должен возлагать на себя обязанности других участников уголовного процесса, всецело восполняя пробелы и упущения в их деятельности. Несовершенство

действующего законодательства, отсутствие комплексных исследований, посвященных инициативной деятельности суда в состязательном уголовном судопроизводстве, и необходимость определения пределов инициативности суда в процессе доказывания (в частности, при собирании доказательств) обусловливают актуальность проведенного диссертационного исследования и подчеркивают его значимость как для науки уголовно-процессуального права, так и для правоприменительной практики.

Диссертация Ю. А. Масловой представляет собой комплексное исследование вопросов участия суда в процессе доказывания по уголовным делам и пределов его активности при собирании доказательств с опорой на научные достижения в области уголовного процесса, сравнительного правоведения, а также обширный эмпирический материал. Автором было проанализировано 268 научных источников, изучено 286 уголовных дел, рассмотренных федеральными судами и мировыми судьями Воронежской области, проведено анкетирование 67 судей, 105 адвокатов, 97 прокуроров, использованы статистические данные (с. 7 диссертации, с. 6 автореферата). Результаты анкетирования умело анализируются соискателем и используются при обосновании собственных выводов и предложений.

Применение современных методов научного исследования (с. 7 диссертации, с. 5–6 автореферата) в совокупности с достаточно репрезентативной эмпирической базой не позволяет сомневаться в достоверности выводов

и рекомендаций, сделанных Ю. А. Масловой. Поэтому положения, выносимые соискателем на защиту, в целом выглядят обоснованными и заслуживают поддержки.

Научная новизна диссертации Ю. А. Масловой в концентрированном виде выражена в положениях, выносимых на защиту, и заключается прежде всего в комплексном исследовании инициативных аспектов деятельности суда первой инстанции в состязательном уголовном процессе. Диссертантом обосновывается необходимость систематизации и адаптации опыта зарубежных стран к нормативному и правоприменительному опыту нашей страны. Соискатель предлагает авторское определение инициативной деятельности суда, собственную классификацию подходов к рассмотрению данной деятельности, новую систему мотивации судей к осуществлению ими деятельности инициативного характера. В работе формулируются проекты норм, направленных на совершенствование УПК РФ.

Цель диссертационного исследования (разработка системы предложений, направленных на совершенствование правового регулирования инициативной деятельности суда) была успешно достигнута посредством решения задач, сформулированных соискателем (с. 6 диссертации, с. 5 автореферата).

Структура работы логически последовательна и способствует решению задач, поставленных диссертантом. Работа состоит из введения, трех глав, объединяющих семь параграфов, заключения, списка литературы и приложений. В приложении представлены анкета, на вопросы которой отвечали судьи, адвокаты, прокуроры, и результаты анкетирования в виде таблиц.

Первая глава диссертации «Инициативная деятельность суда в условиях состязательности сторон: теоретико-методологические основы исследования» логично начинается с анализа понятийного аппарата. Ю. А. Маслова исследует понятия «инициатива», «деятельность», «активность» и приходит к обоснованному выводу о том, что понятия «активность» и «инициативность» близки по смысловой нагрузке, но не во всех случаях полностью тождественны друг другу (с. 18 диссертации, с. 12 автореферата), и что не каждая инициативная деятельность является активной и не каждая активная деятельность является инициативной (с. 18 диссертации). Автор приводит как прямые, так и косвенные указания на инициативную деятельность суда

в УПК РФ. Достаточно интересными с теоретической точки зрения являются проведенное диссертантом обобщение существующих в науке подходов к рассмотрению сути инициативной деятельности суда и их авторская классификация (с. 9, 25 диссертации, с. 7, 13 автореферата), по итогам которых Ю. А. Маслова предлагает понимать под инициативной деятельностью суда прямые и косвенные указания на нее в действующем законодательстве, однако не регламентированную в нем в качестве обязанностей суда. Данный вывод содержится в первом положении, выносимом на защиту.

В параграфе «Роль суда в зарубежных странах: анализ англосаксонской и континентальной (романо-германской) правовых систем» соискатель, характеризуя положение суда в уголовном процессе США, Великобритании, Франции, Германии, Нидерландах и его роль в процессе доказывания (в частности, при собирании доказательств), констатирует, что англосаксонская и континентальная правовые системы к настоящему времени подверглись существенным изменениям, в результате которых все отчетливее проявляется тенденция к их взаимному сближению, гармонизации, разумной комбинации удовлетворения как частных, так и публичных интересов, а сближение состязательного и обвинительного процессов выражается прежде всего в ограничении инициативы суда в тех случаях, когда она может повлечь за собой пристрастность суда в отношении любой из сторон (с. 9, 60 диссертации, с. 8, 14–15 автореферата).

Завершается первая глава диссертации анализом содержания принципа состязательности и равноправия сторон в российском уголовном процессе, который предваряется исследованием международно-правовых стандартов, касающихся данного вопроса. Ю. А. Маслова приходит к выводу о том, что в понимании Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) состязательность и беспристрастность суда не отождествляются с его безынициативностью в процессе уголовного судопроизводства (с. 66 диссертации), и о том, что положения, регламентирующие принцип состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ), не соответствуют позиции ЕСПЧ (с. 67 диссертации). Диссертант, вслед за многими процессуалистами, еще раз обосновывает, что состязательность и равноправие «в чистом виде» в российском уголовном процессе пока

недостижимы (с. 10, 83 диссертации, с. 16 автореферата). С этим сложно не согласиться, поскольку состязательность уголовного судопроизводства, нормативно провозглашенная его принципом, объективно говоря, фактически не является тем началом (идеей), которое пронизывает весь уголовный процесс и определяет его сущность.

Во второй главе диссертации автором исследуются особенности инициативной деятельности суда в процессе доказывания. Данная глава начинается с анализа проблем правового регулирования и правоприменительной практики. По итогам анализа УПК РФ автор небезосновательно заключает, что суд по действующему законодательству является равноправным участником процесса доказывания, способным в ряде случаев действовать по собственной инициативе (с. 85 диссертации, с. 18 автореферата). Рассматривая высказанные в науке точки зрения о роли суда в процессе доказывания, Ю. А. Маслова классифицирует их в три группы и приходит к выводу о том, что суду в установленных законом случаях следует проявлять ограниченную инициативу, которая должна носить строго очерченный характер (с. 94 диссертации, с. 19 автореферата). Далее автор логично посвящает второй параграф главы определению рекомендуемых пределов инициативы суда в процессе доказывания, соглашаясь с мнением других исследователей о том, что суд не должен быть совершенно «безмолвствующим» органом в ситуациях, когда становится очевидной нехватка предоставленных сторонами доказательств (с. 101 диссертации), и о том, что все случаи судебной активности должны быть перечислены в законе (с. 103 диссертации). Диссертантом отмечается, что в УПК РФ необходимо четко прописать пределы инициативной деятельности суда в собирании доказательств при одновременном сохранении и расширении его инициативности в осуществлении функции руководства процессом (с. 11, 104, 109 диссертации, с. 19 автореферата), вследствие чего Ю. А. Маслова предлагает новую редакцию ст. 86 УПК РФ («Собирание доказательств») (с. 11–12, 106–107 диссертации, с. 9, 19–20 автореферата).

Третья глава диссертации «Совершенствование правового регулирования инициативной деятельности суда» посвящена определению механизма, направленного на стимулирование инициативности суда в процессе доказывания. Соискателем предлагаются три

варианта (с. 12, 112–114 диссертации, с. 10, 20–21 автореферата), при этом один из них – возвратный, предполагающий возрождение института возвращения дела на дополнительное расследование, – после критического анализа отвергается как имеющий больше негативных моментов, чем положительных. Второй вариант – регламентационно-обязательственный, суть которого заключается в том, чтобы все нормы УПК РФ, закрепляющие инициативу суда в процессе доказывания, переформулировать в обязывающие нормы. Справедливым является вывод Ю. А. Масловой о том, что реализация данного варианта возможна только в долгосрочной перспективе, поскольку потребует серьезного реформирования всего уголовно-процессуального законодательства (с. 128 диссертации). Кроме того, этот вариант, хотя и оценивается автором как «идеальный», требует дальнейшего осмысления и исследования на предмет его действительной эффективности и перспективности с точки зрения рассматриваемых проблем.

По мнению диссертанта, наиболее предпочтительным является оценочно-мотивационный вариант, согласно которому необходимо закрепить и внедрить новую систему мотивации и оценки качества труда судей (с. 12, 129–130 диссертации, с. 10, 20–21 автореферата). Данному направлению посвящен последний параграф диссертации. Анализируя показатели, по которым оценивают работу судов в настоящее время («стабильность» судебных постановлений, служебная нагрузка, сроки рассмотрения уголовного дела), Ю. А. Маслова приходит к выводу о том, что они являются упрощенными критериями и не учитывают всех аспектов работы судей (с. 142 диссертации, с. 10, 21 автореферата). При этом она обосновывает необходимость введения поправочного коэффициента – коэффициента обоснованной инициативы суда, который должен учитывать объем, сложность и обоснованность выполненной судьей работы инициативного характера (с. 144 диссертации, с. 10, 21 автореферата). Но если вышеприведенные показатели являются достаточно объективными, поскольку основаны на статистико-математических расчетах, то оценка обоснованности работы, проделанной судьей по собственной инициативе, во многом является субъективной (один посчитает инициативу обоснованной, другой – нет). Этот момент

диссертантом осознается, поэтому предлагается разработать специальное положение, содержащее рекомендации по реализации инициативной деятельности суда в типичных ситуациях (с. 145–147 диссертации, с. 21–22 автореферата).

Перечисленные положения, несомненно, свидетельствуют об определенном личном вкладе автора в разработку научной проблемы. В работе содержится и ряд других положений, которые могут представлять интерес для юридической общественности, но некоторые из них являются бесспорными.

1. Во втором положении, выносимом на защиту, Ю. А. Маслова предлагает закрепить в ст. 5 УПК РФ понятие инициативной деятельности суда и дать его определение (с. 9, 32 диссертации, с. 7, 14 автореферата). Однако, по нашему мнению, включение в текст уголовно-процессуального закона определенных научных понятий (уголовно-процессуальных категорий) вряд ли сможет положительно повлиять на разрешение существующих в судебной практике и затронутых автором проблем, а в науке вызовет еще больше споров и дискуссий.

2. Обосновав вывод о том, что суд должен быть ограниченно инициативным органом, пределы инициативности которого подлежат законодательному закреплению, Ю. А. Маслова предложила ст. 86 УПК РФ дополнить нормой о том, что суд не может по собственной инициативе собирать доказательства для установления обстоятельств, отмеченных в п. 1, 2, 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ (с. 11, 106 диссертации, с. 9, 19 автореферата). Однако в работе отсутствует достаточное обоснование выборочного подхода соискателя к перечню подлежащих доказыванию обстоятельств, в отношении которых инициатива суда по собиранию доказательств исключается вообще. К тому же запрет касается большинства из перечисленных в ст. 73 УПК РФ обстоятельств, которые устанавливаются обвинительными доказательствами. Ограничивая инициативу суда в сфере собирания указанных обвинительных доказательств, автор не ограничивает ее при собирании оправдательных доказательств, которыми считаются сведения, используемые для установления обстоятельств, перечисленных в п. 5, 7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ и частично в п. 6 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, что уже само по себе не соответствует принципам состоятельности и равноправия сторон. Иными словами, на наш взгляд, речь идет о двойных

стандартах: получается, что собирать доказательства в целях защиты подсудимого суд вправе при определенных диссертантом условиях, а в целях восполнения пробелов предварительного расследования не вправе всегда.

При этом целью инициативной деятельности суда, по мнению соискателя, является достижение назначения уголовного судопроизводства (с. 9 диссертации, с. 7 автореферата), т.е. прежде всего, как следует из ст. 6 УПК РФ, защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Потерпевший в свою очередь – это участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения (п. 47 ст. 5 УПК РФ), а сторона обвинения заинтересована в собирании обвинительных доказательств, на собирание которых инициативу суда автор предлагает максимально ограничить. В свете сказанного выявляется противоречие между определением инициативной деятельности суда, которое Ю. А. Маслова считает целесообразным закрепить в ст. 5 УПК РФ, и авторским проектом редакции ч. 2 ст. 86 УПК РФ.

Представляется, что необходимы дополнительные и более убедительные аргументы в пользу рассмотренного предложения диссертанта.

3. Федеральным законом от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» по 68 составам преступлений, в том числе закрепленным в ст. 111 УК РФ, были исключены нижние пределы санкций в виде лишения свободы. Однако при анализе существующих подходов к рассмотрению инициативной деятельности суда автор, критически осмысливая один из них, использует для примера возможность назначения наказания за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, ссылаясь на уже недействующую редакцию ст. 111 УК РФ (с. 29 диссертации).

И последнее. Автор, поддерживая мнение других исследователей о том, что суд в уголовном процессе выполняет не одну функцию (разрешение дела), а несколько, приводит статистику Управления Судебного департамента в Воронежской области за первое полугодие 2010 года (с. 71–72 диссертации). На с. 133–138 диссертации также используются статистические данные за указанный период. С учетом того, что защита диссертации запланирована на декабрь 2011 года, представляется необходимым использование и более свежих статистических данных (хотя бы в срав-

нительных целях). Непонятны критерии, которыми Ю. А. Маслова руководствовалась при выборе периода, за который были представлены статистические данные (в частности, возникает вопрос: почему только первое полугодие 2010 года, а не год в целом?).

Высказанные замечания не влияют на общую положительную оценку диссертационного исследования, не умаляют его достоинств и не ставят под сомнение его теоретическую и практическую значимость. Диссертация Ю. А. Масловой отвечает требованиям Положения о порядке присуждения ученых степеней, является оригинальной, самостоятельной и завершенной научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задач, имеющих существенное значение для науки уголовно-процессуального права. Автору удалось достаточно глубоко раскрыть сформулированную проблему и обосновать научные положения, содержащиеся в работе. Работа написана грамотным языком, легко и с интересом читается. Чувствуется, что автор основательно разобрался в проблематике исследования.

Результаты диссертационного исследования Ю. А. Масловой прошли апробацию в двух направлениях: обсуждались на научно

практических конференциях различного уровня и были опубликованы в восьми научных статьях, четыре из них – в ведущих рецензируемых журналах и изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ. Кроме того, результаты исследования диссертанта пополняют потенциал науки уголовно-процессуального права, могут использоваться в учебно-преподавательской и правоприменительной деятельности. Содержание автореферата соответствует основному содержанию диссертации.

Изложенное дает основание для вывода о том, что Ю. А. Маслова заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность.

¹ Маслова Ю. А. Инициативная деятельность суда первой инстанции в условиях состязательного уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2011. 200 с. Электронная версия автореферата диссертации размещена на официальном сайте Воронежского государственного университета: <http://www.aspirant.vsu.ru>.

Отзыв поступил в редакцию 9 февраля 2012 г.

Abstracts and keywords

Azarenok N. V., Barabash A. S. Adversarial character: a comparative legal aspect. The legal nature of adversary is studied. Underlying factors are revealed. The comparative legal analysis of the notion of adversarial character in England is performed; on its basis the conclusion about the ways and methods of strengthening the adversary nature in Russia is made.

Keywords: *adversarial nature, optionality, equality, the prosecuting party and the defense.*

Butov V. N. Protection of participants' interests in the trial of the criminal procedure code of Switzerland. On the basis of the current legislation of the Swiss Confederation basic principles of protection of rights and legitimate interests of criminal process participants are given in the article; independent, justifiable (mandatory) and official defence as well as voluntary legal assistance are briefly analyzed.

Keywords: *criminal process participants, legal assistance.*

Vetoshkin D. S. Legal issues of involvement of the minors' parents to administrative responsibility. The problem of involvement parents and other legal representatives of the minors to administrative responsibility for smoking in undesignated places is considered. The author proposes a new section of Administrative Violations Code of the Russian Federation which could help the officers, authorized to draw up the protocols on administrative offences, to impose administrative sanctions on parents and other legal representatives of the minors without any difficulties.

Keywords: *parents, the minors, administrative responsibility, smoking.*

Voronin Y. A., Darovskih S. M. Problems of identifying and arrangement of competition of legal views of courts at various levels. The issues of identifying and arrangement of competition of legal views of the courts with regard to criminal procedure are analyzed. The authors study the contradictions, which occur as a result of work between the representative government (legislative) bodies and the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation concerning the adoption of new regulatory legal regulations, consider the problems, connected with legal views of the Supreme Court of the Russian Federation, and contradictions, occurring in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the same issues.

Keywords: *legal views of the courts, criminal procedure.*

Zharov S. N. Peculiar features of statutory regulations of law enforcement in political retrieval in the Russian Empire of the beginning of the 20th century. The reasons, legal regulation and efficiency of the application of three basic methods of the use of operational and investigative information about the activities of the Reds and their groups are analyzed in the article.

Keywords: *political retrieval, secret agents, secret service, investigative actions, liquidation, criminal and administrative repression.*

Zharov S. N., Sprishevskiy N. S. On the establishment of the legal regulation system of political and criminal investigation in Russia in the 19th and the beginning of the 20th centuries. The process of systematization of operational and investigative norms, objective and subjective factors, which have influenced it, are considered in the article; the place of the structure of these norms in the system of law of the Russian Empire is shown.

Keywords: *the system of law, legal regulation, operational and investigative activity, political investigation, criminal investigation.*

Ziganshin S. R. Criminal and legal aspect of the application of migration legislation in the sphere of illegal migration. The issues of the application of criminal legislation in the sphere of illegal migration are considered. The imperfection of legal norms providing liability for illegal crossing of the National frontier of the Russian Federation and illegal migration is emphasized in the article.

Keywords: *migration, security, illegal crossing of the National frontier, illegal migration.*

Zuev S. V. Implementation of Section 1 of Article 45 of the Constitution of the Russian Federation in procedural criminal and investigative legislation in combating organized crime. The main areas of procedural criminal and operational investigative countermeasures to organized crime are analyzed.

Keywords: *the Constitution, state defense, organized crime countermeasure, criminal procedure.*

Ilyukhov A. A. Topical issues of initiation of criminal cases, dealt with by the courts with the participation of the juries. The procedural order of initiation of criminal cases, dealt with by the courts with the participation of the juries, is revealed. Mistakes made by the investigation officer at the reception, registration and verification of information about any committed or imminent crimes, are analyzed. Proposals for improving the work of investigation officer at the stage of criminal case initiation are formulated.

Keywords: *criminal procedure, juries, initiation of criminal case, verification of information about crimes.*

Iogolevich N. I., Sagandykov M. S. To the issue of reforming the system of State civil service management. Questions connected with the reforming of the system of State civil service management are analyzed. The increase of efficiency of attracting and use of the civil service personnel is the most important course of reorganization. It is necessary to change personnel policy, including the system of competitive selection and certification, as well as to limit financial dependence of civil officers on business-structures.

Keywords: *state civil service, competition for civil service, civil service management.*

Kvanina V. V. Issues of responsibility for non-observance of safety requirements and product quality in the sphere of technical regulation. Discrepancy between the provisions of Federal Law «On technical regulation», on the one hand, and the provisions of the Administrative Offences Code of the Russian Federation, the Criminal Code of the Russian Federation, the Civil Code of the Russian Federation, on the other hand, which are devoted to the issues of responsibility of a producer, a seller, a supplier, the work and service for non-observance of safety requirements and product quality in the sphere of technical regulation, is revealed.

Keywords: *technical regulation, production safety, production, products, work and service quality, administrative and legal responsibility, criminal and legal responsibility, civil and legal responsibility.*

Kostina G. S. Administrative responsibility of banks and other depository institutions for non-observance of requirements of bailiffs: analysis of mistakes at the use of Section 2 Article 17.14 of the Administrative Offences Code of the Russian Federation. Mistakes at the use of Section 1 Article 17.14 of the Administrative Offences Code of the Russian Federation covering the responsibility of banks and other depository institutions for non-observance of requirements of bailiff are considered. The necessity of introduction such uniform act as the rule of the Federal Bailiff Service in the sphere of administrative responsibility is justified.

Keywords: *bailiff, administrative responsibility, bank, depository institution.*

Kudryavtseva A. V., Voronin Y.A. Procedural criminal aspects of the change of crime grade in accordance with Section 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation. Changes in Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation brought by the Federal Law No. 420-ФЗ of the Russian Federation dated of December 7, 2011, according to which the court can change crime grade from the view of criminal procedure, are considered in the article.

Keywords: *crime grade, fact pattern, type and amount of penalty.*

Makarova Z. V., Koneva N. S. The category of "immunity" in the constitutional law of Russia. The issues of the content and features of constitutional and legal immunities of deputies of legislative (representative) bodies, judges and other representative of state authorities are considered.

Keywords: *immunity, inviolability, non-accountability.*

Nalbandyan P. S. International cooperation principles in the sphere of criminal procedure. Problematic aspects of legislative regulation of remedial activity in the sphere of international cooperation in criminal cases are analyzed. The necessity to consolidate regulatory principles of international cooperation in the sphere of criminal procedure is proved.

Keywords: *criminal procedure principles, international cooperation, remedial activity.*

Ovchinnikov Y. G. The influence of economic guarantees on pre-trial procedure in criminal proceeding. Both positive and negative aspects of the influence of economic guarantees on pre-trial procedure in current criminal proceeding are considered.

Keywords: *criminal procedure, pre-trial procedure, economic guarantees, financial resources, participants of criminal proceeding.*

Orlov K. A. Mass media as the element of civil society. At present stage of development in Russia the problems of objective and early informing the citizens about the current processes in society, as well as information open civil society formation are coming to a head in a great extend. Nowadays it is necessary to achieve the admission of the fact, that mass media is the way of information influence, forming a separate entity, which is able to influence both purposefully and spontaneous on the citizens with the help of modern technologies, to form their values, purposes and motives of their behaviour, including those in legal sphere.

Keywords: *mass media, technique, social institution, civil society.*

Petrov P. K. Characterization of accomplice actions at kidnapping. The issues of characterization of kidnapping, committed in accomplice ship, are analyzed. Established rules for characterization of actions of crime committer, head for crime, abettor and crime accomplice are stated.

Keywords: *kidnapping, characterization of crime accomplice, crime committer.*

Petukhova T. N. Theoretical and methodological analysis of the notion «tolerance». The relevance of the question of enforceability of interethnic tolerance is justified; and the notion of tolerance from the point of view of different science is considered.

Keywords: *tolerance, patience, individual, kindness, dialogue.*

Plotnikov R. V. Legal migration relations: social and juridical aspects. Legal migration relations are considered from the viewpoint of taking migration law as integrated branch of legislation, their regular properties and stable characteristics, which on the one hand reflect the typical features of legal relations in general and, on the other hand, emphasize the specificity of considered types are analyzed.

Keywords: *legal relations, legal migration relations, migration, migrant.*

Pyanzina E. V. Evidence evaluation in terms of regular order and execution of investigatory actions. The analysis of the most common material violation of the law, entailing doubt in admissibility of evidence, on the example of view of place of occurrence, is made; recommendations, in accordance to which a bailiff (investigator) must evaluate admissibility of evidence in terms of regular order, are given.

Keywords: *evidence evaluation, admissibility of evidence, conditions for investigatory actions execution, protocol of view of place of occurrence, bailiff.*

Rusman G. S. Mediation development in criminal procedure. The issues of the development of the procedure of mediation by the parties with the participation of mediator in criminal procedure are considered.

Keywords: *mediation, mediation by the parties, criminal procedure, mediator in conciliation procedure.*

Sivolova A. A. To the question of interrelation of requirements of justice of court sentence and the category of truth in the criminal procedure. The article deals with the question of interrelation of requirements of justice of court sentence and the truth in the criminal procedure. The author emphasizes the fact that achievement of juristically truth by means of completeness, objectivity and omnitude of evidence study as well as their social and moral court evaluation is the guarantee of court sentence justice.

Keywords: *sentence justice, juristically truth.*

Tarnavsky O. A. The content of criminal procedure theory determination. The analysis of different views of the scientists on the question of the content of criminal procedure theory determination is made; author's attitude to the basic characteristics of the principles of criminal procedure is given.

Keywords: *criminal procedure theory, characteristics of principles of criminal procedure.*

Сведения об авторах

Азаренок Николай Васильевич родился 11 марта 1982 г. В 2003 году окончил Уральский юридический институт МВД России. В 2009 году защитил кандидатскую диссертацию «Программа уголовного судопроизводства: теоретический и прикладной аспекты». В настоящее время – доцент кафедры уголовного процесса Уральской государственной юридической академии. Автор 30 публикаций. Область научных интересов: назначение, цель и задачи уголовного судопроизводства, уголовное преследование. E-mail: azarenok_96@mail.ru.

Azarenok Nikolay Vasilevich was born on March 11, 1982. In 2003 he graduated from the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. In 2009 he defended a Candidate's thesis «Criminal procedure program: theoretical and applied aspects». Now he is an Associate Professor of Criminal Procedure Department of the Ural State Law Academy. He is the author of 30 publications. Research interests: object, purpose and problems of criminal procedure, criminal prosecution. E-mail: azarenok_96@mail.ru.

Бутов Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор Южно-Уральский государственный университет.

Butov Viktor Nikolaevich is a Doctor of Science (Law), a professor of South Ural State University.

Барабаш Александр Сергеевич родился 20 июля 1977 г. В 1998 году окончил Уральский юридический институт МВД России. В настоящее время – преподаватель кафедры уголовного процесса того же вуза. Автор 15 публикаций. Область научных интересов: целеполагание уголовного процесса, методы и форма уголовного судопроизводства. E-mail: baraba777@yandex.ru.

Barabash Alexander Sergeevich was born on July 20, 1977. In 1998 he graduated from the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. Now he is a lecturer of Criminal Procedure Department of the institute. He is the author of 15 publications. Research interests: goal-setting of criminal proceeding, methods and forms of criminal procedure. E-mail: baraba777@yandex.ru.

Ветошкин Дмитрий Сергеевич родился в 1985 году. В 2007 году окончил Уральский юридический институт МВД РФ. В настоящее время – адъюнкт того же вуза. Автор семи публикаций. Область научных интересов: административная ответственность. E-mail: dsvet@e1.ru.

Vetoshkin Dmitriy Sergeevich was born in 1985. In 2007 he graduated from the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. Now he is an adjunct of the institute. He is the author of 7 publications. Research interests: administrative responsibility. E-mail: dsvet@e1.ru.

Воронин Юрий Александрович родился 23 октября 1945 г. В 1972 году окончил Свердловский юридический институт. В 1983 году защитил докторскую диссертацию «Тенденции современной буржуазной уголовной политики. Уголовно-правовые и криминологическо-профилактические аспекты». В настоящее время – профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права ЮУрГУ. Автор более 110 публикаций. Область научных интересов: уголовное право и криминология. E-mail: voroninya@yandex.ru.

Voronin Yuriy Alexandrovich was born on October 23, 1945. In 1972 he graduated from Sverdlovsk Law Institute. In 1983 he defended a doctorate thesis «Tendencies of contemporary bourgeois criminal policy. Criminal and criminal-preventive aspects». Now he is a professor of the department of Criminal Law; Criminology and Criminal Executive Law of South Ural State University. He is the author of more than 110 publications. Research interests: criminal law and criminology. E-mail: voroninya@yandex.ru.

Даровских Светлана Михайловна в 2011 году защитила докторскую диссертацию «Судебные правовые позиции в уголовном судопроизводстве: теоретические основы и процессуальные формы». В настоящее время – заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики ЮУрГУ. Автор 58 публикаций. Область научных интересов: уголовный процесс, прокурорский надзор, источники права. E-mail: darsvet@mail.ru.

Сведения об авторах

Darovskih Svetlana Mikhailovna defended a doctorate thesis «Forensic and legal views in criminal procedure: theoretical basis and forms of action» in 2011. Now she is a head of the department of Criminal Proceeding and Criminology of South Ural State University. She is the author of 58 publications. Research interests: criminal proceeding, prosecutor's supervision, legal sources. E-mail: darsvet@mail.ru.

Жаров Сергей Николаевич родился 25 мая 1958 г. В 1994 году окончил Челябинский государственный университет. В 2010 году защитил докторскую диссертацию «Оперативно-розыскная деятельность в России: организация, методы, правовое регулирование (историко-юридическое исследование)». В настоящее время – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Южно-Уральского государственного университета. Автор 70 публикаций. Область научных интересов: история оперативно-розыскной деятельности в России. E-mail: serzhar@mail.ru.

Zharov Sergey Nikolaevich was born on May 25, 1958. In 1994 he graduated from Chelyabinsk State University. In 2010 he defended a doctorate thesis «Operational investigation in Russia: structure, methods, legal regulation (historical and legal study)». Now he is an Associate Professor of State Legal Subjects of South Ural State University. He is the author of 70 publications. Research interests: history of operational investigation in Russia. E-mail: serzhar@mail.ru.

Зиганшин Султан Ришатович родился 7 октября 1987 г. В 2009 году окончил Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова. В настоящее время аспирант кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права. Область научных интересов: уголовно-правовые и криминологические аспекты нелегальной миграции. E-mail: aspirant.s@ya.ru.

Ziganshin Sultan Rishatovich was born on October 7, 1987. In 2009 he graduated from Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov. Now he is a postgraduate student of Criminal Law, Criminology and Criminal Executive Law Department. Research interests: criminal and criminological aspects of illegal migration. E-mail: aspirant.s@ya.ru.

Зуев Сергей Васильевич родился 12 сентября 1971 г. В 2010 году защитил докторскую диссертацию «Теоретические и прикладные проблемы уголовного преследования по делам о преступлениях, совершаемых организованными группами и преступными сообществами (преступными организациями)». Автор 100 публикаций. В настоящее время – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин ЮУрГУ. Область научных интересов: информационное обеспечение уголовного процесса, использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам, обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства. E-mail: zuevsergei@newmail.ru.

Zuev Sergey Vasilevich was born on September 12, 1971. In 2010 he defended a doctorate thesis «Theoretical and applied issues of criminal prosecution for crimes committed by organized groups and criminal associations (criminal organizations)». He is the author of 100 publications. Now he is a professor of Criminal and Legal Subjects Department of South Ural State University. Research interests: information support of criminal proceeding, the use of the results of operational investigation in evidence in criminal cases, security of the participants of criminal procedures. E-mail: zuevsergei@newmail.ru.

Илюхов Алексей Александрович родился 6 октября 1974 г. в г. Смоленске. В 1996 году окончил Орловскую высшую школу милиции. В 2001 году защитил кандидатскую диссертацию «Обоснованный риск как одно из обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяний». В настоящее время – докторант Академии управления МВД России. Автор 37 публикаций. Область научных интересов: исследование особенностей уголовного судопроизводства по уголовным делам, рассмотренным судом с участием присяжных заседателей. E-mail: al-klio74@yandex.ru.

Ilyukhov Alexey Alexandrovich was born on October 6, 1974 in Smolensk. In 1996 he finished Orel Higher Militia School. In 2001 he defended a Candidate's thesis «Substantiated risk as one of the facts, which excludes criminality and penalty of actions». Now he is a doctoral candidate of the Academy of Management of the Interior Ministry of Russia. He is the author of 37 publications. Research in-

Сведения об авторах

terests: study of peculiar features of criminal procedure in criminal cases, dealt with by the court with the participation of juries. E-mail: alklio74@yandex.ru.

Иголеви́ч Наталья Ивановна родилась 10 мая 1963 г. в г. Челябинске. В 1985 году окончила Челябинский политехнический институт. В 2007 году защитила докторскую диссертацию «Психология интегральной индивидуальности менеджеров разного уровня управления: полисистемный подход». В настоящее время – профессор кафедры конституционного и административного права ЮУрГУ. Область научных интересов: психология личности, психология профессионализма, личностно-профессиональное развитие, правосознание. Автор 80 публикаций.

Iogolevich Natalia Ivanovna was born on May 10, 1963 in Chelyabinsk. In 1985 she graduated from Chelyabinsk Polytechnic Institute. In 2007 she defended a doctorate thesis «Psychology of integrated personality of managers of different management levels: polysystemic approach». Now she is a professor of Constitutional and Administrative Law Department of South Ural State University. Research interests: psychology of personality, psychology of professionalism, personal and professional development, legal consciousness. She is the author of 80 publications.

Квани́на Валентина Вячеславовна родилась 1 сентября 1956 г. В 1982 году окончила МГЮА (Хабаровский факультет). В настоящее время – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского и коммерческого права Южно-Уральского государственного университета. Автор 100 публикаций. Область научных интересов: частноправовое и публично-правовое в сфере предпринимательской и профессиональной деятельности; правовое регулирование отношений в сфере высшего профессионального образования. E-mail: vv.kvanina@mail.ru.

Kvanina Valentina Vyacheslavovna was born on September 1, 1956. In 1982 she graduated from Moscow State Law Academy (Khabarovsk faculty). Now she is a Doctor of Science (Law), a professor, a head of Entrepreneurial and Economic Law Department of South Ural State University. She is the author of 100 publications. Research interests: private and public in the sphere of entrepreneurial and professional activity; legal regulation of relations in the sphere of higher professional education. E-mail: vv.kvanina@mail.ru.

Конева Наталья Сергеевна родилась 12 декабря 1979 г. В 2001 году окончила Челябинский государственный университет. В 2003 году защитила кандидатскую диссертацию «Иммунитеты в конституционном праве Российской Федерации». В настоящее время – доцент кафедры конституционного и административного права ЮУрГУ. Автор 20 публикаций. Область научных интересов: конституционный процесс, конституционный контроль, деятельность законодательных (представительных) органов государственной власти России. E-mail: natalykoneva@yandex.ru.

Koneva Natalia Sergeevna was born on December 12, 1979. In 2001 she graduated from Chelyabinsk State University. In 2003 she defended Candidate's thesis «Immunities unconstitutional law of the Russian Federation». Now she is an Associate Professor of Constitutional and Administrative Law Department of South Ural State University. She is the author of 20 publications. Research interests: constitutional process, constitutional control, activity of legislative (representative) bodies of state authority of Russia. E-mail: natalykoneva@yandex.ru.

Костина Галина Сергеевна родилась 26 декабря 1984 г. В 2007 году окончила юридический факультет Воронежского государственного университета. В настоящее время – соискатель того же университета. Автор шести публикаций. Область научных интересов: административное право, финансовое право, информационное право. E-mail: kgs8310@mail.ru.

Kostina Galina Sergeevna was born on December 26, 1984. In 2007 she graduated from the Faculty of Law of Voronezh State University. Now she is degree-seeking student of the university. She is the author of 6 publications. Research interests: administrative law, financial law, data protection law. E-mail: kgs8310@mail.ru.

Кудрявцева Анна Васильевна родилась 6 июля 1966 г. В 1988 году окончила юридический факультет Карагандинского государственного университета. В 1993 году защитила кандидатскую диссертацию «Использование судебно-медицинских знаний в расследовании преступлений». В

Сведения об авторах

2001 году защитила докторскую диссертацию «Судебная экспертиза как институт уголовно-процессуального права». В настоящее время – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮУрГУ. Автор более 100 публикаций. Область научных интересов: судебная экспертиза, доказательственное право в уголовном процессе. E-mail: acifna@mail.ru.

Kudryavtseva Anna Vasilevna was born on July 6, 1966. In 1988 she graduated from the Faculty of Law of Karaganda State University. In 1993 she defended a Candidate's thesis «The use of forensic medical knowledge in crime investigation». In 2001 she defended a doctorate thesis «Forensic investigation as the institution flaw in criminal procedure». Now she is a professor of Criminal Procedure and Criminology Department of South Ural State University. She is the author of 100 publications. Research interests: forensic investigation, evidence law in criminal proceeding. E-mail: acifna@mail.ru.

Макарова Зинаида Валентиновна – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, профессор кафедры конституционного и административного права ЮУрГУ. E-mail: kiap@susu.ac.ru.

Makarova Zinaida Valentinovna is a Doctor of Science (Law), a professor, an honored jurist of the Russian Federation, a professor of Constitutional and Administrative Law Department of South Ural State University. E-mail: kiap@susu.ac.ru.

Налбандян Паруйр Сасуникович родился 19 мая 1977 г. В 2004 году окончил Институт экономики, права и гуманитарных специальностей в г. Краснодаре. В настоящее время – преподаватель Гюмрийского Государственного педагогического института им. М. Налбандяна. Автор пяти публикаций. Область научных интересов: уголовный процесс. E-mail: uk77@mail.ru.

Nalbandyan Paruyr Sasunikovich was born on May 19, 1977. In 2004 he graduated from the Institute of Economics, Law and Humanities in Krasnodar. Now he is a lecturer of Gyumri State Pedagogical Institute name after M. Nalbandyan. He is the author of 5 publications. Research interests: criminal proceeding. E-mail: uk77@mail.ru.

Овчинников Юрий Георгиевич родился 16 октября 1976 г. В 1998 году окончил Красноярскую высшую школу МВД России. В 2006 году защитил кандидатскую диссертацию «Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе». В настоящее время – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России. Автор более 80 публикаций. Область научных интересов: досудебное производство в уголовном процессе. E-mail: yur147@yandex.ru.

Ovchinnikov Yuriy Georgievich was born on October 16, 1976. In 1998 he graduated from Krasnoyarsk High School of Ministry of the Interior of Russia. In 2006 he defended a Candidate's thesis «House imprisonment as a preventive measure in criminal proceeding». Now he is an Associate Professor of Criminal Proceeding and Criminology Department of Vladivostok branch of Far Eastern Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. He is the author of more than 80 publications. Research interests: pre-trial procedure in criminal proceeding. E-mail: yur147@yandex.ru.

Орлов Кирилл Александрович родился 9 августа 1982 г. в г. Кургане. В 2003 году окончил Уральский юридический институт МВД России. В 2006 году защитил кандидатскую диссертацию «Правовое регулирование и средства массовой информации». В настоящее время – преподаватель кафедры теории и истории государства и права Уральского юридического института МВД России. Автор 12 публикаций. Область научных интересов: правовое регулирование средств массовой информации.

Orlov Kirill Alexandrovich was born on August 9, 1982 in Kurgan. In 2003 he graduated from the Ural Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. In 2006 he defended a Candidate's thesis «Legal regulation and mass media». Now he is a lecturer of Theory and History of State and Law Department of the Ural Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. He is the author of 12 publications. Research interests: legal regulation of mass media.

Петров Павел Константинович окончил Челябинский государственный университет в 1999 году. В 2010 году защитил кандидатскую диссертацию «Уголовно-правовые и криминологические аспекты похищения человека». В настоящее время – доцент кафедры уголовного права,

Сведения об авторах

криминологии и уголовно-исполнительного права ЮУрГУ, адвокат. Автор восьми публикаций. Область научных интересов: уголовное право. E-mail: petrov.pk@mail.ru.

Petrov Pavel Konstantinovich graduated from Chelyabinsk State University in 1999. In 2010 he defended a Candidate's thesis «Criminal and criminological aspects of kidnapping». Now he is an Associate Professor of Criminal Law, Criminology and Criminal Executive Law of South Ural State University, a lawyer. He is the author of 8 publications. Research interests: criminal law. E-mail: petrov.pk@mail.ru.

Петухова Татьяна Николаевна родилась 24 мая 1958 г. В 1982 году окончила Пермский государственный университет. В настоящее время – аспирант Уральского финансово-юридического института. Автор семи публикаций. Область научных интересов: правовое обеспечение межнациональной толерантности. E-mail: tatyana.petukhova@mail.ru.

Petukhova Tatiana Nikolaevna was born on May 24, 1958. In 1982 she graduated from Perm State University. Now she is a postgraduate student of the Ural Financial and Law Institute. She is the author of 7 publications. Research interests: legal enforceability of interethnic tolerance. E-mail: tatyana.petukhova@mail.ru.

Плотников Роман Владимирович родился 21 октября 1984 г. В 2005 году окончил Академию народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации. В настоящее время – соискатель кафедры государственно-правовых дисциплин СЮИ ФСИН России. Автор пяти публикаций. Область научных интересов: теоретико-правовые аспекты проблемы миграционных правоотношений. E-mail: plorov@list.ru.

Plotnikov Roman Vladimirovich was born on October 21, 1984. In 2005 he graduated from the Russian Presidential Academy of National Economy. Now he is a degree-seeking student of State and Legal Subjects of Samara Law Institute of the Federal Service for Execution of Punishment of Russia. He is the author of 5 publications. Research interests: theoretical and legal aspects of the problem of migration legal relations. E-mail: plorov@list.ru.

Пьянзина Екатерина Валерьевна родилась 11 августа 1985 г. В 2002 году окончила Уральский юридический институт МВД России. В настоящее время – адъюнкт кафедры уголовного процесса того же вуза. Автор шести публикаций. Область научных интересов: доказывание по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. E-mail: f66769@akado-ural.ru.

Pyanzina Ekaterina Valerievna was born on August 11, 1985. In 2002 she graduated from the Ural Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. Now she is an adjunct of Criminal Proceeding Department of the same institute. She is the author of 6 publications. Research interests: evidence in criminal cases, connected with illicit drug, psychotropic substances and their equivalents trafficking. E-mail: f66769@akado-ural.ru.

Русман Галина Сергеевна родилась 29 октября 1980 г. в п. Комсомолец Костанайской области. В 2003 году окончила факультет экономики и права Южно-Уральского государственного университета. В 2006 году защитила кандидатскую диссертацию «Судебный контроль за избранием мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста». В настоящее время – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮУрГУ. Автор 22 публикаций. Область научных интересов: поощрительные нормы в уголовном судопроизводстве, судебный контроль.

Rusman Galina Sergeevna was born on October 29, 1980 in village Komsomolets of the Kostanay region. In 2003 she graduated from the Faculty of Economics and Law of South Ural State University. In 2006 she defended a Candidate's thesis «Judicial control of preventive measures by means of detention and house imprisonment». Now she is an Associate Professor of Criminal Proceeding and Criminology Department of South Ural State University. She is the author of 22 publications. Research interests: incentive norms in criminal procedure, judicial control.

Сагандыков Михаил Сергеевич родился 28 августа 1979 г. в Челябинске. В 2001 году окончил ЮУрГУ. В 2004 году защитил кандидатскую диссертацию «Конституционные принципы правового регулирования трудовых и иных непосредственно с ними связанных отношений в Российской Федерации». В настоящее время – доцент кафедры трудового и социального права

Сведения об авторах

ЮУрГУ. Область научных интересов: проблемы международно-правового регулирования труда. Автор 40 публикаций.

Sagandykov Mikhail Sergeevich was born on August 28, 1979 in Chelyabinsk. In 2001 he graduated from South Ural State University. In 2004 he defended a Candidate's thesis «Constitutional principles of legal regulation of labor and other related relations in the Russian Federation». Now he is an Associate Professor of Labored Social Law Department of South Ural State University. Research interests: is sues of international and legal labor regulation. He is the author of 40 publications.

Сиволова Анна Алексеевна родилась 9 сентября 1988 г. В 2010 году окончила Смоленский гуманитарный университет. В настоящее время – старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса того же университета. Автор 25 публикаций. Область научных интересов: уголовное право, уголовный процесс. E-mail: aasivolova@rambler.ru.

Sivolova Anna Alekseevna was born on September 9, 1988. In 2010 she graduated from Smolensk University of Humanities. Now she is a senior lecturer of Criminal Law and Proceeding of the same university. She is the author of 25 publications. Research interests: criminal law, criminal proceeding. E-mail: aasivolova@rambler.ru.

Спришевский Николай Сергеевич родился 18 декабря 1981 г. В 2008 г. закончил Южно-Уральский государственный университет. В настоящее время – сотрудник управления уголовного розыска ГУ МВД России по Челябинской области. Автор трех публикаций. Область научных интересов: история оперативно-розыскной деятельности в России.

Sprishevskiy Nikolay Sergeevich was born on December 18, 1981. In 2008 he graduated from South Ural State University. Now he is a Criminal Investigation Department officer of Chief Directorate of Ministry of Interior of Russia in the Chelyabinsk region. He is the author of 3 publications. Research interests: history of operational investigation in Russia.

Тарнавский Олег Александрович родился 9 декабря 1974 г. В 1997 году окончил юридический факультет Оренбургского государственного аграрного университета. В 2000 году защитил кандидатскую диссертацию «Уголовно-процессуальный механизм предъявления и разрешения гражданского иска в уголовном деле». В настоящее время – проректор по безопасности и организационно-правовым вопросам Оренбургского государственного университета, доцент кафедры уголовного процесса того же вуза. Автор более 30 публикаций. Область научных интересов: защита прав и свобод граждан в уголовном судопроизводстве. E-mail: iens@mail.osu.ru.

Tarnavsky Oleg Aleksandrovich was born on December 9, 1974. He graduated from the Law Faculty of Orenburg State Agrarian University in 1997. He defended a candidate thesis «Criminal procedure mechanism of filing and adjudication civil claims in a criminal case». Now he is Vice-Rector for security and procedural and institutional issues of Orenburg State University, Associate Professor of the Criminal Procedure Department of the university. He is author of more than 30 published works. Research interests: protection of freedom and rights of citizens in criminal procedure. E-mail: iens@mail.osu.ru.

Тетюев Станислав Владимирович родился 12 сентября 1981 г. в г. Копейске Челябинской области. В 2003 году окончил Южно-Уральский государственный университет по специальности «юриспруденция». В 2006 году защитил кандидатскую диссертацию «Допрос несовершеннолетнего обвиняемого в стадии предварительного расследования (процессуальный аспект)». В настоящее время – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮУрГУ. Автор 100 публикаций. Область научных интересов: производство по уголовным делам с участием несовершеннолетних. E-mail: stas_tetyuev@list.ru.

Tetyuev Stanislav Vladimirovich was born on September 12, 1981 in Kopeysk of the Chelyabinsk region. In 2003 he graduated from South Ural State University with the specialty of jurisprudence. In 2006 he defended a Candidate's thesis «Questioning of the minor accused in pre-trial investigation (procedural aspect)». Now he is an Associate Professor of Criminal Proceeding and Criminology Department of South Ural State University. He is the author of 100 publications. Research interests: proceedings in criminal cases with the minors. E-mail: stas_tetyuev@list.ru.

ТРЕБОВАНИЯ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ МАТЕРИАЛОВ

1. В редакцию предоставляются электронная (документ Microsoft Word) версия работы, экспертное заключение о возможности опубликования работы в открытой печати, сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, звание и должность для всех авторов работы), контактная информация ответственного за подготовку рукописи.

2. Структура статьи: название, список авторов, текст статьи, концевые сноски. После текста работы (в отдельном файле) следуют аннотация, список ключевых слов и сведения об авторах.

3. Параметры набора. Поля: зеркальные, верхнее – 25, нижнее – 25, внутри – 15, снаружи – 30 мм. Шрифт – Times New Roman, масштаб 100 %, интервал – обычный, без смещения и анимации. Отступ красной строки 0,7 см, интервал между абзацами 0 пт, межстрочный интервал – полуторный.

4. Адрес редакции научного журнала «Вестник ЮУрГУ» серии «Право»: Россия, 454080, г. Челябинск, ул. Коммуны, 149, Южно-Уральский государственный университет, юридический факультет, кафедра уголовного процесса и криминалистики (отв. ред. проф. А. В. Кудрявцева).

5. Полную версию правил подготовки рукописей и пример оформления можно загрузить с сайта ЮУрГУ (<http://www.susu.ac.ru>), следуя ссылкам: «Наука», «Вестник ЮУрГУ», «Серии».

6. Плата с аспирантов (дневной формы обучения) за публикацию рукописей не взимается.

ВЕСТНИК ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 20 (279) 2012

**Серия
«ПРАВО»
Выпуск 30**

Редактор С. В. Тетюев
Компьютерная верстка В. С. Чисовой

Издательский центр Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 03.05.2012. Формат 60×84 1/8. Печать трафаретная.

Усл. печ. л. 14,41. Тираж 500 экз. Заказ 104/241.

Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ. 454080, г. Челябинск, пр. им. В. И. Ленина, 76.